

Секция «ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ»

Подсекция «Культурология и литературоведение»

Лексико-грамматическая персонификация времен года и абстрактных понятий (на примерах гравюр)

С.Ю. Андреева

Тверской государственный университет

При лексико-грамматической персонификации грамматический род существительных задает понимание того или иного образа как существа женского или мужского пола. Р.О.Якобсон в статье «О лингвистических аспектах перевода» уделит особое внимание категории грамматического рода и проследил ее влияние на создание образа при персонификации различных объектов: «Даже такая категория, как грамматический род, которую часто приводят как пример формальной категории, играет большую роль в мифологической стороне деятельности речевого коллектива. В русском языке принадлежность к женскому полу выражается грамматическим женским родом, принадлежность к мужскому полу – мужским родом. Персонификация и метафоризация неодушевленных предметов определяется их принадлежностью к грамматическому роду» [2: 366].

Влияние грамматического рода как языкового фактора четко просматривается не только в художественных текстах, но и в искусстве (живописи, графике, скульптуре). Это как раз тот случай, когда образ, вызванный словом, запечатлевается в цвете или в линии. Такое изображение абстрактных понятий часто называется аллегорией. В рамках нашего исследования удобно воспользоваться мнением Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс, согласно которому аллегория является особой формой персонификации [3: 219].

Исследуя феномен лексико-грамматической персонификации, мы обратили внимание на некоторые гравюры. В Европе XVI – XVII вв. гравюры пользовались большой популярностью. Абстрактные понятия (времена года, грехи и добродетели, смерть, любовь, мир) традиционно изображались в виде человеческих фигур. Так, было распространено изображение весны в облике богини Флоры, особенно в творчестве итальянских и

флорентийских художников (Антонио Темпеста). Весна в виде молодой девушки или богини появлялась и на гравюрах немецких художников, но в немецкой традиции существовал еще один вариант персонификации этого времени года: у нюрнбергского художника Виргила Солиса есть гравюра, на которой весна представлена в образе крестьянина, обрабатывающего землю. Начало весны безусловно было связано с полевыми работами, относящимися к мужским видам деятельности, но небезосновательно будет и предположение, что при выборе образа мужчины сыграл роль и языковой фактор: в немецком языке слово весна *der Lenz* (как и *der Fr?hling* – в современном немецком) – мужского рода. В немецком языке остальные времена года также обозначаются словами мужского рода, и на гравюрах немецких художников они часто выступают в мужском облике.

Изображение смерти в европейской традиции чаще представлено мужским образом. Так, на одной немецкой гравюре XVII в. смерть олицетворяет скелет, одетый в мужской костюм. А.В. Зеленин, исследуя и сравнивая типы персонификаций смерти в европейской и русской культурах, особо подчеркивает роль грамматического рода слов, обозначающих понятие «смерть». Исследователь отмечает, что «в немецкой и английской культуре образ смерти (скелета с косой) ассоциировался с мужским персонажем, во французской – с женским» [1: 77]. А.В. Зеленин объясняет это влиянием грамматического рода слов *der Sensenmann* (нем.) и *la faucheuse* (франц.), а тот факт, что в английской литературной традиции смерть представлена мужской персонификацией (*scytheman*) – заимствованием мужского образа смерти из немецкой культуры. Впоследствии этот образ перешел и в русскую литературную традицию, но в несколько измененном виде: грамматический женский род слова смерть потребовал замены образа старика образом старухи.

Приведенные примеры, как нам представляется, наглядно свидетельствуют о роли грамматического рода как языкового фактора при персонификации некоторых явлений или абстрактных понятий. Изучение лексико-грамматической персонификации представляется нам актуальным для межкультурной коммуникации и, в частности, для практики перевода.

Литература

1. Зеленин А.В. Старуха с косой // Русский язык в школе. – 2004. – №2 – С. 77.
2. Якобсон Р.О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 455 с.
3. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. – М.: Высш. шк., 1975. – 316 с.

Молодежный культ на основе литературного произведения как новое социокультурное явление (на примере серии книг Дж.К.Ролинг о Гарри Поттере)

Ю.С. Бревнова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ряд факторов, характеризующих современный этап развития общества, среди которых особое место занимают технологический (развитие информационных технологий) и социальный (глобализация), сделали возможным возникновение такого феномена, как молодежный культ на основе литературного произведения, когда книга выходит за рамки литературы и становится значимым социокультурным явлением, оказывающим заметное влияние на общество в целом. Это можно наблюдать на примере необычайной популярности произведений Дж.К.Ролинг о Гарри Поттере, которая проявилась:

- 1) географически: распространившись на десятки стран всех континентов;
- 2) социально: охватив множество различных социальных и возрастных групп;
- 3) в сфере культуры: вызвав резонанс в литературных кругах (пародии, подражания, многочисленные переводы); найдя «виртуальное» (резонанс в сети Интернет) и «материальное» проявление (в предметах быта, одежды, календарях, фильмах и пр.).

Несмотря на то, что интерес к серии о Гарри Поттере проявляют представители многих возрастных групп, основу аудитории поклонников творчества Ролинг составляют дети и подростки. Именно в их среде популярность серии проявилась наиболее ярко и интенсивно, что объясняется рядом социально-психологических причин.

Кроме внешних факторов, обусловивших появление данного феномена, существуют предпосылки для его развития и на уровне текста. Так, анализ произведений Ролинг позволил выделить ряд черт, которые делают книги о Гарри Поттере интересными для широкой многонациональной читательской аудитории и способствуют их восприятию: особенности жанра и сюжета, богатый и оригинальный язык, наличие архетипических фигур и ситуаций.

В становлении и развитии культа на основе произведений Дж.К.Ролинг можно выделить несколько этапов:

- рост тиражности: тираж каждой последующей книги серии о Гарри Поттере увеличивается, и общий тираж проданных книг к настоящему моменту составляет около 270 млн. экземпляров
- перевод на национальные языки и адаптация в англоязычных странах: Россия стала тридцать шестой страной, на язык которой была переведена серия книг Дж.К.Ролинг, а в общем списке значатся страны всех континентов;
- «виртуализация» романов: сеть Интернет стала средой, в которой особенно ярко проявилась необычайная популярность творчества

Дж.К.Ролинг, о чем свидетельствует не только существование множество сайтов, посвященных «Гарри Поттеру», но содержание многочисленных форумов, на которых обсуждаются книги, а также обильное литературно-художественное творчество поклонников Дж.К.Ролинг в виде произведений фанфикшн;

- экранизация: по мотивам серии снимаются фильмы, кассовые сборы от выхода которых составляют сотни миллионов долларов. С одной стороны, экранизация произведений Ролинг позволяет поддерживать интерес к книгам, с другой стороны, часть славы романов о Гарри Поттере переходит к фильмам;

- коммерциализация: символика серии активно используется практически во всех областях легкой промышленности, результатом чего стало появление множества «производной» продукции в виде сувениров, одежды, канцелярских принадлежностей, предметов быта и пр. с изображением героев серии и сцен из книг.

Кроме того, существует ряд признаков или проявлений культа, которые характеризуют как каждый из этапов, так и процесс его развития в целом. К таким проявлениям стоит отнести, прежде всего, активное обсуждение романов во всех средствах массовой информации.

К проявлениям культа стоит отнести также активное использование произведений Ролинг в психологии и педагогике, интерес к серии со стороны науки, использование романов в качестве материала для ролевых игр.

Таким образом, молодежный культ как явление современной социокультурной жизни имеет определенные характерные признаки и проходит в своем становлении и развитии ряд этапов, многие из которых могли бы быть выявлены при изучении сходной сверхпопулярности произведений других авторов, например, Дж.Р.Р.Толкина. Перспектива исследования данного феномена видится в том, что выводы и наблюдения, полученные в ходе настоящей работы, могут оказаться полезными для изучения схожих явлений, которые последуют за культом произведений Дж.К.Ролинг.

Австрийский вариант немецкого языка и национальная и культурная идентичность на примере австрийской прессы

А.М. Денисова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Вопрос о признании австрийского варианта равноправным по отношению к федеральному немецкому стал особенно актуальным в австрийской языковой политике после переговоров о вступлении Австрии в ЕС. Спустя 10 лет после вступления в этот союз существуют различные мнения. Хотелось бы коротко представить эти точки зрения на примере двух статей из газеты «die Presse».

По мнению проф. Визингера¹, «австрийский вариант сегодня находится под давлением печатных и аудио СМИ, язык которых определяет Германия. Чем помогут 23 выражения, закреплённые в протоколах ЕС, — говорит профессор, — если австрийцы все больше употребляют «Tomate» вместо «Paradeiser» (помидоры) или «Kartoffel» вместо «Erdäpfel» (картофель), фирмы предпочитают «конфитюру» «мармелад», а в новогоднем концерте по телевидению участники венской филармонии по-немецки ставят ударение на О вместо того чтобы ставить на И?» В качестве решения автор предлагает во время школьных занятий обращать внимание на австриацизмы и австрийский словарь, исследовать их и прививать.

Другое мнение представляет Вольфганг Бём². Он говорит, что даже спустя 10 лет после вхождения в ЕС европейская интеграция не понята. «Австрийцы защищают мармелад как достояние своей культуры и делают Евросоюз ответственным за то, что их насильственно заставили перенять федеральное немецкое обозначение «конфитюр». Это крик о помощи: так, как будто скоро у булочника будут одни «Quarktaschen» вместо «Topfengolatschen» (булки с творогом). Так, как будто служащие в Брюсселе добиваются тотального языкового объединения». В действительности, автор видит большое будущее для европейских стран только в рамках союза. По его мнению, ЕС с его системой соблюдения индивидуальных свобод, развития социально-политических и правовых традиций даёт единственную возможность для соблюдения высокого уровня благосостояния и гуманности в мире усиливающейся глобальной конкуренции.

Обе статьи показывают, насколько остро сегодня стоит вопрос сохранения национальной идентичности, в первую очередь, посредством языковых средств. Интересно, что эта тема после вступления в 2004 году 10 новых стран-членов много обсуждается и в других странах. В качестве примера привожу недавно вышедшую в газете die Presse статью о словацкой идентичности³.

Как утверждает автор статьи (Кристоф Таней), еще в 1993 году национальной Независимости, существовала тенденция предпочитать все западное. После того как была объявлена независимость, стали идентифицировать себя с новым государством. «Кто тогда хотел показать национальную приверженность больше не пил чешскую бехеровку, но заменил ее на словацкую деменовку. И так в прямом смысле слова путь к словацкому национальному самопониманию шёл через желудок: словаки поначалу больше идентифицировали себя с галушками из брынзы (Bryndzove halusky), чем с новым государством».

Так, в ироническом тоне рассуждает репортер о том, как у словаков реализовывалось национальное самопонимание посредством предпочтения отечественных продуктов. Самое важное из этой статьи то, что после вступления в ЕС (сравни историю с обозначением продуктов в Ав-

¹ Газета "Die Presse". Визинген, Петер// "Weil Quark ein Topfen ist", 16.10.2004

² Газета "Die Presse". Бём, Вольфганг// "10 Jahre EU 50 Jahre Marmelade", 03.01.2005

³ Газета "Die Presse". Таней, Кристоф// "Slowakei: Nationale Identität geht durch den Magen" 13.10.2004

стрии в 1995 году) населению стало казаться, что есть угроза для словацких названий продуктов. Как следствие, проблема вошла в общественное сознание. «При защите своих национальных блюд (овечий сыр Брынза) от ЕС словаки добились таких успехов, что приобрели не только разрешение на экспорт, но признали брынзу «типичным национальным блюдом». Это означает, что только Словакия имеет право предлагать в Евросоюзе брынзу».

История со словацким овечьим сыром брынза, также как и австрийские дебаты о «мармеладе» и «конфитюре», «топфенштруделе» и «кваркташе» имеют одинаковое происхождение. Речь идёт о том, что народы в рамках большого союза с достаточно формальными границами, в новом воплощении как «малая часть большого целого» не хотят терять свою идентичность и борются за неё. Интересно, что при этом в попытке самоопределения культурная и национальная идентичность практически одинаково проявляется через языковые средства. «Не язык поддерживает единство нации, а наоборот, нация создает единый язык для выражения своей идентичности.» – говорит Кулмас⁴.

И всё же, – пишет ДеЦиллия, в любом случае нет повода «цепляться за «Marille»(абрикос) «Marmelade»(мармелад)»⁵. В одном из своих интервью прессе проф. ДеЦиллия отметил: «В Австрии языковая политика – это поле, которое не систематично обрабатывается, а только в случае, когда есть сорняки». Рудольф ДеЦиллия из института языкознания университета Вены определяет заботу об австрийском немецком только как одно поле из множества, которым должна быть посвящена когерентная языковая политика. С его точки зрения, это также языки национальных меньшинств, переселенцев – во всех этих областях необходимы направленные мероприятия. ДеЦиллия также выступает за то, чтобы создать политический комитет и экспертный совет, который бы содействовал первому. Я считаю, что для «принимающей» страны Австрии, где население почти на 9%⁶ говорит на родном языке, отличном от немецкого, направленная языковая политика действительно необходима. Для моей работы представляется интересным:

- Какие мероприятия сегодня проводятся для представления австрийского варианта немецкого языка (например, в дидактическом аспекте, в изучении немецкого как иностранного и второго языка, в австрийском языковом дипломе.

- Насколько хорошо австрийский вариант представлен в международных учебниках.

- Какими языковыми правами пользуются представители национальных меньшинств и другие иностранцы в Австрии.

- Считается ли австрийский немецкий пунктом, определяющим принадлежность к австрийскому гражданству.

⁴ Кулмас, Ф.// "Sprache und Staat. Studien zur Sprachplanung" Берлин/Нью-Йорк, 1985, С.12

⁵ Газета "Die Presse". Языковая политика "Nicht an Marille und Marmelade festmachen!" 25.08.2004

⁶ Новейшее исследование: австрийский вклад в европейский проект// "The Impact of Immigration on Europe's Societies", Вена 2003, С.6.

**«Страх» и «любовь» как основа христианских отношений:
(на материале Библии М.Лютера)**

М.А. Капустина

Кемеровский государственный университет

Внутренний мир человека не является доступным для непосредственного исследования, представляет собой многогранное и сложное явление, выстраиваемое на основе более простых объектов. Для его изучения возможным является только исследование форм его проявления во внешнем мире. Основными способами материализации внутреннего мира является речь, поступок/ действие и чувственно – эмоциональные проявления. Условно их можно разделить на две группы: положительно и отрицательно окрашенные с явными доминантами.

Примеры, относящиеся ко второй группе, численно превосходят первую. В группе отрицательно окрашенных эмоций и чувств явно основу составляет страх. Именным формам соответствуют глагольные формы с той же основой: I, 19/2 «**Furcht** und Schrecken vor euch sei über allen Tieren»⁷, и I, 28/17 «Und er **fürchtete sich** und sprach...». Употребление в одном предложении трех или двух единиц со сходным лексическим значением свидетельствует о его интенсификации. Оно может усиливаться с употреблением усилительной частицы «sehr» использованием описания, или указанием на то, что этим чувством охвачено сердце, как основной орган эмоционально – чувственной сферы: V, 28/67 «...vor **Furcht deines Herzens...**». Душа, не обладающая физическими данными, под влиянием данного чувства, проявляет видимые характеристики: I, 42/21 «Denn wir sahen die **Angst seiner Seele**». По структуре условно эти отношения можно представить в виде пар субъекта I и субъекта II, где субъект I – испытывает страх, а субъект II – тот, перед кем испытывают страх. Большинство примеров иллюстрируют структуру: группа людей – Бог и народ – Бог, человек – Боги человек – действие. Главным субъектом I страха является человек, переживающий его индивидуально, и формы объединения людей, где страх переживается коллективно: произвольно сформированная или постоянная группы. В соответствии с антропоцентрической точкой зрения страхи других существ не представлены, а страх животных – только перед человеком. Бог не является субъектом II страха, но обладает самой активной ролью объекта как существо высшего порядка и единственный всеопределяющий центр происходящего. В каждой паре субъект I всегда стоит в иерархии выше, чем субъект II. Бог провоцирует страх, намеренно его вызывает как залог недопущения греха со стороны человека: V, 7/20 «Dazu wird der HERR, dein Gott, **Angst und Schrecken** unter sie **senden**».

Среди положительно окрашенных чувств также выделяется явная доминанта – чувство любви. По сравнению с чувством страха, любовь более субъективное, а следовательно, более субъектное чувство, т.е. субъект

⁷ Пример цитируется с указанием названия книги из Пятикнижия Моисея -I (первая цифра: Das erste Buch Mose), номер строфы (вторая цифра: 19 строфа из первой книги Пятикнижия Моисея), номер строки (третья цифра через знак (/): вторая строка в 19 строфе).

чувства любви представлен как отдельный человек, более того, представлены гендерные различия, и субъект наделен именем. Субъектом этого персонального, личностного психоэмоционального состояния не может быть группа людей или народ. Основные пары имеют следующую конструкцию: Бог (субъект I) – человек (субъект II), мужчина (I) – женщина (II), человек (I) – Бог (II). Чувство любви оказывается взаимонаправленным только относительно Бога и человека, но более активную позицию занимает Бог как центр этически положительного пространства, не включенный в систему внешнего мира и его систему отношений: IV, 7/8 «...weil er [Gott] euch geliebt hat». Система человеческих миров проявляет явные гендерные различия и не обнаруживает взаимонаправленных отношений. Так, образуются пары, где субъектом может выступать только мужчина, роль женщины сводится к роли пассивного субъекта II: I, 29/18 «Und **Jakob** gewann **Rahel** lieb». Эмоционально – чувственная сфера человеческого мира сводится до уровня отношения полов и родственных связей. При главенствующей роли отец выполняет и функцию матери как эмоционально – чувственного центра семейных отношений: I, 37/3 «Israel aber hatte Josef lieber als alle seine Söhne...» Подобные чувственные связи акцентируются в связи с параллелизмом выстраиваемых отношений на уровне структуры миров: роль Бог как отца для каждого отдельного человека, и роль человека как его сына – проецируются на отношения, суженные до уровня отдельной семьи. Эмоционально-чувственную сферу человеческого мира нельзя назвать идеальной, поэтому проявляются модальные оттенки относительно чувственных проявлений. Любовь к ближнему, которая не имеет мотивации и обоснованности с позиций человеческого мира, является основным требованием, предъявляемым божественным миром: III, 19/18 «Du **sollst** deinen Nächsten lieben wie dich selbst». Эта модальность носит исключительно личностно ориентированный характер.

Таким образом, при многообразии проявления чувств и эмоций выявлены явные доминанты, что определяет однозначность отношений между людьми, людьми и Богом. При этом коннотативные оценки человека и Бога не всегда совпадают. Чувство страха и любви не являются антагонистическими с позиции христианской морали, но, дополняя друг друга, составляют основу истинных отношений между Богом и человеком.

Лингвокультурологические особенности французского анекдота

Л.Ф. Лейнвебер

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Во французской культуре понятие «анекдота» трактуется иначе, чем в русской. В первой слово *анекдот* обозначается реальное, но не вымышленное происшествие [1], в то время как в русском языке *анекдот* представляет собой, «в первую очередь, выдуманный рассказ» [2]. Русскому понятию «анекдот» соответствуют во французском языке понятия «his-

toire drôle» (смешная история), а также conte facétieux (пересмешная история). Называя их «анекдотами» здесь и далее, слово используется в русском значении.

Цель данной работы — изучить лингвокультурологические особенности юмористического общения, характерные для носителей французского языка и, тем самым, попытаться частично реконструировать их национальную картину мира [3] посредством освещения ценностей, «перевернутых» в юмористическом тексте.

Сравнивая французские тексты анекдотического содержания, следует обозначить существующие между ними принципиальные различия. Пересмешная история это анекдот 16-18вв., тогда как смешная история является собой пример современного французского анекдота. Пересмешные истории характерны для периода становления национальных особенностей французского общества, во многом утерянных в процессе его дальнейшего развития. Они демонстрируют специфичные, нестабильные явления французской национальной культуры, в то время как современные анекдоты представляют явления культуры универсальные и стабильные.

В текстах 16-18вв. осмеиваются чаще всего комичные ситуации, возникающие между кюре и прихожанами во время исповеди, мессы и других бытовых ситуациях, — обличается корыстолюбие и злоупотребление кюре своим положением. В некоторых пересмешных историях он представляется как мудрый судья, помогающий разрешать людям их житейские проблемы. Немало национальных анекдотов посвящено проблемам взаимоотношения между работниками и начальством, членами семьи. Кроме того, зачастую в них обыгрываются сюжеты с участием фантастических героев, заимствованных из народного фольклора (феи, ведьмы), — это связано, в первую очередь, с высокой назидательной ролью пересмешных историй.

Примечательной для французской национальной культуры является локализация событий, описываемых в них. Это глубокая французская провинция, ее монастыри, замки, гроты, — пересмешные истории имеют ярко выраженный региональный характер.

Для жанра современных анекдотов, выросших из пересмешных историй, не характерна более такая узкая локализация событий. В них высмеиваются комичные ситуации общеполитического, этнического, — надрегионального характера. Появились анекдоты про террористов, а также экологической, космической и т.п. тематик, что объясняется значительными вертикальными изменениями (сменой реалий), затронувшими страну.

Различия между надрегиональными (современными) и региональными (периода 16-18вв.) анекдотами прослеживаются не только в выборе тем, но и в собственно языковых особенностях юмористического текста. Эти различия затрагивают разные уровни текста: семантики, прагматики, синтактики и сигматики.

Замечено, что в анекдоте 16-18вв. и современном французском анекдоте юмористическое обыгрывание осуществляется на разных семиотических позициях. В первом юмор рождается предпочтительно из противоп-

ставления принятого в обществе для обозначения того или иного понятия значения реально несуществующего, в то время как в современном анекдоте юмор строится на семантическом уровне, в основном, на противопоставлении нескольких значений одного понятия.

На уровне прагматики комический эффект выводится в пересмешных историях из нормативно-оценочного несоответствия, в современном — из неожиданных фреймовых ассоциаций. В первом случае фреймовые образы становятся между собой в отношении асимметрии или оппозиции, во втором — проекции.

Однако в современном французском анекдоте наиболее типичными и яркими проявлениями лингвистического юмора являются случаи обыгрывания на уровне формы знака (сигматика слова) и на уровне предложения (синтактика), что связано с особенностями французского словообразования и словопостроения. Эта категория анекдотов труднее всего поддается переводу на русский язык, но наиболее ярко демонстрирует особенности национального способа мышления и создания комического эффекта.

Литература

1. Dictionnaire de langue française. — Larousse: Paris, 1978. — P.30
2. Литературный энциклопедический словарь русского языка. — М., 1978. — С.82
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М., 2000. — С.39-88; 134-161

Образ Италии в творчестве русского художника начала 19 века С. Щедрина

М. В. Липкина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Сравнительное рассмотрение русской и западноевропейской живописи нечасто являлось предметом занятий наших искусствоведов по нескольким причинам. В свое время компаративизм как метод исторического исследования был абсолютно исключен. Кроме того, слишком сильно было укоренившееся стремление рассматривать русскую живопись изолировано — как явление абсолютно самостоятельное, нетерпящее сравнений.

20 век открыл путь к более объективному пониманию русской живописи 18-19 столетий. Первый важный шаг на этом пути сделал А. Н. Бенуа, И. Э. Грабарь с его «Историей русского искусства». Разрешая вопрос о взаимодействии национальных культур, Грабарь писал, что в русской культуре, при всей ее видимой убогости по сравнению с иноземными, кроется непостижимая сила притяжения, не раз заставлявшая перевоплощаться в нее лучших представителей сильнейших культур Европы.

Задачей данной работы является выявление итальянского влияния на творчество одного из великих художников начала 19 века, причем основой для выявления этого влияния является само творчество художника.

ка. Факт того, что Италия воспитала не одно поколение деятелей русской культуры, неоспорим. В частности, влияние этой европейской страны четко прослеживается в творчестве русских живописцев 19 века. Творческая манера многих из них сложилась именно на итальянской почве, которая была центром европейской жизни.

Начало 19 века в живописи – это время зарождения русского романтизма. Русский романтизм 1820-50-х гг. был вдохновлен Италией. Именно в это время творили в Италии такие знаменитые русские художники, как Сильвестр Шедрин и Орест Кипренский. Сильвестр Шедрин (1791-1830) работал на раннем этапе развития русского романтизма, который дал два преимущественных жанра: портрет и пейзаж. «Ранний романтизм в России не осознавал своей истории, своего средневековья».⁸ Этим отчасти может объясняться столь заметное влияние европейской традиции на художников этого времени. Итальянская земля была как будто сотворена для русского романтизма – особенно раннего –, предававшегося умному созерцанию и возвышающей мечте. Эти качества наиболее последовательно выражены у Сильвестра Щедрина, который воспринимает опыт итальянских пейзажистов – мастеров школ Позилиппо, Питлоо, Джиганте, Карелли, вместе с ними открывает пленэр, утверждает слияние пейзажного образа с жанровыми мотивами, проникается поэтическим содержанием. Одним словом, именно на итальянской почве творчество Щедрина достигает высот. Начиная с приезда в Италию в 1818 г. и во время путешествий по стране, Шедрин написал более 40 картин, среди которых: Большая гавань на острове Капри (1827), Вид в Сорренто (1826), Вид на Неаполь (1829), Водопад в Тиволи (1821-1822), Грот в Сорренто с видом на Везувий (1826), Итальянский пейзаж (1826-1827), Колизей (1819), Неаполитанская сцена (1827), Новый Рим. Замок Святого Ангела (1824), Старый Рим (1824), Терраса на берегу моря (1828), Лунная ночь в Неаполе (1828), Скалы Малой гавани на острове Капри (1827). В 1819 г. Шедрин переезжает в Неаполь для выполнения заказов великого князя Михаила Павловича. В 1819-1821 гг. пишет виды Неаполя, в том числе Вид Ривьера ди Кьяйя. В 1822 г. заканчивает картину Колизей в Риме, пишет виды Тиволи и Субиако. В 1825-1828 гг. Шедрин работает в Неаполе и его окрестностях, пишет виды Сорренто, Амальфи, Вико, Поццуоли, Капри. Картину Озеро Альбано в окрестностях Рима (1825) сам Шедрин оценил как лучшую картину, «что я до сих пор писал в сем роде».⁹ В 1828-1829 гг. художник пишет ночные пейзажи Неаполя. Во время болезни в 1829-1830 гг. Шедрин пишет виды интерьеров. Умер и похоронен великий русский художник в Сорренто.

Творчество Щедрина предвосхитило открытия французских художников импрессионистов. Шедрин оказал большое влияние на процесс пленэрно-натурного преображения романтического пейзажа не только в русском, но и в итальянском искусстве (отчасти и потому, что в Италии осталось немало его работ). Многим обязана Щедрину местная, неаполи-

⁸ Сарабьянов Д.В. Русская живопись 19 века среди европейских школ. М., 1980, с. 66.

⁹ Ацаркина Э.Н. Сильвестр Шедрин, с. 73.

танская «школа Позилиппо». С другой стороны, именно Италии Щедрин обязан становлением как художника. Италия была синонимом страны свободы и искусства. Пушкин, Баратынский и Батюшков, Языков и Вяземский, Гоголь, Кипренский и Щедрин, Брюллов и Иванов – в их творчестве звучит итальянская тема, духовная их связь с Италией несомненна. В одном из писем из Италии Щедрин заметил: «Вы знаете, быть в Италии хорошо, а оставить оную, так кажется лучше б никогда в ней не бывать, а пуше пейзажисту».¹⁰

Литература

1. Ацаркина Э.М. Сильвестр Щедрин. М., 1978, с. 73.
2. Сарабьянов Д.В. Русская живопись 19 века среди европейских школ. М., 1980, с. 66.
3. Сильвестр Щедрин. Письма из Италии. Под ред. А. Эфроса. М.-Л., 1932, с.

Общественно-политическая трактовка концепта «рабство» в американской когнитивной картине мира (на примере инаугурационных речей президента А. Линкольна).

Е.С. Миронец

Дальневосточный государственный университет

Обращение к исследованию способов репрезентации концепта «рабство» через общественно-политическую деятельность связано с тем, что именно в ней происходит формирование языковой картины мира, т.е. «базы данных, на основании исследования которых только и можно сделать заключения об особенностях национального мировидения» [1, 78]. Однако по языковой картине мира судить о когнитивной картине мира можно лишь в ограниченно, так как в языке названо только то, что имело или имеет сейчас для народа значимость. Когнитивная картина мира существует в виде концептов (ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека [2]). Роль концепта «рабство» в истории США имеет ключевое значение, поскольку трактовка этого концепта привела к расколу страны на два лагеря: Север и Юг. Тема рабства напрямую пересекалось с политическими, социальными идеями. Большинство политических деятелей выступало в защиту рабства, однако были и сторонники его упразднения.

Во избежание распада союза президенту Линкольну необходимо учитывать интересы обеих сторон. Являясь приверженцем идей свободы и равенства, он, тем не менее, в своем выступлении не настаивает на упразднении института рабства, осознавая, что противостояние Юга и Севера в этом вопросе может привести к военному конфликту. Подобная интерпретация произведена на основе нижеследующего контекста: *«I have no purpose, directly or indirectly, to interfere with the slavery in the States,*

¹⁰ Аполлон Щедрин. Письма в Италию к брату Сильвестру. СПб., 1999, с. 17.

where it exists. I believe I have no lawful right to do so, and I have no inclination to do so» [3].

Многочисленные вопросы, которые Линкольн ставит перед общественно-политической аудиторией в тексте инаугурационной речи, показывают стремление Линкольна учитывать мнение своих сограждан при принятии решений, значимых для судьбы страны, не навязывая при этом однозначных ответов, которые могли бы противоречить интересам одной из сторон.

Литература

1. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: Автореф. диссерт. филол. – М.: МГУ, им. М.В. Ломоносова, факультет Иностранных языков, 2000. – 46с.

2. Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Кубряковой Е.С. М.: МГУ, 1996.

3. Inaugural Addresses of the Presidents of the United States/ A. Lincoln.- <http://www.bartleby.com/124/pres31.html> Дата обращения: 28 августа, 2004г.

Италия в восприятии П.И. Чайковского (по письмам композитора)

И.В. Пастевнычя

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Работа посвящена изучению пребывания П.И. Чайковского в Италии, того влияния, которое Италия оказала на его мировосприятие и творчество. Ценность исследования заключается в том, что до сих пор зарубежные поездки композитора, в частности в Италию (а такие поездки неоднократно имели место с 1872 по 1890 годы), были недостаточно изучены, упускалась из виду их межкультурная проблематика. Таким образом, данная работа призвана восполнить значительный пробел в исследовании жизни композитора. Реализация поставленной цели (проследить формирование и видоизменение взглядов П.И. Чайковского на Италию и выявить степень итальянского влияния на его творчество) осуществляется через исследование отдельных аспектов поездок композитора в Италию, а именно: 1) отношение П.И. Чайковского к различным городам Италии (от «чудных уголков» [1] до «поганого, мерзкого, к чему я никогда не привыкну» [2]), их особенности глазами П.И. Чайковского 2) Италия и творческая деятельность П.И. Чайковского, восприятие и оценка итальянской музыки П.И. Чайковским 3) П.И. Чайковский об особенностях итальянского национального характера, о сходстве и различиях между итальянцами и русскими. В качестве основного источника данной работы выступают письма композитора, написанные в период с 1848 по 1893 годы и адресованные различным лицам.

Литература

1. Чайковский П.И. Полное собрание сочинений. М., 1966, т. 10, с. 60

2. Чайковский П.И. Полное собрание сочинений. М., 1961, т. 6, с. 278

**Два мифа о Троянской войне:
поэма Гомера «Илиада» и фильм В. Петерсена «Троя»**

Е.Н. Платонова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Фильм голливудского режиссера В. Петерсена «Троя» возвращает современного зрителя к событиям, описанным в поэме Гомера «Илиада». В литературе и искусстве мифы обретают новую жизнь, творчески переосмысливаясь и отражая личный взгляд автора, который всегда принадлежит своей исторической эпохе и является гражданином определенного государства. Значит, нам также важно определить, как эти факторы отразились в новейшей трактовке гомеровского сюжета. Хотелось бы выяснить расхождения между фильмом и его литературной основой и выяснить причины этих расхождений.

Сам полуполюгендарный древнегреческий поэт не мог являться участником Троянской войны, реальность которой не вызывает сомнений у ученых. Со времени этого события до его литературного описания прошло несколько веков, и облик Греции, ее культура, политическое и социально-экономическое положение изменились за этот период. И Гомер невольно отражал собственную эпоху, повествуя о давно минувших событиях, возможно, нередко заполняя нехватку знаний о том времени описанием современных ему реалий. В свою очередь режиссер В. Петерсен опирался на гомеровский текст, создавая фильм «Троя», а следовательно, переносил на экран далеко не абсолютно достоверное описание времени гораздо более далекого от человека XXI века, нежели даже от Гомера. Мы ставим перед собой цель выделить мифическую, творческую составляющую гомеровской поэмы и проследить, насколько она перешла в фильм В. Петерсена. И эта вторая задача непосредственно связана с первой, так как вольная трактовка каких бы то ни было аспектов содержания поэмы Гомера в фильме может привести к двойному искажению истории.

Мы считаем необходимым дать небольшую историческую характеристику Греции периода Троянской войны и жизни Гомера, а также объяснить различия в облике страны в эти эпохи. Далее, решение поставленных задач основывается на сравнении исторических реалий и источников по нескольким аспектам. Первая проблема – сама война. Мы попытаемся выяснить, насколько достоверно передали Гомер и В. Петерсен мотивы и причины Троянской войны, ход военных действий и ее длительность. Второй аспект, по которому ведется сравнение, – социально-экономическая ситуация в Греции в эпоху описываемых событий и во время жизни Гомера. Последняя линия сравнения непосредственно связана с темой мифического и затрагивает только сами источники, не касаясь исторических реалий. В докладе рассматриваются различия в сюжете, касающиеся роли древнегреческих богов в жизни героев и событиях войны, взаимоотношений персонажей, а также трактовки идеи бессмертия.

Масштабы Троянской войны в фильме соизмеримы с гомеровскими, ее мотив также не изменяется, но во многих подробностях фильм и по-

эма расходятся, и на то есть несколько предположительных причин. Первая — расчет на кассовость «Трои». Отсюда максимальная зрелищность сцен. По этой же причине режиссер шел за поэтом, а не пытался соответствовать историческим реалиям. Вторая возможная причина вольной режиссерской трактовки «Илиады» — облегчение трудной задачи экранизировать произведение крупной эпической формы. В фильме не фигурируют многочисленные олимпийские боги, потому что их присутствие значительно усложнило бы сюжет. То же самое можно сказать и о сроках войны греков и троянцев. Далекое не буквальное следование Гомеру и истории в том, как вооружены войны в этой войне, опять же облегчает и без того грандиозную задачу реалистичного изображения двух многотысячных армий. Последняя задача режиссера, определившая несоответствие тексту Гомера, — желание ответить ожиданиям публики, расчет на определенные сознание и ментальность. Фильм был выпущен в Голливуде и, следовательно, в основном ориентировался на американского зрителя. Исторически сложилось, что в американском обществе очень высоко ценятся патриотизм, верность своей Родине. Основной герой фильма Ахиллес — воплощение этой идеи. Тема независимости, свободы выбора также одна из доминирующих в фильме. Расчет на собственные силы, вера в свои возможности не чужда американской ментальности. Режиссер сделал ставку на это, полностью исключив из фильма активную помощь богов участникам войны. Потому для режиссера важна еще одна тема — бессмертия, как возможность прославиться в веках, благодаря деятельной и героической жизни.

Литература

1. Керам К. Боги, гробницы, ученые. — М.: Вече, 2003.
2. Лосев А. Ф. Гомер — М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 1996.
3. Сахарный Н. Л. Гомеровский эпос. — М.: Художественная школа, 1976.
4. Фор П. Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны. — М.: Молодая гвардия, 2004.
5. Шталь И. В. Гомеровский эпос. — М.: Высшая школа, 1975.

«The Auld Alliance» — военно-политический союз Шотландии и Франции

М.А. Платэ

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В истории и культуре любой страны большую роль играют те государства, с которыми данная страна имеет длительные политические, экономические, культурные связи. Даже страны, стоящие на разных ступенях развития, могут нуждаться во взаимной поддержке, примером чего являются Франция и Шотландия. В период, когда началось сближение между двумя странами (конец XII — начало XIII вв.), Франция стояла на более высокой ступени развития, чем Шотландия, что выражалось в более совершенной системе государственного управления, более высоком уровне

развития искусств и ремесел. Общий противник – Англия – побудил французов и шотландцев объединиться и заключить военный союз, столь необходимый для Шотландии, находившейся под угрозой потери независимости, и весьма желательный для Франции, ищущей способ давления на Англию, с которой находилась в состоянии постоянной конфронтации.

Немалую роль в том, что Шотландия стала искать сближения именно с Францией, как представляется, сыграло Нормандское завоевание Англии 1066г., поскольку в Шотландию, куда стали переселяться нормандские аристократы, совместно с французским языком, начали проникать элементы французской культуры и дворцового этикета. Так, шотландский король Малькольм III Канмор (1058-1093) вел целенаправленную политику по привлечению нормандской знати в Шотландию и отводил им значительные земельные угодья. Хотя, в отличие от Англии, Шотландия не испытывала прямого нормандского вторжения, мирное проникновение в страну важных элементов англо-нормандского строя оказало сильное воздействие на развитие социальных отношений и общественное устройство шотландского государства. Таким образом, предпосылки для создания союза с Францией возникли в Шотландии еще в XI в., практически за столетие до его официального заключения в 1295г.

С 70-80-х гг. XIIв. Англия начала осуществлять широкую феодальную экспансию на Британских островах. Угроза потери независимости побуждала шотландских королей использовать любые способы для усиления внешнеполитических позиций. По мнению исследователей, именно по этой причине шотландские короли пошли в конце XII – начале XIII в. на политическое сближение с Францией, искавшей союзников в предстоящей войне с Англией, вошедшей в историю, как Столетняя война (1337-1453).

В 1295 г. шотландцы заключили союз с Францией против Англии, получивший название «Давнего Союза» («The Auld Alliance») на следующих условиях: если Англия вторгается в Шотландию или Францию, страна-союзница должна ввести свои войска на территорию Англии. В 1326г. шотландский король Роберт Брюс (1306-1329), уже утвердивший независимость своей страны от Англии, заключил с Францией новый договор. Это был уже не только военный, но и политический союз, согласно которому шотландцы не могли свободно вести торговлю с Францией, но получили права, аналогичные правам свободнорожденного французского гражданина, включающие право передачи собственности по наследству и право нести службу и получать жалование во французской армии, церкви и госаппарате.

Столетняя война между Францией и Англией укрепила союз Шотландии и Франции. Шотландцы сражались под командованием Жанны Д'Арк, когда была снята осада Орлеана (1429г.), а также в других военных кампаниях того периода. Следует отметить, что шотландцы играли заметную роль не только на поле брани, но и на дипломатическом уровне. Например, в период с 1426 по 1438гг. епископом Орлеана был шотландец,

присутствовавший на коронации Карла VII в Реймсе в 1429 г. С 1426 г. шотландские воины служили телохранителями французских королей, и многие из них добились на этой службе высокого положения и влияния. Кроме того, все знатные фамилии Шотландии состояли на службе у короля Франции.

Военный союз Франции и Шотландии был расторгнут в середине XVI в., когда Реформация изменила внешнюю политику Шотландии.

Итак, военный союз Франции и Шотландии, заключенный для борьбы с общим врагом – Англией, был полезен Шотландии не только в политическом, но и в культурном плане: шотландцы смогли повысить уровень образования молодежи, посылая своих представителей во французские университеты и проводя реформы образования по французским образцам, а также, добиться значительного прогресса в области науки, искусства и управления страной. Что касается Франции, то она была заинтересована в Шотландии, в большей степени, как в политическом и военном союзнике в борьбе против Англии, тем не менее, шотландская культура тоже оказывала влияние на культуру Франции, хотя, это влияние не было значительным.

Литература

1. Зверева Г. И. «История Шотландии» // М., Наука, 1987
2. Скотт В. «История Шотландии» // СПб., типография департамента народного просвещения, 1831
3. Halliday J. «Scotland – a concise history» // London, Steve Savage Publishers Ltd, 1990
4. Wood Stephen «The Auld Alliance. Scotland and France, the military connection» // Edinburgh, Mainstream Publishing, 1989

Культура русского зарубежья и ее подвижники (к исследованию творчества Г.Д. Гребенщикова)

О.С. Сирота

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1884-1964), русский писатель, один из величайших представителей мировой литературы XX века. Автор многогранной эпопеи «Чураевы», романа «Былина о Микуле Буяновиче», философской публицистики «Гонец», «Радонега», автобиографической повести «Егоркина Жизнь». Философ, этнограф, преподаватель, лектор и общественный деятель Гребенщиков, широко известный в Европе и Америке более чем через восемьдесят лет возвращается на родину.

Исследователь творчества Гребенщикова не может обойти вниманием уникальный феномен русской «эмигрантской» культуры, которую спасли и приумножили вдали от родины подвижники, не рассчитывавшие на скорое признание. Более 600 лекций о Сибири на русском и английском языках, прочитанных Гребенщиковым в 40 штатах многонациональной Америки – это ли не подвиг русского человека.

После событий 1917 года беженцев из России можно было встретить в любой стране мира. Публицист П.П. Балакшин иронично замечает: «русская всемирность» достигнута путем мирового рассеянья миллионов русских эмигрантов» [1]. «Материк» Россия раскололся, не сумев сохранить былого единства. Теперь существовало как бы две страны — Россия советская, что раскинулась почти на всю Евразию, и Россия эмигрантская, которой предстояло найти свое место в чуждых странах, в чужой культурной среде. Лучшие представители русской интеллигенции понимали, что единственный путь сохранить собственную культурную идентичность вдали от родины — это культивировать родную культуру на новой почве, пропагандировать ее среди иностранцев. Первая половина XX века служит примером невероятного творческого и духовного подъема русской эмиграции.

Русские ученые занимались обширной преподавательской деятельностью. Лекции по всей Европе читали выдающиеся русские ученые и философы — И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, С.Н. Булгаков, В.В. Зеньковский, Г.П. Федотов, С.Н. Трубецкой, Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий и многие другие. Продолжали литературную деятельность — И.А. Бунин, И.С. Шмелев, Д.С. Мережковский, А.М. Ремизов, М.А. Алданов, А.В. Амфитеатров, А.И. Куприн и др. В 1920–1930-х гг. Г.Д. Гребенщиков являлся одним из активных общественных и культурных деятелей русского зарубежья, уделяя наибольшее внимание пропаганде русской культуры и подчеркивая значительность ее вклада в духовную культуру Запада.

Проводились многочисленные творческие литературные вечера русских писателей, концерты выдающихся русских певцов и артистов, театральные постановки, велась активная издательская деятельность, создавались музеи русской культуры.

Общий подъем русской «эмигрантской» культуры был очевиден. Однако, как отмечает культуролог А.Я. Флиер, культура по своей природе изменчива, и одной из важнейших особенностей ее как системы является «способность к самообновлению, постоянному порождению новых форм и способов удовлетворения интересов и потребностей людей, адаптирующих культуру к меняющимся условиям бытия» [2].

Мы вынуждены признать, что постепенный процесс аккультурации русской эмиграции был неизбежен и сопровождался неотвратимой утратой оригинальной «русскости». Однако когда в 1980-х годах открылось богатство культуры русского зарубежья, стало очевидно, что последняя не только не «растворилась» в чужой среде, но и была бережно сохранена. Америка и Европа оказались уникальным доступным «архивом». Благодаря терпимому и гуманному отношению Запада к проявлению всего отличного от собственной традиции, а также пониманию несомненной ценности русской культуры как одной из граней мировой, у России появилась возможность вернуть целый пласт, казалось бы, навсегда утерянной культуры, заполнить своего рода культурную лакуну.

Г.Д. Гребенщиков прекрасно понимал сложность просветительской деятельности в эмиграции, но верил, что однажды его книги раскроет русский читатель. «Все-таки трудна наша с Вами литературная дорога в Америке. Одиноки мы, нет массы читательской и нет чуткости вообще. Но будем мечтать о тех неведомых читателях, которые придут после нас и захотят заглянуть в наше бурное и пламенное прошлое. С этой мыслью и писать легче и лучше выходит» — писал он.

Мы должны быть счастливы, что не уничтожена, не потерялась наша самобытная отечественная культура, и почти через век возвращается, сохраненная и приумноженная нашими историками, философами и литераторами. Вернутся в полном объеме и труды Г.Д. Гребенщикова. Статьи, рассказы, повести, стихи, пьесы, романы все 50 томов его сочинений станут, наконец, полноправным достоянием русской культуры.

Литература

1. Балакшин П.П., «Шаман в лаковых ботинках» // Современник, 1976, № 30, с. 23.

2. Флиер А.Я., *Культура* // Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб., 1998, с. 337.

Национальный характер как неотъемлемый элемент национальной культуры.

Суворова О.Д.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Современные исследователи все чаще обращают внимание на роль национального характера, который в значительной мере определяет траектории развития общества в целом. На сегодняшний день существует огромное количество работ, посвящённых проблематике национального характера. Однако данная проблема достаточно сложна, и в ее изучении необходим комплексный подход историков, политологов, философов, социологов, этнографов, психологов, искусствоведов.

В своем докладе «Русский национальный характер», прочитанном Б.П. Вышеславцевым в 1923 году на конференции в Риме, автор пишет о национальном характере: «Я убежден, что народный характер необычайно устойчив, быть может, он даже всегда остается тем же, и самые неожиданные и невероятные колебания судьбы вскрывают только его скрытые, но всегда присутствовавшие потенции; так что из глубокого понимания характера можно прочесть всю его судьбу...».

Интересны также сведения, которые приводит Н.А. Ерофеев в одном из своих трудов: «По мнению Д.Б. Парыгина, «не вызывает сомнения факт существования психологических особенностей у различных социальных групп, слоёв и классов общества, а также наций и народов». Из аналогичного взгляда исходит и Н. Джандильдин, который определяет национальный характер как «совокупность специфических психологических черт, ставших в большей или меньшей степени свойственными той

или иной социально-этнической общности в конкретных экономических, культурных и природных условиях её развития».

У того же Н.А. Ерофеева находим великолепные рассуждения на тему национального характера: «Одна из наиболее сложных (проблем) — а может быть, и самая сложная — проблема так называемого национального характера, который в каждом этническом образе занимает важнейшее место.

На уровне бытового сознания существование у каждого народа национального характера не вызывает сомнений, является как бы аксиомой. Особенно часто эта мысль возникает во время пребывания в чужой этнической среде, даже самого краткого. Оно укрепляет убеждение в том, что люди одной общности во многих отношениях сильно отличаются от нашей: об этом свидетельствуют черты их жизни и быта, порой даже внешний облик людей, их поведение и пр. У наблюдателя невольно возникает вопрос: случайны ли эти особенности и отличия или они проистекают из одной общей и глубокой причины и коренятся в особой природе данного народа, его особом национальном характере? Может быть, поняв этот характер, мы без труда поймём все особенности данного народа?»

С.Г. Тер-Минасова в своём труде «Язык и межкультурная коммуникация» отмечает, что «Довольно распространённым является мнение о национальном характере, согласно которому это не совокупность специфических, своеобразных, присущих данному народу черт, но своеобразный набор универсальных общечеловеческих черт».

На одном из семинаров С.Г. Тер-Минасова привела замечательную фразу, произнесённую одной из её студенток-первокурсниц: «Идеология — это то, что надо, а культура — это то, что есть». Действительно, поскольку национальный характер является частью культуры нации, то его нельзя «корректировать» административными мерами, характер — это «то, что есть»; но он вместе с тем, будучи детерминирован общественной и природной средой, подвержен определенным изменениям. Общество с недостаточно развитым национальным характером обречено на поражения и неудачи, будь то тяжелый экономический кризис или внешняя агрессия.

Итак, национальный характер любого народа представляет собой целостную систему со свойственной ей иерархией качеств, черт, доминирующих в побуждениях, образе мыслей и действий, в культуре, стереотипах поведения, свойственных данной нации. Национальный характер весьма устойчив. Преимущество его качеств, черт обеспечивается социальными средствами передачи общественно-исторического опыта поколениями. Другими словами, «национальный характер оказывается как бы ключом к объяснению жизни народа и даже его истории».

Литература

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие) — М.: Слово/Slovo, 2000. — 624 с.

2. Суворова О.Д. Национальная песня как отражение национального характера. Россия и Австралия. (Дипломная работа, — Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.

3. Рейбандт И.А. «Менталитет русской культуры», статья
4. Ерофеев Н.КА. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. М., 1982
5. Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер. // Вопросы философии. 1995. №6
6. Сикорский Б.Ф. Бердяев. О роли национального характера в судьбах России // Социально-политический журнал. 1993. №9-10
7. Лосский Н.О. Характер русского народа. 1996, №4

Комикс об Астериксе и миф о Франции

М.А. Терехина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Каждый народ стремится создать национальную идею, свои стереотипы, как для себя, так и для других стран, используя для этого разные средства. Появляются национальные символы, типичные черты. Астерикс, галльский воин, герой популярного комикса, стал одним из символов Франции, наряду с Собором Парижской Богаматери и Эйфелевой башней, мушкетерами.

В этом комиксе нашел свое отображение новый подход к истории французского государства, связанный с именем де Голля, который попытался соединить галльские корни и римское наследие [1]. Астерикс из побежденного становится непобедимым. Это своего рода вызов, брошенный англо-саксонскому миру, уже начавшемуся процессу глобализации.

В мифе об Астериксе, созданном в комиксе, не стоит искать исторической достоверности. Это комический мир, в котором исторические детали доведены до абсурда. В нем переплетаются разные эпохи, хотя само действие происходит в 50 году до н.э. Мы сталкиваемся в этом вымышленном мире с такими проблемами, как дороговизна жизни, загрязнение окружающей среды, пробки в большом городе [2,3]. На страницах комикса можно встретить как современных нам знаменитостей — Битлз или Ширака, так и выдуманных персонажей — Зорро или Франкенштейна. Комикс пронизан аллюзиями: памятники, картины, художественные произведения, великие события и личности, известные песни и цитаты.

В работе анализируются, с учетом бинарной структуры жанра, включающей в себя текст и изображение, способы представления материала [4], приемы достижения комического эффекта [5], социокультурный контекст — элементы, которые способствовали успеху данного комикса.

Литература

1. Agulhon M. «Le Mythe gaulois» // Ethnologie française, XXVIII, 1998, №3, Astérix. Un mythe et ses figures, с. 296-302
2. Goscinny R., Uderzo A. Le tour de Gaule d'Astérix. Paris, 1965
3. Goscinny R., Uderzo A. Laserpe d'or. Paris, 1965
4. Töpffer L'invention de labande dessinée. Paris, 1994
5. Ils sont fous d'Astérix! Un mythe contemporain. Paris, 1996

Преимственность образов американского кино

А.В. Трепакова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Можно без преувеличения сказать, что американское кино является уникальным художественно-эстетическим явлением в силу громадного воздействия на мир и интенсивности распространения его продукции. В настоящий момент Россия, вслед за Европой, испытывает сильное воздействие американского кино. При этом как видеопрокат, так и телеэкраны предлагают зрителю не только новинки американского кинопроизводства, но и уже ставшие классикой киноленты.

Герои, образы и идеалы порождаются спецификой национального развития. В России в течение долгого времени господствовал социалистический образ жизни, в центре которого стоял один-единственный герой — герой-коллектив, ради которого совершались подвиги, приносились в жертву личные интересы, порождались новые великие идеи. Развиваясь параллельно, западная культура создавала свое видение мира — своего и чужого. Социалистическая система породила целую плеяду типичных образов по типу «рабочий и колхозница» — профессиональный революционер, герой-геолог, пионер-герой, человек сложной судьбы, бюрократ, передовик производства и т.д.

Американский кинематограф можно по праву считать проводником «американской мечты» — мечты о лучшей жизни, о справедливости, о прекрасном будущем. Не случайно Голливуд называют «фабрикой грез».

Пожалуй, самым важным положительным героем, которого породил американский кинематограф и который оказал влияние на формирование психологии если не всех, то многих последующих героев, является образ ковбоя. Этот образ столь значителен в традиции американского кино, что время от времени он получает новое воплощение. Важно отметить, что для героев вестернов и сюжетов, связанных с ними, с самого начала был характерен ряд черт, вытекающих из духа уважения к закону.

Герои разнолики, но в их судьбах и соответственно образах развивается идея торжества закона. В каждом конкретном случае поиск человеческой справедливости в личных ситуациях не затеняет общего пафоса кинематографической продукции США. Можно без преувеличения сказать, что каждый из этих фильмов — результат государственного регулирования в кинематографе и идеологического контроля, незримо присутствующего в Голливуде.

Несмотря на все многообразие положительных героев и кинолент, направленных на воспевание идеи законности и порядка, американский кинематограф создавал и продолжает создавать образы отрицательных героев, изображение которых удивительно однотонно. Героизация кино привела к созданию стереотипизированных отрицательных персонажей — это коррупционер, крупный наркоторговец, продажный полицейский и ставший в последнее время «модным» образ террориста. Именно с ними

вступает в борьбу идеальный герой-одиночка, ничего не ищущий для себя, но жаждущий справедливости и борющийся за торжество закона.

Обобщая обзор типичных образов американского кино, можно сказать, что ведущим героем в американской киноиндустрии на протяжении длительного времени является герой-одиночка, преодолевающий обстоятельства и добивающийся победы, чего бы это ему ни стоило. Это герой-мечта, супергерой. Может быть, именно в этой особенности идейного содержания американских фильмов кроется их привлекательность и популярность среди массового зрителя во всем мире.

Литература

1. Карцева Е.Н. Основные тенденции развития массовой продукции Голливуда в 60-е годы. М., 1966. с. 98
2. Кузнецова В. Актер в телесериале – специфика существования. // Время сериала. Контуры нового телевидения. СПб., 2001. с. 98
3. Вайль П. Гений места. М., 2001. с. 16
4. Althen G. American Ways. A Guide for Foreigners in the United States. Intercultural Press, INC, Yarmouth, Maine, 1988.
5. Голенпольский Т.Г., Шестаков В.П. «Американская мечта» и американская действительность. М., 1981.

Подсекция «Лексикология и фразеология»

Frequent structural models of phraseological units with the component 'have'

M.A. Anufriyeva

Pomorsky State University named after Lomonosov

The paper is aimed at finding out the most frequent structural models of phraseological units in the modern English language with a leading component *have*. The object of the investigation is over 500 verbal phraseological units (PhUs). The theoretical base of the paper is the phraseological conception of professor A.V. Kunin and his definition of the phraseological unit, which the author understands like a steady combination of words with a complete or partial transference of meaning.

Having analyzed the structure of the given field of phraseology, the following models have been found:

1. The structural model V + (d) + N + Prep + θ unites the three-component phraseological units having the constant-changeable and the constant-variant-changeable dependence of components. Here are some instances with

the constant-changeable dependence of components: have a name for smth; have a stake in smth; have a hand in smth; e.g.:

«I can't promise much. I'm not the only one that *has a hand in* things in this town. (Th. Dreiser, «The Financier»).

The PhUs with the constant-variant-changeable dependence of components are presented by the following units: have an eye on smb / keep an eye on smb; have a soft spot for smb / have a warm spot for smb; have a grudge against smb / hold a grudge against smb / bear a grudge against smb / nurse a grudge against smb; have a fling at smth / have a stab at smth; e.g.:

«Is it true that you are going up for that exam next month?» – «I thought I might just as well *have a fling at it* this time and see what it's like.» (Slang, Phrase and Idiom in Colloquial English and Theirs Use.)

«I'll *have a good stab at it.*» (J. Galsworthy, «The Roof»).

2. The structural model V + (d) + Adj + N unites the three-component phraseological units with the constant and the constant-variant dependence of components. The PhUs with the constant dependence of components may be illustrated by the following units: have long hands, have a slow wit, have a good hand, have mixed feelings, have a thin skin, have a sharp tongue, have a rough time, e.g.:

«But the Swiss team are *having a rough time* – in their last eight matches they have won just one, drawing two and losing five («Morning Star», Aug. 31).

The phraseological units with the constant-variant dependence of components are presented by the following samples: have long ears / got long ears; have a tile loose / have a screw loose / have a screw missing; have a fine time / have a good time / have a high time / have a big time; e.g.:

«Matt and me are off to be married and *have a high old time.* (A.J. Cronin, «Hatter's Castle»).

«They *had a big time* when he came home drunk». (DAE).

3. The structural model V + (d) + N + Prep + θ 's + N unites the four-component phraseological units with the constant-changeable or the constant-variant-changeable dependence of components. The PhUs with the constant-changeable dependence of components are represented by the following samples: have a bone in one's arm; have a chip on one's shoulder; have a corner in smb's heart; e.g.:

« I am sure that the widow and the child whom you have ever protected and loved will always *have a corner in your heart.* (W. Thackeray, «Vanity Fair»).

The constant-variant-changeable dependence of components is characteristic of the following phraseological units: have a bone in one's arm (leg) / have got a bone in one's arm (leg) / have a bone in the arm (leg); have bats in one's belfry / have bats in the belfry; e.g.:

«You? Anybody that would fall in love with you would have to *have bats in their belfry*» (J. O'Hara, «The Big Laugh»).

«He's not the first in the family to *have bats in the belfry.* His grandfather used to sit up half the night composing letters of warning» (Cowie 1984: 255).

The analysis leads to the conclusion that among modern English phraseological units with the leading component *have*, the most frequent ones are those having three-component and four-component structure and characterized by the constant-changeable and the constant-variant changeable dependence of components.

Межъязыковая фразеологическая эквивалентность

О.С. Давлятова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

По общему признанию языковедов фразеология обнаруживает целый ряд семантических и структурных особенностей, что обуславливает традиционный глубокий интерес к ее многочисленным проблемам. К таким проблемам относятся в первую очередь определение самого объекта фразеологии и связанная с этим неупорядоченность терминологии, вызванные отсутствием единой точки зрения на объем фразеологии как лингвистической дисциплины. Обращаясь к наиболее актуальным задачам изучения фразеологии, следует отметить особое внимание к вопросам семантики фразеологических единиц (ФЕ). Анализ семантики ФЕ последних лет основывается на положении о том, что она является особой лингвистической категорией и должна изучаться как результат взаимодействия семантики различных уровней языка и в сравнении с другими типами семантики — не только лексической, но и грамматической, синтаксической и фонетической [2].

Наличие фразеологизмов в самых различных языках, не могло не обратить на себя внимания и создало потребность сопоставительного изучения фразеологических систем. Факты соответствия ФЕ разных языков являются объектом сопоставительных исследований и рассматриваются, как правило, в сравнительном, сопоставительном, структурно-типологическом либо ареальном плане. Аспект исследования определяется спецификой генетических и культурно-исторических связей сопоставляемых языков, а также формами совпадения самих ФЕ.

Положение, бывшее когда-то гипотезой, о том, что тождественные или очень схожие как по своей семантике, так и по особенностям построения фразеологических образов обороты могут существовать как в близкородственных, так и в неблизкородственных и даже совершенно неродственных языках, сейчас уже не вызывает сомнений. Это создает возможность для использования в исследованиях единой теории и единого понятийно-терминологического аппарата. Типологическая идентичность ФЕ различных языков — прежде всего следствие общности логических и образно-ассоциативных процессов мышления разных народов, а также результат культурно-исторических контактов между ними. Очевидно, что, чем общедоступнее образ, внутреннее содержание ФЕ того или иного языка, тем больше вероятность наличия и в других языках, в других фразеологических системах его фразеологического эквивалента. Но при этом

следует сказать, что и строгой predeterminedности их существования нет: логические и образно-ассоциативные процессы мышления различных народов в каких-то конкретных формах далеко не всегда совпадают (случаи межъязыковой фразеологической омонимии). Исследования показывают, что при совпадении образности в лексической и структурно-грамматической организации ФЕ близкородственных языков обнаруживается больше сходжений, чем в неродственных языках [4].

Сопоставительные исследования в области фразеологии имеют первостепенное значение для теории и практики перевода. Обращаясь к проблеме эквивалентного воспроизведения значений ФЕ, их семантика, как правило, рассматривается как сложный информативный комплекс, состоящий из компонентов как предметно-логического, так и коннотативного характера. Исходя из этого, определяются типы соответствий между ФЕ различных языков. Как правило, выделяют эквиваленты с полным и однозначным соответствием, которое подразумевает сохранение всего комплекса значений переводимой единицы. К другому типу относятся единицы, не имеющие полного соответствия. Расхождения могут касаться как образной структуры, так и плана выражения. Третий тип соответствий основывается на калькировании и возможен, только если образ в исходной единице достаточно «прозрачен» [3].

Систематизация приемов перевода обычно развивается в двух направлениях, разделяясь на перевод фразеологический и нефразеологический. В рамках фразеологического перевода, даже при наличии в переводящем языке фразеологического соответствия, степень близости может варьироваться от абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия. Нефразеологический перевод считается экстремальным, так как редко бывает полноценным; несмотря на компенсаторные возможности контекста, при таком переводе всегда есть некоторые потери. Частичность воссоздания системы смыслов оригинала считается объективным свойством перевода, так как она «обусловлена неизбежной асимметрией любой пары языков, оказывающихся в контакте при переводе» и «абсолютная передача всех смыслов — это некая переводческая сверхзадача, к достижению которой следует стремиться, но достичь ее практически невозможно». [1]

Литература

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М., 2004, с. 544.
2. Кириллова Н. Н. «О денотате фразеологической семантики» // Вопросы языкознания, 1986, N 1, С. 82-90.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода. М., 1990, с. 253.
4. Солодуб Ю. И. «К вопросу о совпадении фразеологических оборотов в различных языках» // Вопросы языкознания, 1982, N 2, С. 106-114.
5. Чернышева И. И. «Актуальные проблемы фразеологии» // Вопросы языкознания, 1977, N 5, С. 34-42.

Некоторые пути исследования роли физического действия в процессе идентификации значения слова

Е.В. Карасева

Тверской государственный университет

Психолингвистическая трактовка слова как единицы речевой/языковой способности человека подразумевает процессуальность значения [2]. Значение слова определяется как процесс соотнесения идентифицируемой словоформы с некоторой совокупностью единиц глубинного яруса лексикона, отражающей многогранный опыт взаимодействия индивида с окружающим миром [1]. Слово трактуется как производное ряда психических процессов (аффективного, наглядно-действенного и понятийно-логического) и обладает способностью служить средством доступа к единому информационному тезаурусу человека. Таким образом, значение слова представляет собой сложное явление, обладающее многокомпонентной структурой.

Нашей целью явилось исследование роли физического действия в процессе идентификации значения слов. Мы руководствовались гипотезой о существовании слов, чья внешняя форма увязывается непосредственно с действием. В частности, это касается компьютерной лексики, слов, обозначающих действия, инструменты. Мы также исходили из предположения о том, что у одних словоформ эта связь выражена более ярко, нежели у других.

В качестве метода исследования был выбран опрос с элементами наблюдения. Испытуемым давалось задание объяснить значение предъявляемого слова, исследователем фиксировались вербальные реакции испытуемых и велось наблюдение за их движениями. Исследование проводилось в два этапа.

На первом этапе ученикам 9-10 классов средней школы предлагалось объяснить значение нескольких русских глаголов. Второй этап исследования проводился со студентами 4-го курса факультета иностранных языков и международной коммуникации ТвГУ на материале глаголов английского языка. На основании данных исследования были сделаны следующие выводы:

большинство предъявленных слов действительно вызвало физическую реакцию, и порой учащиеся ограничивались лишь показом действия, не озвучивая своего понимания значения слова;

на некоторые слова была зарегистрирована большая доля случаев физической реакции, нежели на другие;

у студентов-билингвов, для которых английский язык является иностранным, случаев физической реакции на предъявляемое слово меньше, чем у старшеклассников — носителей русского языка, а случаев затруднения в идентификации значения слова — больше. Вероятно, связь внешней формы с выполнением действия, названного словом, у носителей языка проявляется ярче и чаще, поскольку слова родного языка близки к

живому знанию, так как были усвоены в детстве в ходе познавательной деятельности.

В рамках исследования была также предпринята попытка интроспективного анализа процесса усвоения иноязычных слов с опорой на физическое действие и их дальнейшего функционирования в ментальном лексиконе. Данные интроспекции позволили сделать вывод о том, что подобное заучивание лексических единиц способствует их вживлению в ментальный лексикон билингва, формированию живого знания.

Итак, слово, будучи включено в опыт взаимодействия человека сокрушающим миром, постоянно изменяется, его значение приобретает массу компонентов, оттенков, одним из которых является чувственный компонент. Признание многокомпонентности, сложности структуры значения очень важно для методики преподавания иностранных языков, так как знания лишь части значения недостаточно для полноценного общения на иностранном языке. Современной методике преподавания иностранных языков известны приемы обучения, основывающиеся на вовлечении физического компонента в учебный процесс. К так называемым кинесическим приемам относится метод физической реакции (TPR) Дж. Ашера [4], а также метод аудио-моторных единиц (audio-motor unit) Т. Каливоды [3].

Литература

1. Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1996, 195 с.
2. Леонтьев А.Д. Основы психолингвистики. М., 1997, 287 с.
3. Kalivoda T.B., Morain G. & Elkins R.Y. The Audio-Motor Unit: A Listening Comprehension Strategy that Works // A Smorgasbond of Ideas for Language Teachers. Newbury: Newbury House Publishers, 1983, pp. 337-347.
- 4/ Richard-Amato P. Making it Happen: Interaction in the Second Language Classroom: From Theory to Practice. New York: Addison-Wesley Publishing Group, 1996, pp. 115-125.

Origin of English idioms with proper names

I.I. Kleščin

Pomorsky State University named after Lomonosov

The object of the research is more than 500 idioms with proper names in modern English. The choice of material for the study was made by means of different selections out of defining and translation dictionaries, phraseological and idiomatic dictionaries as well. In our choice of the object we rely upon the frequency of usage of phraseological units with proper names and their role in phraseological nomination.

The aim of the research is to set the nomenclature of idioms with proper names in modern English and to make up a working classification of these idioms from etymological point of view.

As the base of the research, the conception of A.V. Kunin and his method of identification of stable word combinations are used, as well as his method of phraseological units description, which have repeatedly and successfully been employed by many linguists, who are engaged phraseological studies in our country and abroad. As the additional method of verifying phraseological stuff, we use the method of application, suggested by A.V. Zhukov.

Analyzing the object of our research, we see that quite a number of idioms was taken from the ***Greek and the Roman mythology*** and also from compositions of antique writers: *Damon and Pythias* – devoted friends; *Cassandra warnings* – warnings which are neglected, but which always come true in future; *the thread of Ariadne* – a way to help smb to come out of a difficult situation; *like a Sphinx* – with an impenetrable face, containing secret; *to cut the Gordian knot* – to do determined actions in order to reach one's aim, etc., for example:

«His good temper, crisp approach and fairness make him the perfect disentangler of a disputed Notts County penalty decision (*Gordian Notts*, as it were)» (Cowie 1984: 128).

Also a lot of idioms, which were adopted from ***the Bible***, have enriched English phraseology. Most of them are connected with characters of the Bible: *the old Adam* – primitive and sinful human, culture, hidden under the mask of good education and knowledge; *the mark of Cain* – asing of a crime of a fault on smb's reputation; *like David and Jonathan* – inseparable friends; *to outherd Herod* – to surpass Herod himself in perfidy and cruelty; *the kiss of Judas* – every display of friendship in order to hide a betrayal; *the worship of Mammon* – a great passion to wealth, sacrificing family and friends; *a good Samaritan* – a kind-hearted person, etc.

Fiction played a great role in development of English phraseology, the names of many characters made up the semantic base of a great number of idioms: *Darby and Joan* – an old matrimonial pair; *Cordelia's Gift* – a calm, tender feminine voice; *to play Box and Cox* – to hide smth from smb by telling lies; *Simon Pure* – a man in person, an unfalse man; *King Charles's head* – fixed idea; *a Mrs. Mop* – office or house cleaner, etc.

Some phraseological units stand to denote ***a concrete historical person*** or some other really existed man: *Honest Abe* – a nickname of Abraham Lincoln; *on a Napoleonic scale* – on huge, ambitious scale; *a Florence Nightingale* – a diligent nurse; *Hobson's choice* – an absence of any choice; *a Beau Brummel* – a dandy, top, smart person.

Semantics of many word combinations is connected with ***geographical names***: *all ship-shape and Bristol fashion* – everything's OK; *off the Gretna Green* – to get married in a secret; *to kiss the Blarney Stone* – to be a flatterer; *to send smb to Coventry* – to proclaim boycott, etc.

The semantic analysis leads us to the conclusion that the main sources of phraseology under study are as follows: a) the Greek and the Roman mythology; b) the Bible; c) fiction and belle-lettres, d) historical persons, e) geographical names.

Трехкомпонентные фразеологизмы с глаголом *get* в английском языке

Е.А. Кузнецова

Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Изучение структуры есть неотъемлемая часть процесса изучения фразеологических единиц: «при исследовании фразеологии целесообразно включить в параметрическое описание также изучение строения фразеологизмов, так как без этого нельзя изучать их свойства» [1, 105]. В задачу нашей работы входит рассмотрение структуры, типов зависимости компонентов и вариантов одной из наиболее распространенных в современном английском языке моделей описания фразеологических единиц.

Итак, структурно-грамматическая модель $V + (d) + N + Prep + \theta$ объединяет трехкомпонентные фразеологические единицы (о количестве компонентов см.: [2, 59-60]) с константной зависимостью и константно-вариантной зависимостью компонентов [3, 168].

Фразеологизмы с константно-вариантной зависимостью компонентов представляют довольно многочисленную подгруппу: *get / take a fall out of somebody* – амер. поставить кого-л. в неловкое положение; *get / have an advantage of somebody* – получить преимущество перед кем-л.; *get / take the credit for somebody* – получить признание за что-либо; *get / take the measure of somebody* – распознать, раскусить кого-л.; *get / have the start of somebody* – опередить кого-л.; *get / have a down on somebody* – иметь зуб против кого-л., таить злобу против кого-л.; и др.

Для фразеологизмов данной подгруппы характерно, в основном, варьирование глагольного компонента, которое может быть (а) двукратным, реже, (б) трехкратным и (в) многократным: (а) *get / have the drop on somebody* – поставить кого-л. в невыгодное положение; *get / have a call upon something* – пользоваться преимущественным правом, иметь право на что-л.; (б) *get / have / keep the bulge on somebody* – быть в более выигрышном положении; *get / have / have got the goods on somebody* – располагать сведениями, уличающими кого-л.; собрать улики против кого-л.; (в) *get / catch / grab / lay / seize / take hold of somebody* – схватить кого-л.

В фразеологизмах рассматриваемой структурно-грамматической модели могут варьироваться также следующие компоненты:

(а) детерминанты перед субстантивным компонентом: *get an / one's eye on somebody* – следить, наблюдать за кем-л.;

(б) переменные компоненты: *get a sight of somebody / something* – увидеть, заметить кого-л.;

(в) предложные компоненты: *get the laugh of / on / over somebody* – торжествовать над кем-либо, поставить кого-либо в смешное положение; *get the edge on / over somebody / разг* – иметь преимущество перед кем-либо.

Константная зависимость компонентов наблюдается в немногочисленных ФЕ данной модели: *get the feel of something* – освоиться с чем-

либо, выработать навык; get the foot of somebody – опередить, обогнать кого-л.; get the hang of something – приобрести навык, сноровку; get a load of something – *амер. жарг.* понимать, постигать что-л.; get a beat on somebody – *амер. жарг.* обмануть, надуть, обжулить кого-л.; get a bang out of something – *амер. жарг.* получать огромное удовольствие от чего-либо.

Структурный анализ глагольных фразеологических единиц с компонентом *get* обнаруживает в данной микросистеме английской фразеологии значительное количество вариантов, что свидетельствует о невысокой степени устойчивости исследуемых фразеологических оборотов. Внутренняя форма изучаемых фразеологизмов отличается прозрачностью, а наличие развитой вариантности приводит к выводу о том, что данные фразеологизмы приближаются к фразеоматическому уровню по своим структурно-семантическим характеристикам.

Литература

1. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1996. – 381 с.
2. Кунин А.В. Английская фразеология: теоретический курс. – М.: Высшая школа, 1970. – 344 с.
3. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. – М.: Международные отношения, 1972. – 288 с.

Концептосфера фразеологических единиц, выражающих чувства любви/ненависти в русском и английском языках

Л.Н. Лепихина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Осознание того факта, что нельзя заниматься изучением языка вне связи его с человеком, без обращения к внутренним мирам пользователей языка, привело к изменению лингвистической парадигмы в целом и появлению отдельного направления в лингвистике – когнитивного. Это направление основывается на том, что наиболее естественный доступ к сознанию мы получаем посредством языка, что познание действительности разворачивается в определенном культурном контексте и обусловлено историческими и социокультурными факторами [2, 3].

Анализ обширного языкового материала, передающего чувства любви и ненависти (преимущественно фразеологических единиц), позволяет сделать вывод об их исключительно сложной концептуальной структуре. Если рассматривать эти чувства как идеальную сущность, как концепт народной ментальности, они предстают во всем своем многообразии. В данном случае следует согласиться с высказыванием А.Вежбицкой о том, что «нельзя пролить свет на природу эмоций, не обращая внимания на народные представления об эмоциях, отраженные в языке» [1]. Любой носитель русского языка понимает значение выражения «любить по-русски». Но для человека, не знакомого с русской культурой, эта фраза будет

непонятной. В то же время не существует идиомы «любить по-английски» или «любить по-немецки» и т.д.

Сравнение английских и русских фразеологических единиц со значением любви/ненависти показывает, что одно и то же чувство в двух языках имеет различную концептосферу. Выражение «любить очень сильно» в русском языке передается следующими фразеологизмами: *любить всей душой, души не чаять, любить всем сердцем*, а в английском тот же смысл передается идиомами с другим внутренним содержанием: *be deep in love* (букв. Быть глубоко в любви), *far gone in love* (букв. Далеко охваченный в любви), *be death on* (букв. Быть смертью на).

Примечательно, что переживание чувств любви/ненависти сопровождается изменениями в психологическом состоянии человека, и это находит отражение во фразеологических единицах. В данном случае, сопоставляя два языка можно проследить некую аналогию:

рус. *Быть без ума от* и англ. *Be mad about* (букв. Быть сумасшедшим об) или рус. *помешанный на ком-либо* и англ. *be (all) agog about/on* (букв. Быть (полностью) в возбуждении от)

В то же время внутренняя форма многих фразеологических единиц не совпадает. Например, чтобы передать предельную степень ненависти, в русском языке используется выражение *Ненавидеть лютой ненавистью*, а в английском *Hate like poison* (букв. Ненавидеть как яд)

Наблюдения показали, что очень часто чувства имеют физическое выражение. Здесь фразеологизмы с полным или частичным совпадением внутренней формы составляют относительно небольшой процент от общего числа. К ним относятся: *потерять голову от любви* — *lose one's head* (букв. Потерять чью-либо голову), *отдать сердце кому-либо* — *lose one's heart to smb* (букв. Потерять чье-либо сердце кому-либо)

Однако абсолютное большинство языковых единиц не совпадают по внутренней форме, при передаче одного и того же смысла: *любить как собака палку* — *Love smb as the devil loves holy water* (букв. Любить кого-либо как черт любит святую воду), или: *поворачиваться спиной* — *give smb the cold shoulder* (букв. Давать кому-либо холодное плечо), *воротить нос* — *bite one's glove* (букв. Кусать чью-либо перчатку).

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что, при рассмотрении концептосферы языковых единиц, передающих чувства любви и ненависти, справедливым будет утверждение о многообразии и неоднородности когнитивных моделей.

В заключение необходимо отметить, что в дальнейшем нам представляется немаловажным не только выявить взаимодействие концептуального содержания чувств любви/ненависти со структурой знаний, лежащей в основе денотативного аспекта значения рассматриваемых фразеологических единиц, но и определить закономерности восприятия и декодирования их реципиентом.

Литература

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996, с.416

2. Демьянков В.З. «Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода» // Вопросы языкознания, 1994, №4, с.17-33

3. Телия В.П. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996, с.288.

Национально-культурное своеобразие фразеологических единиц с семантическим полем «высокомерие»

А.Ю. Мазаева

Пятигорский государственный лингвистический университет

В английском языке функционирует определенное количество ФЕ, входящих в семантическое поле «высокомерие», во внутренней форме которых основным компонентом является слово, относящееся к представителям животного мира: *play the bear, cross as a bear, be on the high horse*.

Данные примеры имеют историческое обоснование. В основе их образования лежат реальные исторические события и факты. Первые два фразеологизма восходят ко времени, когда одним из развлечений была травля медведей собаками. Люди, которые играли в подобные игры, вели себя высокомерно и заносчиво по отношению к животным, они не испытывали ни малейшего чувства жалости к загнанному в угол медведю.

Фразеологическая единица *be on the high horse* является источником культурно-национальной интерпретации, т.к. свидетельствует об определенных исторических фактах. Данная ФЕ возникла в связи с тем, что феодалы, обыкновенно сражавшиеся верхом, презрительно относились к пехоте, которая состояла из наемников и простолюдинов. Причем, употребление прилагательного *high* гиперболизирует значение образа – *быть на коне* уже обозначает превосходство над другими, а *быть на высоком коне* – усиливает данное качество.

Социальной направленностью обладает фразеологизм *bloated aristocrat* (*дутый аристократ*). Данный пример относится к концу XVIII – н. XIX вв. и свидетельствует о соответствующем социальном статусе, имеющем место в Англии того исторического периода. Основной компонент фразеологизма *aristocrat* указывает на принадлежность человека к высшему сословию, подчеркивая его превосходство над другими. А прилагательное *bloated* усиливает отрицательную оценку, характеризуя людей, кичащихся своим положением, званием или богатством.

Средством создания мотива в ФЕ *wrapped in cellophane* является представленная внутренней формой ситуация, существующая в реальном мире. Надменный, высокомерный человек ассоциируется с предметом, вещью, завернутой в целлофан, т.е. изолированным от окружающих, державшимся «на расстоянии» от других людей. Значение данной ФЕ вызывает отрицательные эмоции с оттенком неодобрения, осуждения подобного типа поведения.

Основными качествами большинства служащих различных контор, офисов, крупных предприятий является заносчивость, бюрократизм, иногда даже грубость. Так, образ, положенный в основу фразеологизма *Jack in office*, дает нам представление о самонадеянном чиновнике, важничающим на своем рабочем месте, хотя на самом деле ничего из себя не представляющим. Jack – обычный незаурядный человек без каких-либо достоинств.

Фразеологизм русского языка *на козе не подъедешь* является примером при характеристике человека, к которому трудно найти подход из-за его важности, строгости, высокомерия.

При рассмотрении данного примера создается наглядное представление о способе передвижения. Образ, составляющий основу ФЕ, подчеркивает скорость передвижения при достижении определенной цели – найти взаимоотношение с другим человеком. Относительно общепризнанного стереотипа движения, способ передвижения на козе является очень медленным и имеет знак «-». Поэтому человек, к которому невозможно найти подход, вызывает пренебрежительное отношение.

Кроме того, презрительный эмоциональный оттенок передают ФЕ «*ходить гоголем*» и «*распутить павлиний хвост*», характеризующие образец высокомерия для русской ментальности. Эти эталонизированные образы двух птиц «как бы» создают представление о высокомерном поведении человека посредством своего внешнего вида (гордая осанка, пышность хвоста, важность походки).

Таким образом, отличительной чертой фразеологических единиц данной группы в английском языке является то, что в основу внутренней формы при создании фразеологизмов были положены либо исторические события, либо исторические факты, которые придают ФЕ яркую эмоциональную окрашенность. Фразеологические единицы русского языка доказывают наличие высокомерия, как образа поведения высокопоставленных чиновников, как в прошлые времена, так и в настоящие дни.

Представления болгар о смерти (на материале фразеологии)

М. М. Макарецев.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Цель нашей работы – исследование представлений болгар о смерти на материале фразеологии. Мы основываемся на постулате М. Хайдеггера, который позже несколько видоизменил Ю. Степанов: «Язык – дом бытия духа народа». Соответственно, язык рассматривается нами не как средство добывания знания и оперирования им, но как часть духовной культуры народа, как орудие её создания и кладовая культурных знаний, обеспечивающая связь между поколениями.

Для достижения данной цели нами был решён ряд задач. Во-первых, на основе фразеологических словарей болгарского языка [1] было составлено фразеосемантическое поле концепта «смерть (смерть)» в болгарском языке (250 фразеологических единиц (далее – ФЕ)). Мы рассмотрели

только те ФЕ этого поля, синонимом которых могут быть глаголы «умирам / умра» (данная группа занимает большую часть поля), попытавшись определить содержание представлений с учётом их многоаспектности и многомерности и, где это возможно, объяснить их происхождение.

Под ФЕ мы вслед за В.М. Мокиенко понимаем «относительно устойчивое, восприимчивое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением»[2]. Мы не рассматриваем ФЕ о насильственной смерти, поскольку этот аспект настолько сложен, что заслуживает отдельного исследования.

По крайней мере одна из двух основных антиномий, определяющих русскую языковую модель мира – противопоставление материального и идеального[3] действительна и для болгарской модели. Исследуемые ФЕ можно разделить на две примерно равных части: в первой смерть человека рассматривается исключительно в материальном плане (напр. *запълвам (запълням) / запълня някоя трапчина* (прост.)), во второй смерть предстаёт как изменение духовной реальности (*бера душа; Бог дал, Бог взел*). Осложняет отнесение ФЕ к той или иной группе осознанная метафоризация понятия «смерть» – *изпял съм песента*, или вульгаризация: *ритвам / ритна пона <отзад>* (прост. пренебр.), но таких ФЕ – меньшинство.

Можно выделить несколько основных групп ФЕ, где представлен физический план смерти: 1) Смерть представляется как социальное явление (*свърших си работата*); 2) Смерть описывается натуралистически по одному из качественных изменений, происходящих с человеком; 3) Смерть описывается через сообщение об исполнении необходимых религиозных обрядов над человеком (отпевании, погребении и др.) – *слизам (лягам) в гроба (в земята); ще ми изпят дългото «Свети Боже»* (из песнопений на панихиде). 4) Может сообщаться и о посмертной участи человека (нами найдена только одна ФЕ, выражающая материалистические представления о невозможности жизни после смерти – *няма да (го) бъде*).

При рассмотрении ФЕ, обращаясь к духовной реальности, мы также можем выделить ряд групп. 1) Смерть описывается как качественное изменение, происходящее в отношениях души (духа) – тела (напр., расставание) – *с душа се прощавам / се простя*. 2) Смерть представляется как нечто неизбежное, установленное высшей силой. Человек умирает, потому что *духва / духна му Господ свещцата* (или *угасва му / угасне му звездата*), так как закончился срок, установленный для человека (*настъпи ми часа*). Смерть осознаётся как долг человека – *заплащам си / заплаця си борча (диал.); платих общия дълг*. Так или иначе, таков заведённый порядок, который нельзя нарушить (*отивам / отида по реда си*). 3) Смерть осознаётся как сон (это одно из немногих представлений, которые не согласуются с православным пониманием смерти человека. Возможно, здесь сыграли свою роль дохристианские верования или ислам) – *заспивам вечен сън; заспал от дългия (диал.)*. 4) Смерть описывается как переход – passage – в иной мир: *отивам / отида за Божата правда, отивам / отида при Аллаха (при свети Петър); заминавам/замина за онзи (оня) свят;*

заминавам/замина си от този (тоя) свят; ида си от този (тоя) свят; на оня свят съм.

Анализ результатов исследования позволяет подтвердить некоторые выводы других исследователей о ключевых особенностях болгарского национального характера, представления о смерти как о пути в новую жизнь [4] и т.д. Они также будут весьма ценны для сопоставления болгарских и русских представлений о смерти, а также для рассмотрения особенностей болгарской ментальности на общеславянском и общепольском фоне.

Литература

1. Влахов С. и др. Русско – болгарский тематический словарь фразеологизмов. Велико-Търново, 1994; Анкова-Ничева, К. и др. Фразеологичен речник на българския език. С, 1974 – 1975. Ничева, К. Нов фразеологичен речник на българския език. С, 1993.

2. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М, 1989., с. 5

3. Шмелёв А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М, 2002., с. 301

4. Макарцев М. Представления о смерти у русских и болгар (на материале пословиц и поговорок) // Сборник тезисов международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов – 2004». Т. 2. М, 2004.

Структурные и семантические особенности оноματοпоэтической лексики в польском и русском языках

Е. Никитина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поаспектный обзор изучения звукоподражательных слов (ономатопей), прежде всего в польском и отечественном языкознании показывает перспективу изучения данного класса лексем, который во многих исследованиях предстает как протолексика, первичный слой человеческой речи.

В сопоставительном плане рассматриваются оноματοпеи польского и русского языков, их структурные и семантические особенности. Сопоставительный анализ охватывает употребление оноματοпей также и в переносных значениях, достаточно характерных для оноματοпоэтической лексики и приобретаемых ею в результате процессов метафоризации и фразеологизации. При этом переносе значение может до такой степени укорениться в сознании людей, что для восстановления исходной оноματοпеи приходится обращаться к этимологическому словарю.

Отдельно освещаемой проблемой является презентация оноματοпоэтических слов в лексикографии. В этимологических и толковых словарях лексика оноματοпоэтического происхождения представлена достаточно широко, однако звукоподражания как таковые (собственно оноματοпеи) редко выступают в качестве заголовочных слов (и в целом приводятся недостаточно последовательно); в словарной статье их можно рассматри-

вать фактически как указание на происхождение той или иной ономато-поэтической формации (то есть деривата, образованного от ономатопеи).

Для целей сопоставления ономатопоэтической лексики составлена ее классификация на основе структурно-семантического сходства. Сопоставление осуществляется в пределах выделенных классификационных групп, упорядоченных по принципу нарастания различий: 1) ономатопеи обоих языков с аналогической фонетико-фонологической структурой, ср., напр.: *bach* – *бах*, *kuku* – *ку-ку*; 2) ономатопеи, имеющие в польском и русском языках незначительные различия фонетико-фонологического состава, часто сопоставляемые корреляты различаются только одной фонемой, ср., например: *kukuryku* – *кукареку*; 3) ономатопеи, характеризующиеся значительными фонетико-фонологическими различиями. В пределах этой группы с точки зрения перевода выделяется подгруппа межъязыковых омонимов, то есть так называемых ложных друзей переводчика, ср., напр., звуки, издаваемые лягушкой: польск. *kum-kum* – русск. *ква-ква*; при этом в польском языке *kwa-kwa* – это имитация не звука, издаваемого лягушкой, а подражание утиному кряканью – ср. русск. *кря-кря*; 4) ономатопеи обоих рассматриваемых языков, основой объединения которых является только семантическая общность (они не связаны общностью фонем и фонетических созвучий), ср., напр.: *piskli* – *птенец*, *oklaski* – *аплодисменты*; 5) одиночные ономатопеи, не имеющие соответствия во втором языке, ср., напр., польское *fir* – имитация звука, издаваемого птичьими крыльями; русск. *шу-шу* – имитирующее шепот «секретничающих» людей.

Наряду со структурно-семантической классификацией дается сопоставительный анализ ономатопей в пределах тематических групп, по признаку акустического денотата (являющегося источником издаваемого звука), а именно: 1) имитации звуков, издаваемых животными (с анималистическим акустическим денотатом). Данная группа проанализирована наиболее подробно: рассматриваются прямые и переносные значения таких ономатопей, фразеологизмы и пословицы с анималистическими ономатопеями в их составе; устанавливается межъязыковая эквивалентика формаций с указанной семантикой; 2) имитации звуков, возникающих на базе природных явлений (с акустическим денотатом из мира природы); 3) имитации звуков, издаваемых человеком (с антропологическим акустическим денотатом); 4) имитации звуков, издаваемых артефактами (с артефактным акустическим денотатом).

Представляется проект польско-русского словаря ономатопоэтических формаций.

Фразеологический и паремиологический фонд концепта «красота» в русском и английском языках

И.О. Окунева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Одним из наиболее эффективных способов изучения культуры того или иного народа является язык, поскольку он в форме знаков отражает жизненный опыт человека, его привычки, мысли и модели поведения. Язык способен аккумулировать и передавать от поколения к поколению накопленный опыт определенного этноса. В этом заключается его кумулятивная функция, которая наилучшим образом проявляется во фразеологическом и пословично-поговорочном фонде языка. В основе пословиц и фразеологических единиц всегда лежит определенная национально-культурная информация, обуславливающая границы употребления того или иного выражения, его стилистику и связь с определенными жизненными ситуациями, явлениями истории и культуры народа.

Приступая к анализу концепта «красота» через пословично-поговорочный фонд русского и английского языков, необходимо отметить, что *прекрасное* всегда исторически-конкретно. Разные исторические периоды знают разные идеалы *красоты*. *Прекрасное* всегда национально окрашено. У разных народов, пусть и живущих в одну эпоху, представления о *прекрасном* различны, а нередко и противоположны. Это дает возможность сравнивать особенности мировидения разных народов, в частности русских и англичан, беря за основу отражение этих различий в языке. В данной работе делается попытка установления наиболее типичных качеств *красоты*, приписываемых ей русской и английской культурами.

Для реализации поставленной задачи были использованы фразеологические словари и словари пословиц и поговорок русского и английского языков. Посредством применения метода сплошной выборки был установлен перечень фразеологизмов, пословиц и поговорок, составивший 60 высказываний.

В ходе исследования были выявлены следующие оценки и качества *красоты*:

1) ради *красоты* человек способен на многое и часто не задумывается о целесообразности действия, совершая поступки «ради прекрасных глаз». В английской культуре акцент делается не на получателя услуги, а на ее отправителя. Во внимание берутся личностные качества человека, который совершает какое-либо действие of sheer goodness of heart, out of sheer kindness или as a favour, just to please smb.

2) тем не менее, в обоих языках существует мнение о том, что лучше обладать *счастьем, удачей* или *умом*, нежели *красотой* «не родись красивой, а родись счастливой», «it's luck, not looks, that counts», «rather be happy and ugly than unhappy and comely», «it's good to be born under a lucky star» и др.;

3) *красота* может быть только внешней «не ищи красоты, а ищи доброты», «virtue lives when beauty dies» и др.;

4) важна не внешность, а поступки человека «личиком гладок, да делами гадок», «*a fair face may hide a foul heart / soul*», «*appearances are deceptive*», «*beauty is but skin deep*» и др.;

5) *красота* способна влиять на окружающую действительность, но в то же время нужно стремиться самому нести в мир *красоту*, а не ждать ее извне «не место красит человека, а человек место». Интересно, что в английском языке мы не находим прямого аналога этой русской поговорке. Ближе всего по смыслу к ней находится следующее выражение «*the position doesn't make the man, the man takes the position*». Причем, в русской поговорке человек оказывает прямое влияние на занимаемую им должность, в английской человек и должность не зависят друг от друга, они могут объединиться на определенный промежуток времени, но друг на друга не влияют и не принадлежат друг на другу.

Итак, из приведенного перечня основных значений фразеологизмов поговорок и пословиц можно заключить, что как в русском, так и в английском языках отношение к *красоте* примерно одинаковое, различие заключается:

- в том, что находят *красивым*,
- на что *красота* способна оказывать влияние с точки зрения определенной культуры,
- в выборе лексических единиц, входящих в сами выражения,
- в процентном соотношении количества фразеологизмов, поговорок и пословиц, относящихся к той или иной тематической группе.

Литература

1. Клюкина Т.П., Клюкина-Витюк М.Ю. Пословицы и поговорки: русско-английский фразеологический словарь. М.: Билингва, 1996.
2. Лубенская С.И. Русско-английский фразеологический словарь. М.: Языки русской культуры, 1997.
3. Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград, Архангельск: Перемена, 1996.
4. Brewer's Dictionary of Phrase and Fable. New York, 1981.
5. Cowie A.P., Mackin R., Mc Caig I.R. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. Vol. 2: Phrase, Clause and Sentence Idioms. Oxford University Press, 1983.

Особенности немецких фразеологических единиц с компонентами-числительными и компонентами, восходящими к числительным

М. А. Павлова

Московский Государственный Лингвистический Университет

Сложность понимания эволюции числа в мышлении человека, кроме чисто математических мотивов, состоит в двойственной природе числительных: с одной стороны, числа — элементы числового кода - семиотической системы, существующей независимо от языка; с другой сторо-

ны, как числительные они связаны с языком, а значит, включены в совершенно другую — языковую — семиотическую систему.

Для выявления национально-культурной специфики был проведён сравнительно- сопоставительный анализ немецких ФЕ с компонентами- числительными с ФЕ других языков (английский, русский, французский, испанский, японский, китайский и др.), который выявил сходство — расхождение, общность — разрозненность ФЕ, что обусловлено не только лингвистическими факторами, но и единством / отличием понятийных систем исследуемых языков, относящихся к различным культурам. Так, например, в немецком языке и японском / китайском языках разные числа обладают разной смысловой и образной нагрузкой (ср. нем. *im siebenten Himmel sein* и кит. *qīlíng — bāluò* — «семь нулей — восемь падений» = потерпеть фиаско). Однако наблюдаются и случаи совпадения символического прочтения чисел в этих языках. Это говорит о том, что многие языковые образы, запечатлённые во фразеологической системе, покоятся на общих для всех людей логико-психологических основаниях (ср., напр., нем. *die erste Geige spielen* и яп. *itito itte ni to kudaran* = никому не уступать, быть лучше всех).

В рамках европейских языков можно говорить об общности культурно-исторических традиций и, как следствие, о сходном использовании числовой символики (напр., культурная значимость концепта «три», во многом обусловленная интернациональным характером христианства: ср. напр., нем. *aller guten Dinge sind drei*, англ. *all good things come in threes*, рус. Бог Троицу любит). Однако и здесь можно выявить лингвистические отличия, свидетельствующие о различных фразеологических интерпретациях общечеловеческой картины мира (ср., напр., нем. *Siebenschläfer* и нидерл. *negenslapers* или нем. *drei Käse hoch* и рус. от горшка два вершка).

В целом, на уровне межъязыковых соответствий можно говорить о фразеологических эквивалентах (полные и частичные), фразеологических аналогах (полные и частичные) и безэквивалентных образованиях. К межъязыковым эквивалентам относятся ФЕ с тождественной семантикой, сходной структурно-грамматической организацией и с тождественным компонентным составом. Полностью эквивалентными можно считать ФЕ, имеющие полную соотносимость плана выражения и плана содержания (напр., нем. *auf allen vieren* и англ. *on all fours*). ФЕ такого вида встречаются крайне редко.

Более типичными являются частичные эквиваленты, которые характеризуются незначительными различиями компонентного или морфологического характера в плане выражения тождественной семантики. В большинстве случаев различия затрагивают лишь компонентный состав, причём в качестве различительных компонентов, как правило, выступают лексемы сходной понятийной или смежной семантики (напр., нем. *in seinen vier Wänden* и англ. *within these four walls*).

К межъязыковым аналогам относятся ФЕ, одинаковые или близкие по значению, но характеризующиеся полным различием или приблизитель-

ным сходством внутренней формы (напр., нем. ein «haben» ist besser als zwei «kriegen» и исп. más vale pójaro en mano que ciento volando).

С точки зрения национально-культурной особенности, наибольшую ценность представляют безэквивалентные фразеологизмы. Это, например, *die böse Sieben, über alle vier Backen grinsen, mit Petrus 66 spielen, seinen Dreier dazu geben, ach, du grüne Neune* и др. Истоки таких ФЕ можно выявить с помощью исследований в историческом, философско-религиозном и культурологическом аспектах.

В различные периоды исследования фразеологии существовали разные мнения о сущности мотивированности идиом. Традиционно идиома считается мотивированной, если возможно установить её этимологию. Однако незнание историко-культурных истоков не всегда влияет на адекватное восприятие идиомы. Такие предположения находят подтверждение в первую очередь на примере ФЕ, где числительные выступают в качестве главного компонента и при этом значение числа не утрачено (напр., *es ist fünf Minuten vor zwölf, das elfte Gebot, das fünfte Rad am Wagen* и др.).

Мотивированность не всегда коррелирует с разложимостью, ибо не только значения частей детерминируют значение целого и не только буквальное играет решающую роль для интерпретации общего смысла. Соединяясь, компоненты ФЕ приобретают интегративные свойства, выступают как единое целое. Например, в ФЕ *das sechste Gefühl* компоненты «sechs» и «Gefühl» по отдельности не вызывают никаких ассоциаций, они нейтральны. Нужный эффект достигается лишь при их комплексном использовании.

В отдельных ФЕ числа могут служить не обозначением точного количества, а быть символом. В основу таких ФЕ положен яркий образ, мотивированность которого не всегда прозрачна (напр., *die böse Sieben, ei der Tausend, alle neun* и др.). Отдельно стоит отметить, что символика «сакральных» чисел амбивалентна (ср., напр., *im siebenten Himmel sein* и *die böse Sieben*, нем. *nun schlägt's dreizehn* и англ. *abaker's dozen*).

Подобно словам, фразеологизмы могут вступать между собой в определённые семантические отношения, образуя семантическую парадигму. Причина этого явления заключается в том, что подавляющая часть фразеологических оборотов семантически связана друг с другом непосредственно. Отметим, что внутри немецкого языка среди ФЕ с компонентами-числительными довольно широко представлены и поэтому заслуживают особого внимания фразеологические синонимы (*die erste Geige spielen* ≈ *der erste Mann an der Spitze, drei Meilen hinter dem Mond leben* ≈ *nicht bis drei zählen können, in alle vier Himmelsrichtungen* ≈ *in alle vier Winde* и др.) и фразеологические варианты (лексические: *drei Meilen gegen den Wind riechen / stinken*, структурные: *das Gesicht wie sieben Tage Regenwetter machen / wie sieben Tage Regenwetter aussehen*, морфологические: *an / bei allen vier Zipfeln haben* и др.).

Как и прочие ФЕ, ФЕ с компонентами-числительными служат вербальным средством экспрессивно-образного и эмоционально-экспрес-

сивного выражения взаимоотношения людей. По типам коммуникативных интенций можно выделить различные группы ФЕ: удивление (напр., *ach, du grüne Neune*), негативная оценка (напр., *nicht einen Dreier wert sein*), выражение недовольства (напр., *das dauert jaewig und drei Tage*), выражение счастья (напр., *auf Wolke sieben schweben*), выражение досады (напр., *es haben nun die vier Winde*), сомнение в умственных способностях (напр., *nicht bis drei zählen können*) и др.

Паремии, в состав которых входят компоненты-числительные, также относятся к области образно-выразительной речи. Они характеризуются употреблением лексико-поэтических и образных средств: повторы, контрасты, параллелизмы, сравнения и рифмы. Типичными признаками паремий являются: обобщающий характер их содержания, фольклорное происхождение, а также преимущественно обиходно-разговорная сфера употребления (напр., *dich esse ich noch zum zweiten Frühstück, kein Arzt ist besser denn drei, nicht alle Esel haben vier Beine* и др.).

Английские компаративизмы с полным переосмыслением компонентного состава

Е.Ю. Попова

В лингвистике компаративизмы по обыкновению считаются фразеологизмами с *частично* переосмысленным значением. Занимаясь исследованием семантики английских компаративных фразеологических единиц (КФЕ), обращаем внимание на тот факт, что значительное количество КФЕ являются *полностью* переосмысленными. Это значит, что адъективный компонент компаративизма, будучи основанием сравнения, выступает не в своем первоначальном, а в новом, переосмысленном значении, которое, в свою очередь, и подвергается интенсификации значением компонента, называющего объект сравнения.

Рассмотрим, например, такую компаративную фразеологическую единицу, как (*as*) *close as an oyster*, покомпонентный перевод которой выражается следующей фразой: закрытый/ замкнутый как устрица. Какое же качество имплицитно задает данный фразеологизм? Ответ на этот вопрос дает анализ контекстуальных употреблений рассматриваемой КФЕ: «*He has the brain of a Cabinet Minister, and is as close as an oyster.*» (E. Wallace, «*Captains of Souls*»). — У него голова как у министра, кроме того, он умеет *держат язык за зубами*.

Контекстуальные примеры показывают, что рассматриваемый оборот не выступает в них в качестве простого адъективного сравнения, в котором основание сравнения (адъективный компонент) сохраняло бы свое первичное значение 'закрытый' и все словосочетание было бы частично переосмысленным. Напротив, анализ фразеологических конфигураций каждого контекстуального случая позволяет нам судить о том, что данная фразеологическая единица является полностью переосмысленной, что она вошла в парадигму словаря благодаря той трансформации компонентного состава (метафорический перенос по сходству поведения), ко-

торая позволила ей именовать новое качество в новом референте, а именно: указать на скрытность субъекта сравнения, на его умение молчать, особенно в случае необходимости.

Подтверждение нашим наблюдениям находим в толковых одноязычных словарях идиом современного английского языка, в которых читаем следующие дефиниции: а) uncommunicative, secretive [1, 18], б) secretive, reluctant to give information [2, 73].

Рассматриваемый ряд КФЕ с полным переосмыслением компонентного состава может быть продолжен целым рядом довольно частотных в дискурсе КФЕ: (as) bold as brass (досл.: храбрый как медь) – impudent, aggressive, defiant; in a shameless, insolent manner [1, 17] – нахальный, наглый, бесовестный, бесстыжий, медный лоб; (as) thick as two short planks (досл.: плотный как два коротких бруска) – (informal) very stupid [1, 30] – очень глупый; (as) hard as steel (досл.: твердый как сталь) – physically strong and with mental or moral firmness [1, 22] – физически и морально устойчивый, непоколебимый; (as) bright as a button (досл.: сверкающий как пуговица) – very lively and clever [3, 39] – очень умный, сообразительный; (as) cool as a cucumber (досл.: холодный как огурец) – controlled, not disconcerted or upset (especially in circumstances where the opposite might be expected) [1, 19] – весьма хладнокровный; и др.

Изучаемые КФЕ, в основном, характеризуются антропологической ориентированностью семантики, т.е. они употребляются в том случае, когда в качестве субъекта сравнения выступает человек. Но полное переосмысление компонентного состава может характеризовать и такие адъективные сравнения, референтная отнесенность которых указывает только на неодушевленный субъект сравнения. В эту группу можно отнести такие фразеологические компаративные сравнения, как: (as) dry as dust (досл.: сухой как пыль) – very dull, uninteresting [3, 89] – скучный, неинтересный; (as) good as play (досл.: хороший как игра/ пьеса) – amusing, interesting [1, 21] – забавный, интересный; (as) sure as eggs is eggs (досл.: также уверенный как яйца есть яйца) – (informal) quite certainly [1, 30] – абсолютно уверен, наверняка; и др.

Адъективные КФЕ с полным переосмыслением компонентного состава отличаются высокой степенью экспрессивности в современном английском языке.

Литература

1. Cowie, A.P., R.Mackin, and I.R.McCaig. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English Vol.2: Phrase, Clause and Sentence Idioms Oxford: Oxford University Press. 1984.
2. Gulland, D.M., and D.G.Hinds-Howell. The Penguin Dictionary of English Idioms Harmondsworth: Penguin Books Ltd. 1994.
3. Urdang, L. (ed). Longman Dictionary of English Idioms. Harlow and London: Longman Group Ltd. U.K. 1996.

Equivalents of English biblical phraseological units in Russian

S.P. Popova

Pomorsky State University named after M.V. Lomonosov

The given paper is dedicated to searching equivalents of English biblical phraseological units (BPU) in the Russian language and is based on the theory of professor A.V. Kunin. In the sixties A.V. Kounin raised a question of translation of phraseological units in his *English-Russian Phraseological Dictionary*, in which he presented 426 biblical phraseological units, and drew our attention to absence of Russian phraseological equivalents for some English BPU. Having analysed English BPU, given in Kunin's dictionary, and compared them with the entries in Russian phraseological dictionaries by A.I. Molotkov, A.M. Melerovich, A.K. Birih, N.S. Ashukin, we received the following results: about 75 % English BPU have no phraseological equivalents in Russian and only about 25 % have them.

The examples of English BPU having no Russian equivalents are the following: as unstable as water – очень неустойчивый, непостоянный; pitch one's tent – поселиться; a word in season – своевременный совет, etc.

The second group of BPU, having equivalents, may be subdivided into mono and elective equivalents. Elective equivalent – is a single case in the whole subsystem of BPU. The Russian BPU «каинова печать» can be translated into English as «curse of Cain» or «brand / mark of Cain». Let's illustrate it by examples:

(e.g. 1) «Not that I wish melodramatically 'to set the brand of Cain' upon Elizabeth or upon Fanny or upon both jointly. Far from it. They didn't make the war.» (R. Aldington, «Death of Hero»). – Нет у меня мелодраматического желания «отметить печатью Каина» Элизабет и Фанни, или их обеих. О нет! Не они были виновницами войны.

(e.g. 2) «He told how murderers walk'd the earth beneath the curse of Cain.» (OED). – Он сказал, что есть на свете убийцы, которые отмечены каиновой печатью, которые обречены на всю жизнь скитаться.

The monoequivalent – is a constant correspondence, which is an only possible translation and does not depend on a context. This group can be also subdivided into full equivalents and partial equivalents. Out of 25 % BPU under study, having Russian equivalents, half the bulk (about 12,9 %) are full equivalents, i.e. such phraseological units, which completely coincide in a lexical structure, figurativeness, stylistic colouring and grammar form, for example: manna from heaven – манна небесная; somebody's days are numbered – дни сочтены; physician, heal thyself – врачу, исцелись сам, etc.

Partial equivalents embrace 9,2 % of all equivalents and is presented by the following three subgroups:

Lexical equivalents, i.e. BPU, having difference in lexemic-component structure: bury one's talent in a napkin – зарывать свой талант в землю; by the sweat of one's brow – в поте лица, etc.

Grammatical equivalents, i.e. BPU, which have difference in the form of number or order of words: a) difference in number: the signs of times – зна-

мение времени; he that seeks finds – ищите и найдёте; a whited sepulchre – гробы повапленные; б) difference in word order: ask for bread and be given a stone – камень дать вместо хлеба; they that take the sword shall perish with the sword – поднявший меч от меча и погибнет, etc.

Lexico-grammatical equivalents, i.e. BPU, combining characteristics of the previous two subgroups: the mark of beast – позорное клеймо; a crown of glory – лавровый венок, etc.

Quantitative equivalents embrace BPU, which are used in a shortened form in one of the two languages, for example: a voice in the wilderness – глас вопиющего в пустыне (in modern English version the component 'вопиющего' is missing); under one's vine and fig-tree – под своею смоковницею (in English PU there is a component 'vine' – 'виноградной лозой').

The comparative analysis of biblical phraseological units in English and Russian reveals the following types of interlinguistic correspondences: monoequivalents or elective, full or partial, lexical, grammatical, lexico-grammatical and quantitative ones.

Структурно-семантические особенности частотных английских фразеологизмов с компонентом «give»

Н.В. Сошникова

Архангельский государственный технический университет

Посредством структурного анализа 200 глагольных фразеологических единиц с глаголом «give», подобранных методом сплошной выборки из новейшего «Англо-русского фразеологического словаря» [1], выделяем четыре наиболее часто встречающиеся в современном английском языке структурно-грамматические модели, которые в процентном отношении составляют около 62% от общего количества исследованного материала.

Рассмотрим в данной работе наиболее частотные фразеологизмы с ведущим компонентом give, имеющие структурно-грамматическую модель **V + (d) + N**.

Данная двухкомпонентная беспредложная модель представлена глагольными фразеологическими единицами с константной и константно-вариантной зависимостью компонентного состава. Фразеологизмы с константной зависимостью компонентов составляют немногочисленный ряд: give the go-by – проходить мимо, не поздоровавшись, игнорировать кого-л.; give cheek – разг. дерзить, грубить, говорить дерзости; give battle – дать бой, дать отпор, например:

«And the captain orders the man to send the cat on shore, or else he'd throw it overboard. Well, the man, who was a sulky, saucy sort of chap, and no seaman, I've notion, gives cheek, and says he won't send his cat on shore for no man.» (Fr. Marryat, «Poor Jack»).

«From Monday morning to Saturday night she flung out ultimatums, mobilised, gave battle, and then shot into church on Sunday to hymn her victories» (J.B. Priestley, «The Good Companions»).

В рамках данной структурно-грамматической модели свыше 35% составляют фразеологизмы с константно-вариантной зависимостью компонентов. Во фразеологизмах изучаемой модели вариативной замене чаще всего подвергаются глагольные компоненты, например: **give odds / lay somebody odds** – держать пари на невыгодных для себя условиях (при проигрыше заплатить больше, чем получить при выигрыше); **give a purse / put up a purse for something** – присудить (или учредить) денежную премию, приз; **give evidence / bear evidence** – представлять доказательства, свидетельствовать о чём-л., подтверждать что-л., показывать что-л.; **give a hand / bear a hand / lend a hand** – помогать, принимать участие в работе, содействовать, например:

«I'll *give* you a *hand* with that trunk.» (W.S. Maugham, «The Land of Promise»).

«When they stopped from sheer exhaustion Murphy's glance chanced to fall on Charles Davis, the one man who had not worked '*Bear a hand*, Davis', the gangster called.» (J. London, «The Mutiny of the «Elinore»).

Фразеологические единицы данной структурно-грамматической модели подвержены квантитативному и препозитивному варьированию компонентов, например: *give way / give way to something*, сравним:

«*Sir H.* I am not *giving way*, so the honourable Member need not get ants in his pants. I have only two minutes and he took too long anyway.» («Parliamentary debates», «House of Commons», 1970).

«In the beginning he had been watched with anxiety, perhaps even with misgiving. But soon this *gave way* to open admiration.» (A.J. Cronin, «A Thing of Beauty»).

Довольно большое количество фразеологических единиц данной структурно-грамматической модели имеют два значения, например: *give notice* – 1) уведомлять, извещать, сообщать, давать знать; предупреждать; 2) предупреждать заранее (об увольнении, уходе с квартиры или отказа от квартиры); *give the word* – 1) сказать пароль (на требования часового); 2) отдать приказание, распоряжение, например:

«He *gave the word*, and the gate was opened.» (Fr. Marryat, «The Children of the New Forest»).

«I'll go and thrash the hide of him if you *give the word*.» (A.C. Doyle, «The Case-Book of Sherlock Holmes», «The Adventure of the Illusion Client»).

К наиболее распространённым структурно-грамматическим моделям изучаемых фразеологизмов относятся также следующие модели: V + θ + (d) + N, V + (d) + N + θ , V + θ + (d) + Adj + N.

Литература

1. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – 5-е изд., исправл. М., 1998. – 944 с.

Структурно-семантический анализ фразеологических единиц с анималистической мотивацией (на материале немецкого языка)**А.Н. Степаненко***Ставропольский Государственный Университет*

Фразеологические единицы с анималистической мотивацией привлекают внимание исследователей, так как являются одной из самых многочисленных и внутренне разнообразных групп специфического фразеологического фонда и позволяют получить информацию не только о фразеологической системе языка, но и о способах отражения в ней культуры народа [3]. В них закреплены многовековые наблюдения человека за внешним видом и повадками животных, передается отношение людей к их «меньшим братьям».

Актуальность исследования обусловлена необходимостью получения знаний о семантических свойствах фразеологизмов с анималистической мотивацией, как устойчивых и высокоинформативных словосочетаний. Существует потребность в определении специфики структурной организации, компонентного состава, функционирования морфологических категорий, взаимодействия формы и семантики исследуемых фразеологических единиц (ФЕ).

Цель исследования заключается в описании структурно-семантических особенностей фразеологизмов с анималистической мотивацией во фразеологической системе современного немецкого языка. Объектом исследования являются фразеологические единицы, в составе которых присутствует анимализм.

В результате анализа фразеологизмов с данным семантическим содержанием нами были получены и систематизированы следующие выводы:

Фразеологические единицы немецкого языка с анималистической мотивацией в большинстве своем являются переосмысленными. В основе переосмысления ФЕ лежит метафора как наиболее эффективное средство создания образов и наиболее яркий и выразительный семантический троп.

Фразеологизмы с анимализмами обладают разной степенью экспрессивности. Среди них есть и стилистически нейтральные (их меньшинство), и разговорно-бытовые, имеющие неодобрительную, ироническую, шутливую, фамильярную и грубую стилистическую окраску.

Анализ структурной организации исследуемых ФЕ, согласно классификации Е.Ф. Арсентьевой [1], привел к подразделению их на две большие группы: фразеологизмы со структурой словосочетания и фразеологизмы со структурой предложения. Первая группа в свою очередь включает в себя глагольные (*sich winden wie ein Aal, den Bärenführer spielen, mit den Wölfen heulen*), субстантивированные (*ein alter Hase, Hahn im Korbe, das beste Pferd im Stall*) и адъективные фразеологические единицы (*kalt wie ein Fisch, arm wie eine Maus, emsig wie eine Biene*). Вторая группа объединила поговорки (*Man soll nie die Bärenhaut verkaufen, bevor man*

den Bären erlegt hat; Wenn die Hunde beim Schwanz bellen; Den Bock zum Gärtner machen) и пословицы и крылатые выражения (Die Aare kümmern sich nicht um Fliegen. Den Esel kennt man an den Ohren. Nicht für ein Wald von Affen. Gut gebrüllt, Löwe!).

Для семантической характеристики ФЕ с анималистической мотивацией мы использовали классификацию В.В.Виноградова [2] и выделили: фразеологические сращения (seinem Affen Zucker geben, an jemandem einen Affen gefressen haben, sein Schäfchen ins Trockne bringen), фразеологические единства (mit den Wölfen heulen, hungrig wie ein Wolf, ein seltener Vogel), фразеологические сочетания (ein alter Hase, ein alter Fuchs, ein alter Rabe, ein alter Bock, ein alter Esel), и фразеологические выражения (Wer sich zum Lamm macht, den fressen die Wölfe; Ein Lamm flieht, wenn es den Geier sieht; Solange der Esel trägt, ist er dem Müller wert).

Таким образом, результаты проведенного нами исследования позволяют расширить представление о фразеологическом фонде немецкого языка и могут быть использованы на теоретических и практических занятиях по лексикологии и стилистике, аналитическому чтению, в дальнейших научных исследованиях.

Литература

1. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. Казань, 1989, с. 128.
2. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. М.-Л., 1983, с. 126
3. Мальцева Д.Г. Страноведение через фразеологизмы. М., 1991, с. 172.

Основные структурные модели фразеологизмов с глаголом «make»

Т.Г. Цыркуль

Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Структурно-грамматический анализ избранного участка английской фразеологии позволяет утверждать, что наиболее распространенными моделями фразеологизмов с компонентом **make** являются следующие модели:

Модель 1: V + (d) + N – двухкомпонентная глагольно-субстантивная модель, объединяющая следующие фразеологические единицы: make a break – проговориться, обмолвиться; сделать неуместное замечание; сделать ложный шаг; make (fetch или take) a circuit – сделать крюк, пойти в обход, обходным путём; make a difficulty (difficulties) – создавать воображаемые трудности; make a bag – охот. убить много дичи; поймать много рыбы; например:

«The artist in roach-fishing will make a fair bag on an indifferent day.» (OED) У настоящего рыбака будет отличный улов плотвы и в самый обычный день.

Модель 2: V + (d) + Adj + N – трехкомпонентная структурная модель, в составе которой имеются три знаменательных компонента – глагольный, адъективный и субстантивный. Рассматриваемая структурная модель объединяет следующие фразеологические единицы: make (earn или turn) an honest penny – заработать честным трудом; make (или pull) asad (sanc-timonious, wry, etc.) face – иметь печальный (кислый, недовольный и т.п.) вид; сделать постную физиономию (недовольное лицо и т.п.); make big eyes – сделать большие глаза, удивиться; make good cheer – пировать, веселиться, угощаться; make a dead set – критиковать, высмеивать, травить кого-л.; например:

«After some time I went down to the silver-mines and tried to get work there; but it was all no good. The managers laughed at the very notion of taking me on, and as for the men, they made a dead set at me.» (*E. L. Voynich, «The Gadfly»*). – С плантаций я перекочевал на серебряные рудники в надежде получить работу там. Но и это не привело ни к чему: управляющие смеялись, а рабочие буквально травили меня.

Модель 3: V + (d) + N + V – трехкомпонентная структурная модель, в состав которой входят два глагольных и один субстантивный компонент. Рассматриваемая структурная модель объединяет следующие фразеологические единицы: make the echoes ring (*тж.* wake the echoes) – вызвать, разбудить эхо; make the feathers fly – *разг.* поднять бучу, шум; затеять ссору; make the eagle scream (*тж.* fly the eagle) – *амер. разг.* произносить ура-патриотические речи; превозносить американский образ жизни [*на государственном гербе США изображен орёл*]; make the pot boil – подрабатывать, халтурить; зарабатывать на пропитание, на кусок хлеба (*тж.* keep the pot boil); make the fur fly – *разг.* поднять шум, бучу; затеять ссору; например:

«You made the fur fly and you put nine tin-horn grafters in the pen. But you never touched what was behind ‘em.» (*R. P. Warren, «All the King’s Men»*). – Вы подняли изрядный шум и посадили девять мелких взяточников в каталажку. Но вы даже не коснулись того, что породило взяточничество.

Модель 4: V + (d) + N + Prep + θ – трехкомпонентная структурная модель, включающая в свой состав три знаменательных компонента – глагольный, субстантивный и переменный – и объединяющая следующие фразеологические единицы: make a back for smb. (give a back to smb. или give smb. a back) – подставить спину (в чехарде); make a reach for smb. (или smth.) – протягивать руку, потянуться к кому-л. (или за чем-л.); попытаться схватить кого-л. (или что-л.); make a merit of smth. – ставить что-л. себе в заслугу; make a muff of smth. – *разг.* промахнуться, промазать, проворонить что-л.; make a muck of smth. – *разг. груб.* испоганить, изгадить что-л.; и мн. др.:

«...it’s not pleasant to be told that you’ve probably made a muck of the job.» (*J. B. Priestley, «Faraway»*). – не очень-то приятно слышать, когда говорят, что ты изгадил всю работу.

Проведенный структурный анализ позволяет утверждать, что наиболее частотными структурными моделями фразеологических единиц с компонентом **make** являются:

Модель 1: V + (d) + N;

Модель 2: V + (d) + Adj + N;

Модель 3: V + (d) + N + V;

Модель 4: V + (d) + N + Prep + θ .

Компактный структурно-компонентный состав изучаемых фразеологизмов с преимущественной двух- и трехчленной структурой и развитая лексическая, грамматическая и структурная вариантность в рамках каждой из рассматриваемых моделей свидетельствует в пользу их коммуникативной валидности.

Фразеологические единицы общеразговорного английского языка в деловом лексиконе

Ю.Я. Ширяева

Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Осуществляя семантический анализ избранной фразеологической подсистемы, отмечаем, что нередки случаи перехода фразеологизмов из общеразговорного английского языка в деловой английский язык. При этом они либо полностью сохраняют своё первоначальное значение, либо частично теряют его, либо приобретают новый смысл. В соответствии с характером развития семантики считаем возможным подразделение фразеологических оборотов делового английского языка на три группы: 1) ФЕ, полностью сохранившие первоначальное значение, 2) ФЕ, частично потерявшие его, 3) ФЕ, которые приобрели новое значение.

К первой группе относятся такие выражения, как *to buy a pig in a poke* со значением «покупать что-либо заглазно, без предварительной проверки» [1, 80] в разговорном обиходе и с тождественным значением в языке бизнеса; *to lean against the wind* с бытовым значением «дуть против ветра» и с тождественной семантикой в финансовой сфере, обозначающей один из принципов денежно-кредитной политики [2, 221]; *to make a go of it* с обиходным значением «добиться успеха, преуспеть» и *to make a go of a business* с идентичным значением в деловой сфере «добиться успеха в бизнесе» [3, 204], и др.

Во вторую группу ФЕ, частично изменивших первоначальное значение, можно включить следующие выражения: *by leaps and bounds* – ФЕ, имеющая в общеразговорном английском языке значение «стремительно, сломя голову» и в деловом английском употребляющаяся в значении «скачкообразно (о повышении цен)» [2, 221]; *bread and butter* в общеразговорном английском языке – «средства к существованию» и в деловой сфере – «способ, которым человек зарабатывает себе на жизнь» [4, 66]. Идиоматическое выражение *to cut a melon*, имеющее в игорном бизнесе значение «распределять крупные выигрыши между игроками», в деловом

английском языке приобрело, благодаря вторичному метафорическому переносу и частичной семантической трансформации компонентного состава, иное значение: «распределять крупный дополнительный дивиденд, распределять дивиденд в форме бесплатных акций» [2, 252].

Третья группа фразеологических единиц требует особого внимания при семантическом анализе в силу изменения первоначального значения и приобретения рассматриваемыми устойчивыми словосочетаниями смысла, отличного от того, который дают значения их компонентов. Так, фразеологизм *cats and dogs* используется для описания не только явлений природы: *it's raining cats and dogs* — дождь льет как из ведра, но и взаимоотношений между людьми: *[they have] cat-and-dog life* — [они] вечно ссорятся, [живут] как кошка с собакой. В языке экономики и финансов фразеологический оборот *cats and dogs*, сохраняя отрицательную коннотацию, означает «сомнительные ценные бумаги, не могущие служить обеспечением ссуды». Фразеологическая единица *to catch a cold* в общеразговорном английском языке имеет значение «заболеть, простудиться» и описывает состояние организма человека. В языке бизнеса рассматриваемый фразеологизм, подвергаясь вторичной фразеологической номинации, приобретает значение «потерять деньги в деловой сделке» [5, 80], и мн. др.

Проведенный анализ свидетельствует в пользу продуктивности нового способа образования деловой терминологии — на основе фразеологических единиц разговорного английского языка.

Литература

1. Англо-русский словарь по экономике и финансам / А.В.Аникин. СПб.: Экономическая школа, 1993.
2. Англо-русский словарь по бухгалтерскому учету, аудиту и финансам / Д.Ю.Терехов. М.: Аскери, 1994.
3. Seidl J., McMordie W. English idioms and how to use them. Oxford, 1978.
4. Adam J.H. Longman Dictionary of Business English. London: LGL, 1993.
5. Tuck A. Oxford Dictionary of Business English. Oxford: OUP, 2000.

Фразеологизмы с каузативным глаголом в современном английском языке: структура и вариантность

Е.В. Шубина

Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Объектом нашего исследования являются трехкомпонентные фразеологические единицы (ФЕ) [1, 59] с ведущим компонентом — каузативным глаголом *put*. Цель данной работы — изучение активности этого глагола в образовании фразеологизмов английского языка, определение структуры и видов вариантности избранной для анализа фразеологической микросистемы. Выборку осуществляем по новейшему словарю А.В. Кунина [2]. В качестве вспомогательных лексикографических источников привлекаем толковые словари современных английских идиом [3; 4].

Фразеологический материал для исследования ограничиваем частотной структурой V + (d) + N + Prep + θ .

Фразеологические единицы рассматриваемой микросистемы имеют две структурные группы: 1) трехкомпонентные ФЕ без детерминанта, 2) трехкомпонентные ФЕ с детерминантом.

Первая группа фразеологизмов делится на две подгруппы по характеру грамматического оформления субстантивного компонента (единственное/ множественное число), которые могут быть проиллюстрированы следующими фразеологизмами: (а) *put life into smth* – вдохнуть жизнь во что-л.; *put spirit into smb* – подбодрить кого-л.; *put credit in smth* – верить чему-л.; (б) *put dots on smb* – наскучить кому-л.; *put blinkers on smb* – взять в шоры кого-л.; ограничивать свободу действий; *put horns on smb* – наставить рога кому-л. Субстантивный компонент всех перечисленных в подгруппе (а) фразеологизмов имеет форму единственного числа, но артикль в них не употребляется, за счет чего усиливается устойчивость анализируемых языковых единиц.

Вторая группа объединяет две подгруппы, первая из которых включает фразеологизмы с субстантивным компонентом, вводимым *неопределённым артиклем*, а вторая – *определённым*: (а) *put a premium on smth* – поощрять что-л.; *put a slur on smb* – опорочить кого-л.; *put a head on smb* – ударить кого-л. кулаком; (б) *put the accent on smth* – делать акцент на чем-л.; *put the wind up smb* – испугать кого-л.; *put the joke on smb* – подшучивать над кем-л.; и др.

Вариантность ФЕ в рамках рассматриваемой структуры весьма развита и разнообразна по характеру. В большинстве случаев варьированию подвергаются предложные компоненты: *put the frighteners in / on smb*; *put pressure on / upon smb*; *put a spell on / over smb*; *put the change on / upon smb*; *put teeth in / into smth*; *put heart in / into smb*. Интенсивному варьированию подвергается также **глагольный** компонент (*put / come Yorkshire over smb*; *put / set spurs to smth*; *put / take stock in smth*; *put / stick the nips into smb*) и **субстантивный** компонент (*put an end / a stop / a period to smth*; *put the bee / the bite on smb*). Анализируемые фразеологические единицы допускают также **квантитативные** варианты: *put a (good) face on smth*; *put a (bad, favourable, wrong, etc.) construction on smth*.

Приведенные выше и некоторые другие виды вариативности могут быть присущи и одному и тому же фразеологизму. Вслед за А.В. Куниным, такую совокупность разнотипных вариантов называем *комбинированными вариантами* [5, 191]. Например, в фразеологизмах *give smb the freeze = put the freeze on smb* – обдать кого-л. холодом – наблюдается сложное соотношение вариантов: 1) лексическая вариантность – взаимозаменяемость глагольных компонентов *put* и *give*; 2) морфолого-синтаксическая вариантность. На примере ФЕ *raise a / turn the laugh against smb = put the laugh on smb* – поставить кого-л. в смешное нелепое положение – наблюдается еще более сложное соотношение вариантов: 1) лексическая вариантность глагольного компонента *raise, turn* и *put*; 2) лексическая ва-

риантность предложного компонента *against* или *on*; зависимость артикля от выбранного смыслового глагола: *put – the, raise – a, turn – the*.

Развитая вариантность фразеологизмов рассматриваемой структуры свидетельствует об их невысокой степени устойчивости. Активность ФЕ с компонентом *put* в речи делает перспективным изучение данных фразеологизмов как в отношении их структуры, так и их семантических особенностей.

Литература

1. Кунин А.В. Английская фразеология: теоретический курс. – М.: Высшая школа, 1970. – 344 с.
2. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – 5-е изд., исправл. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.
3. Cowie A.P., Mackin R., McCaig I.R. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. – In 2 Vol. – Oxford: Oxford University Press, 1984. – 685 p.
4. Walter E. (ed.) Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 587 p.
5. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. – М.: Международные отношения, 1972. – 288 с.

Types of synonyms of phraseological units with the component ‘give’

N.A. Yagodnitskaya

Pomorsky State University named after M.V. Lomonosov

Synonymy is a characteristic of all language units having this or that meaning: morphemes, words and phraseological units. A.V. Kunin defines phraseological synonyms as phraseological units of one grammatical class which are close or equal in meaning, have identical or differential semantic components and differ or correspond stylistically.

There are several classifications of phraseological synonyms. According to the degree of identity phraseological synonyms are divided into full and partial synonyms. According to their structure they are divided into phraseological synonyms of the same, of different and of similar structure and according to Kunin's classification phraseological synonyms may be ideographic, stylistic and stylistic-ideographic. The aim of a given research is to find out the types of synonyms according to Kunin's classification among the phraseological units with the component 'give', the latter being the object of our research.

A.V. Kunin's *English-Russian phraseological dictionary* presents 243 phraseological units with the components 'give', 32% of them are in synonymic relationships. Guided by A.V. Kunin's conception, we divide phraseological synonyms into three groups:

1. Ideographic synonyms have the same meaning but differ in connotation. The examples of ideographic synonyms among the given phraseological units are the following: a) give smb the jim-jams – frighten, make smb tremble with fear, give smb the cold shivers – frighten smb, make smb feel creepy all over;

b) give smb (quite) a turn – frighten smb very much; c) give smb the freeze – (*Amer. coll.*) treat smb with contempt, give smb the frozen mitt – (*coll.*) meet smb coldly, treat smb scornfully; d) give smb line enough – let smb do what he wants temporarily; give smb plenty of rope – let smb do what he wants in order to compromise him; give smb (smth) a green light – let smb know that he is allowed to do as he wants, etc.

2. Phraseological units belonging to stylistic synonyms differ in stylistic use. There are few examples of such type of synonyms among the given phraseological units. They are as follows: a) give the leg-bail (*coll.*) – give smb the slip – pass secretly, unnoticed; b) give smb the jumps (*coll.*) – give smb the bellyache (*coll.*) – give smb the willies (*coll.*) – give smb the pain in the neck (*coll.*) – give smb a pain in the ass (*vulg.*) – irritate smb, get on smb's nerves; c) give smb the lie – give smb a back-cap (*Amer. sl.*) – give the show away (*coll.*) – show that smth is not true.

3. Phraseological synonyms which differ in coloring of meanings and in stylistic use are referred to stylistic-ideographic synonyms. The phraseological units under study have many examples of stylistic-ideographic synonyms: give smb the bird – discharge from a job; give smb the key of the street – (*iron.*) – drive smb away for the night, leave smb without a roof over one's head; give to the dogs – drive smb away because of one's unnecessary; give smb the rough side of one's tongue – give smb down the banks (*Amer. coll.*) – give it in the neck (*coll.*) – give it smb hot and strong (*coll.*) – give smb hell (*coll.*) – give smb a good dressing-down (*coll.*) – give smb beans (*sl.*) – abuse, lecture smb; give smb a bit of one's mind – abuse, reproach smb. Evidently, these phraseological units refer to different styles and have their own coloring in meaning.

It is generally known that phraseology is a system. The fact that phraseological synonyms form a synonymic family, a synonymic row and a synonymic group is one of confirmation of systematic character of phraseology.

A synonymic family consists of phraseological synonyms with one or more identical components but without synonymic ones. This phenomena may be illustrated with the following examples of phraseological units with the given component: give smb the frozen mitt, give smb the freeze, give smb the bird, give smb the key of the street, give to the dogs; give smb the rough side of one's tongue, give it in the neck, give smb down the banks, give it smb hot and strong, give smb hell, give smb a bit of one's mind, give smb a good dressing-down.

Phraseological synonyms which have synonymic or non-synonymic components form a synonymic chain, for example: give the leg-bail, give smb the slip; give smb the jumps – give smb the bellyache – give smb the willies – give smb the pain in the neck – give smb a pain in the ass; give smb the jim-jams, give smb the cold shivers, give smb a turn. The words 'leg-bail' and 'slip', 'jumps' and 'willies', 'jim-jams' and 'shivers' are the synonyms.

Phraseological synonyms having neither identical nor synonymic components form a synonymic group. No synonymic group has been found among the given phraseological units as they all have an identical component 'give'.

The problem of synonymy is very important as similarity of phraseological meanings characterizes phraseology as a system.

Подсекция «Лингвистика»

Перцептивные прилагательные звука в английском языке

Е.И. Арнаутова

Кемеровский Государственный Университет

Настоящая работа представляет собой попытку изучения английских перцептивных прилагательных звука. Для этой цели наиболее оправданным представляется когнитивный подход к языку, так как он дает возможность изучить систему английских перцептивных прилагательных на базе качественно новых исследований.

Когнитивная лингвистика рассматривает получаемую информацию, в том числе звук, в тесной связи с мышлением человека. Такой подход к изучению языка позволяет наиболее точно понять и описать, почему те или иные характеристики звука описываются соответствующими прилагательными. В настоящее время существует большое количество работ, посвященных прилагательным звука (М.И. Акодес, Ж.П. Соколовская, Б.А. Ильиш, В.В. Бурлакова), однако когнитивный аспект последних изучен недостаточно подробно. Этим обусловлена актуальность данного исследования.

Целью настоящей работы является изучение и описание морфосематических особенностей английских прилагательных, обозначающих различные характеристики звука, выделяемые на основе анализа взаимодействия поступающей перцептивной информации с базой знаний реципиента.

Предметом данной работы являются характеристики звука и способы их выражения в языке.

В английском языке характеристики звука чаще всего выражаются именами прилагательными, следовательно, объектом настоящего исследования являются английские перцептивные прилагательные звука, так как именно они позволяют лучше всего изучить восприятие звука и его отражение в языке.

Теоретической базой для данной работы служат труды таких ученых-когнитивистов как В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова и М. Минский, а также принципы классификации прилагательных, предложенные И.Г. Рузиным. В процессе исследования использовались когнитивно ориентиро-

ванные методы компонентного и контекстуального анализа, дедуктивно-индуктивный метод, метод анализа словарных дефиниций и методика количественного подсчета.

Материалом настоящего исследования послужили английские прилагательные звука, отобранные методом сплошной выборки из переводных и толковых словарей, произведений английской и американской художественной литературы XX века, общим объемом около 1500 страниц. Выборка составила 97 единиц исследования.

В ходе работы были выявлены особенности описания звука в английском языке, такие как преобладание градуальных прилагательных звука над эталонными; неравномерное распределение прилагательных по полюсам градационной шкалы; более частое употребление в речи прилагательных, описывающих сильное отклонение от нормы; употребление одних и тех же прилагательных в разных модальностях и характеристиках звука, что объясняется явлением синестезии. Также были выделены группы прилагательных, характеризующих тот или иной параметр звука, изучено функционирование прилагательных в рамках одного произведения, разработана классификация английских перцептивных прилагательных звука на базе когнитивных исследований (таблица 1), что составило научную новизну исследования.

Теоретическая значимость заключается в возможности использования результатов работы для изучения особенностей восприятия и отражения параметров звука в языке. Также выводы по работе могут способствовать уточнению и упорядочиванию знаний о категории имени прилагательного.

Практическое применение результаты работы могут найти в области прикладной лингвистики. Особенно важны они могут оказаться в вопросах перевода, машинного перевода, а также создания искусственного интеллекта.

Таблица 1

	Больший полюс градационной шкалы	Меньший полюс градационной шкалы
Громкость	deafening, ear-piercing, ear-splitting, enormous, explosive, forceful, full, great, immense, large, loud, powerful, rich, rumbling, stentorian, strong, stunning, thick, thundering, titanic, tremendous, vigorous	barely audible, faint, feeble, inaudible, little, low, quiet, slight, small, soft, still, tight, tiny, vague, under, weak, wee
Тон	high, high-toned, high-pitched, lofty, sharp, shrill, soprano, thin, strident, tenor, baritone	alto, base, deep, low, low, low-pitched
Чистота	clean, clear, distinct, pure	bluff, creaking, gruff, guggling, harsh, hoarse, husky, scraping
Устойчивость	dull, level, monotonous, plaintive, regular, smooth, stable, steady	brittle, perfunctory, scattered, shaky, thrilling, trembling, tremulous
Продолжительность	long	brief, short
Звонкость	full-toned, rich, ringing, sonorous, resonant, booming	cavernous, dry, hollow, hushed, muffled

Немецкие региональные говоры Кировской области**Ю.В. Березина***Вятский государственный гуманитарный университет*

Говоры российских немцев Кировской области является актуальным предметом исследования. Наибольший интерес вызывает проблема развития немецких говоров. Поскольку вследствие депортации условия функционирования языка российских немцев изменились, и процессы сглаживания, смешения и нивелирования стали происходить намного быстрее, чем это наблюдалось до Второй мировой войны в закрытых от русского языка немецких национальных поселениях, развитие говоров представляется как очень сложный многосторонний процесс, который охватывает различные области языкознания. Прежде всего, основной задачей на данном этапе видится фонетическое экспериментально подкрепленное описание присутствующих в Кировской области немецких говоров, которые зафиксированы в Верхнекамском районе, а именно в поселках Созимский и Черниговский.

Поселки Созимский и Черниговский, изучаемые с языковых позиций, относятся к спецпоселениям депортированных немцев. В поселок Черниговский были привезены немцы с Украины. Поселок Созимский был заселен немцами с Поволжья.

С точки зрения языковых контактов мы имеем дело с поздним освоением второго языка, так как до времени депортации в Кировскую область российские немцы в общей массе с русским языком вообще не сталкивались. Большинство переселенных в Кировскую область немцев владело одним из диалектов немецкого языка в разговорной форме и окрашенным диалектно литературным немецким языком. Стандарт немецкого языка они непосредственно изучили в немецкой школе. Необходимо уделить особое внимание, что на протяжении всего существования немецких поселений в России происходил процесс нивелирования, унификации диалектов в большинстве случаев. Этот процесс происходил без участия и влияния русского языка. Немецкое языковое сообщество до периода депортации было одноязычным. С 40-х годов нивелирование диалектов продолжается, усиливается и набирает все большие темпы, только теперь под всеохватывающим влиянием русского языка, который, в главную очередь, в силу политических причин выступил одним из своеобразных разрушителей немецких говоров в России на данном историческом этапе.

В настоящее время в Верхнекамском районе в поселках Созимский и Черниговский немецкие говоры представлены локально окрашенным литературным немецким языком, черты которого восходят в области фонетики либо к северному, либо к южному диалектному ареалу по степени преобладания их в речи российских немцев представленных поселков. К тому же, язык, который они выучили в немецкой школе с немецким усердием и, на котором они общались с большинством российских немцев из других регионов, наиболее ясно сохраняется в сознании и па-

мяти, чем диалект, на котором они общались со своими родителями, бабушками и дедушками много десятилетий назад. Диалект был языком семьи, в нашем случае, языком детей и их родителей, братьев и сестер. Опрошенные нами российские немцы принадлежат к самой старшей возрастной группе. Это люди от 70-ти лет и старше. Молодое поколение немецким языком не владеет вообще. Что касается среднего поколения российских немцев Кировской области, то здесь отмечено либо также отсутствие знаний немецкого языка, либо только рецептивное владение немецким языком.

Имея традиционно двойственную природу, диалект развивался в говорах в двух противоположных направлениях [1]. Исчезая, он все равно выступает в стандартном языке как проявление разговорной речи. Больше всего в нашем случае такое развитие в немецкой диалектной системе нашло свое проявление на уровне фонетики. Здесь происходит одностороннее воздействие диалекта на стандарт. Немецкий литературный язык стал основным языком общения российских немцев этих поселков, например, из-за желания быть понятым у как можно большего числа собеседников, смерти более старшего поколения и из-за большего снижения престижа диалектов, особенно в 20-м веке.

Если подвести итог относительно такого развития немецких говоров в России, то мы наблюдаем следующие преобразования со времен появления немецкого языка в России. Привезенные из Германии многочисленные диалектные вариации взаимодействовали в немецких национальных регионах в России, на Украине. Как результат в большинстве случаев вследствие процессов смешения, сглаживания, ослабления диалектов возникали смешанные говоры. Затем эти говоры продолжали соприкасаться в депортации и развились в такую форму немецкого языка, которую можно обозначить как некое надрегиональное образование [1], т.е. когда говоры, состоящие из отдельных идиолектов, включают и общие и разделяющие единицы различных уровней. Языковые системы, формирующие общую языковую систему говоров Кировской области, обнаруживают наряду с общими свойствами также разделяющие черты, которые имеют связь между собой и непосредственно с главной системой стандартного немецкого языка. Что особенно отчетливо предстает в области фонетики.

Литература

1. Бухаров В.М. Варианты норма произношения современного немецкого языка. Издательство Нижегородского университета, Нижний Новгород, 1995, с.138

Некоторые лингводидактические особенности артикуляции щелевых согласных /s,z/ в румынском и английском языках**А.Д. Василяке***Государственный Педагогический Университет им. И. Крянгэ, г. Кишинёв*

Фонетико-фонологическая система румынского и английского языков включает в себя два согласных звука из группы переднеязычных альвеолярных /s/, /z/. При артикуляции этих щелевых согласных кончик языка находится за резцами, но опущен. Нижняя челюсть не отодвигается от верхней. Воздух проходит через узкий желобок, образованный коротким отрезком передней спинки языка и дёснами верхних резцов. Щель, следовательно, приобретает кругообразную форму. Чем эта щель короче и уже, тем резче свистящий характер этих звуков. Свистящий характер согласных /s,z/ может зависеть и от того, насколько плотно поставлены друг к другу передние резцы. Таким образом, основной характерной чертой как английских /s,z/, так и /s,z/ румынского языка (также и соответственных им русских щелевых) является проток в форме желобка или круглая щель, образованная более или менее коротким отрезком передней спинки языка и дёснами верхних резцов.

При образовании /s/, /z/ румынского языка (как и при русских /с,з/) кончик языка опущен или опирается в основании нижних резцов, таким образом, имеет место дорсальная артикуляция, щель уже и короче, и находится чуть более впереди по сравнению с английскими, отсюда более резкий свистящий характер румынских /s/, /z/ и русских /с/, /з/. При артикуляции /s/, /z/ английского языка, кончик языка обычно поднят, имеет место апикулярная артикуляция, а язык отодвигается незначительно назад, щель шире. Отсюда – менее резкие и определенные, более низкие по собственному тону /s/, /z/ английского языка. Мягкое нёбо, голосовые связки не вибрируют при /s/, а при /z/ голосовые связки находятся в состоянии вибрации. Согласные фонемы /s/, /z/ являются переднеязычными альвеолярными с круглой щелью: звук /s/ – глухой, а /z/ – звонкий. При постановке произношения согласных /s/, /z/ английского языка у румыно- и русскоговорящей аудитории, следует обратить внимание учащихся на сходные и различительные характеристики /s/, /z/ в сравниваемых языках, добиваться апикулярной артикуляции для их образования. Также следует подчеркнуть, что на слух английские /s/, /z/ отличаются «более тёмной» окраской, имеют более низкий собственный тон, эти английские звуки не такие резкие и определённые, не столь свистящие, как румынские. Менее напряжённое и альвеолярное произношение английских согласных /s/, /z/ следует усвоить, так как это подкрепляет типичный уклад, необходимый для правильной артикуляции других английских звуков, и придаёт английской речи определённый, собственный колорит.

Следует также обратить внимание обучающихся на типичные ошибки, одной из которых является смягчение согласных английского языка /s/, /z/ перед гласными переднего ряда /e, i, i:/ и перед полугласным /j/. Во избежание этой ошибки необходимо соблюдение альвеолярной арти-

куляции. Кроме того, румыно- и русскоговорящие учащиеся часто оглушают конечный звонкий /z/, особенно перед глухими согласными, как например в фразе «but his is in his study». Преподавателю английского языка следует помнить, что замена английских /s/, /z/ румынскими или русскими приводит к смещению слов, т.е. эти ошибки являются фонетическими, а не фонематическими, однако их альвеолярная артикуляция гарантирует отсутствие смягчения этих согласных звуков и сужения последующего гласного, подкрепляет уклад, типичный для всех переднеязычных согласных. В качестве упражнений для постановки правильной артикуляции щелевых /s/, /z/ английского языка рекомендуются как слова (отдельные, контрастивные), так и целые фразы и предложения: sea, sewer, sausage, surface, silence, hiss; zinc / sink-zinc, said-zed, seal-zeal, hiss-his, bus-buzz / He laughs best who laughs last; East or West home is best; As time elapsed, the interest in the famous case increased; предложения с контрастивными словами на /s/, /z/: Can I have some peace? Can I have some peas? и другие. На следующем этапе предлагаются адаптированные и оригинальные тексты с частым употреблением звуков /s/ и /z/.

Литература

1. Дикушина О.И. Фонетика английского языка. — Москва. — Изд-во литературы на иностранных языках. — 1952. — 350 с.
2. Торсуев Г.П. Обучение английскому произношению. — Москва, Учпедгиз. — 1956. — 224 с.
3. Chițoran Dumitru, Pârlog Hortensia. Ghid de pronunție alimbii engleze. — București. — Editura Științifică și Enciclopedică. — 1969. — 206 p.
4. Doboș Daniela. A Handbook of English Phonetics and Phonology. — Iași. — Casa Editorială Demeurg. — 2001. — 269 p.
5. Corlăteanu Nicolae, Zagaevschi Vladimir. Fonetica. — Chișinău. — Lumina. — 1993. — 272 p.
6. Gogin George. Ortoepia. — Chișinău. — Știința. — 2001. — 258 p.

Функциональный потенциал заголовка

Т.В. Васильева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

1. *Подход, реализуемый в данной работе*, основан на теории функциональной лингвистики. Термин «функциональный» здесь используется преимущественно в отношении школы функционализма, сформировавшейся в 70-х гг. в Калифорнийском Университете, основная идея которой заключается в том, что формы естественных языков создаются, регулируются, подчиняются требованиям, усваиваются и используются ради их коммуникативных функций. (Talmy Givon, Charles Li, Sandra Thompson, Wallace Chafe, Paul Hopper, Ronald Langacker, Russ. Tomlin, Scott DeLancey и др.). В качестве *материала* для исследования были выбраны рассказы американских писателей 40 — 90 гг. XX века, особый интерес среди ко-

торых для нашей работы представляют рассказы с аллюзивными заголовками и рассказы писателей-постмодернистов.

2. В основе исследования лежит проблема функционирования заголовка в художественном дискурсе XXв. Традиционно заголовок принято рассматривать как актуализатор текстовых категорий. В докладе особое внимание будет уделяться роли заголовка в формировании таких текстовых категорий как **проспекция, ретроспекция, имплицативность и когерентность текста**. Изучение когерентности, в частности, представляет интерес для исследования творчества писателей – постмодернистов, так как базовыми принципами постмодернизма являются отрицание классических канонов в литературе и нонселекция, то есть отказ от попыток выстроить связную интерпретацию текста в сознании получателя. Внешнее нарушение связности текста в этом случае будет имплицитно компенсироваться активацией фреймовой структуры текста-источника. Активатором будет служить заголовок. Текст – источник будет фоном, обеспечивающим отношения между пропозициями, эксплицитно выраженными в тексте с аллюзиями.

3. *Когерентность* – это категория текста, характеризующая особенности соединения элементов внутри текста. Эта категория реализуется за счет активации различных слотов одного и того же фрейма (соответственно, уже связанных ассоциативно в памяти). Формально когерентность осуществляется через повторение слов заголовка (либо синонимических, либо связанных с ним слов) в тексте. Повтор выступает как средство упорядоченности смысла и служит в качестве вех движения этого смысла в текстовом пространстве. При повторах со словами входящими в заголовок, происходят семантические изменения, ведущие к образованию индивидуально – художественного значения заголовка. Внутренняя когерентность осуществляется особым образом в музыкальных текстах. В таких текстах заголовок служит индексом возможной иконичности текста, т.е. возможных изоморфных соответствий между структурами литературного текста и музыкального текста – источника (как то, например, «*Traumerei*» Д.Бартельми, «*Scarlatti Tilt*» Р.Братигана). С точки зрения моделей распределения информации по семантическому пространству текста, функция когерентности осуществляется заголовком в силу того, что он является ориентиром для развития текста. Заголовок, связывая одни концепты с другими и превращая то одну часть текста, то другую в активные зоны, обогащает собственную семантику. Процесс профилирования, описанный Р.Лэнкером, это как раз таки тот процесс, когда заголовок служит ориентиром (landmarker), а текст отходит от него. Образующееся в результате этого общее пространство – это пространство текста, а образовавшийся профиль – это заголовок во всей наполненности своей семантической структуры. Профиль текста – есть совокупность реализованных значений заголовка.

4. *Имплицативность* как текстовая категория, отображаемая заголовком, рассматривается нами с точки зрения нарушения конверсационных

максим П. Грайса. Так, например, заголовки рассказов Дж. Апдайка «*Packed Dirt, Churchgoing, A Dying Cat, A Traded Car*» и «*The Blessed Man of Boston, My Grandmother Thimble and Fanning Island*» строятся на нарушении максимы манеры («*be orderly*»). Однако кажущаяся хаотичность в перечислениях не является хаотичностью. Все эти концепты объединены темой воспоминаний. Заголовок *Monarrat Nicholas* «*The ship that died of shame*» строится на нарушении максимы качества, и, точно так же заголовок Б. Маламуда «*Talking Horse*» имплицитно пропозицию «*The Horse can talk*», которая, как нам известно из опыта, является ложной. Заголовок рассказа Б. Маламуда «*Idiots First*» также есть нарушение максимы качества, что подтверждает и сам автор, доказывая ложность пропозиции «*idiots first*» эпиграфом, для которого Б. Маламуд использовал высказывание «*women and children first*». Только прочитав рассказ, мы понимаем смысл заголовка, так как по сюжету главный герой рассказа старик Мендель выпрашивает у смерти несколько часов, для того чтобы устроить судьбу своего слабоумного сына Исаака. В качестве примера нарушения максимы качества можно привести также заголовки «*Goddess and Other Women*» *J. C. Oates* (имплицитно информацию «*Goddess is a woman*»), «*The Orphaned Swimming Pool*» *J. Updike* (имплицитно информацию «*Swimming pool can be orphaned*»), «*When Everyone was pregnant*» *J. Updike* (имплицитно информацию «*Everyone can be pregnant*»). Максима релевантности нарушается в заголовке рассказа *D. Jersild* «*In which John imagines his mind as a pond*» (так как подобная синтаксическая конструкция скорее присуща названиям отдельных глав английского воспитательного романа, нежели рассказам XX в., «*in which...*» предполагает наличие другого «*in which*»). В Англии, Америке и России различны традиции «недомолвок», что связано с различной культурой экспрессивности. **Имплицитивны всегда метафорические и аллюзивные заголовки, так как они вводят два или несколько фреймов, а текст нацелен на установление межфреймовых связей.**

5. Заголовок потенциально обладает некоторым набором функций, которые взаимодействуют и взаимопроникают в тексте. Несколько таких функций пересекаются в одной точке текста. В разное время и в разных культурах придается различная значимость тем или иным функциям. Современными тенденциями заголовка является усиление его роли как средства выражения членности текста. Так, сейчас все чаще тексты разбиваются на мелкие озаглавливаемые части (например, рассказы *Д. Бартельми* и *Г. Дэвенпорта*). Как мне представляется, это связано с характером современной культуры, ее зрелищностью. Телевидение в значительной мере заменило книги, и обработка информации, заложенной в письменном тексте, требует большего когнитивного усилия чем это, скажем, было в XIX в. Люди привыкли запоминать, опираясь на визуальный знак (картинку). Это, вероятно, снижает общую способность к запоминанию и последующему воспроизведению. Для кодирования информации требуется дополнительный стимул, роль которого и выполняет в письменном тексте заголовок. Кроме того, мы привыкли к рекламе, то есть к повторению одной и

той же информации через ограниченные промежутки времени. Поэтому нам привычно и легко воспринимать множество заголовков, суммирующих основные мысли текста. В настоящее время, по-моему, наблюдается снижение информативности заголовков (иногда информативность заголовка можно вычленить только путем лингвистического анализа), но возросла роль заголовка как средства воздействия (следствием чего является рост количества аллюзивных имплицитных заголовков (около 60% общего числа анализируемых заголовков) и рост количества сборников, название которых не совпадает ни с одним из рассказов, входящих в этот сборник). Функционирование заголовка прежде всего как средства воздействия также можно объяснить влиянием эпохи и культуры.

**Картина пространства и времени, задаваемая английскими
адвербиальными конструкциями с семантикой «далеко»/ «близко»**

С.Н. Виноградова

Кемеровский государственный университет

С того момента, когда человек начинает осознавать пространство и время, он пытается объяснить их связь и оценить свое место в их единстве. Вообще, пространство и время – категории бесконечные. Однако такие оценки намного усложнили бы процесс общения людей друг с другом, поэтому человек делит пространство и время на разные отрезки, доступные для восприятия другими людьми, определяет границы для этих отрезков. Цель исследования заключается в выявлении аспектов пространственно-временной семантики английских обстоятельственных конструкций, несущих инвариантные значения ‘далеко’/ ‘близко’. В процессе исследования применялись такие методы, как метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки, наблюдение, сравнение. Объектом исследования послужили адвербиальные конструкции с пространственно-временным значением «далеко»/ «близко». В словаре синонимов Charlton Laird Webster's New World Thesaurus (New York, 1975) наречию *near* (близко) сопоставляются такие обстоятельственные конструкции, как *not far away, close to, close by, not far, nearby, closely, alongside, side by side, next to, next door, by, past, not far off*. Наречие же *far* (далеко) создает синонимический ряд *far off, far away, far from, in the distance, a long way from*. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к исследованию семантических различий лексических единиц, считающихся синонимами.

Исследуемые обстоятельственные показатели по-разному классифицируют характеристики пространства и времени. Это выражается в том, что при употреблении рассматриваемых лексических единиц принимается во внимание несколько критериев. В процессе исследования этих критериев были получены следующие результаты:

1. В оценке пространства важным регулятором рассматриваемых обстоятельственных конструкций является наличие/ отсутствие в их се-

мантике точки зрения наблюдателя. «Наблюдение» подразумевает наличие взгляда со стороны говорящего на объект описания. Отмечается невозможность использования единиц с этой семантикой в ситуациях самоописания типа: **We were standing next door*. обстоятельственные конструкции с семантикой наблюдения описывают предмет речи относительно говорящего: *I was standing on the floor and she was side by side*. Не отмеченные этим признаком лексические единицы способны описывать и местоположение говорящего относительно какого-нибудь объекта: *We shall come soon, we are near*.

2. В соответствии со степенью удаленности предмета описания от говорящего в «окрестности говорящего» выделяются три дистанционных пояса: ближайший (*near, closely, nearby, alongside, side by side*), дальний (*far, far off, far away, in the distance*), промежуточный (*not far away, not far off*). Промежуточный пояс жестко не привязан к какому-либо одному месту «окрестности». Например, в случаях *The mosquito is humming not far away* и *You can hear the noise of the river which is flowing not far away* подразумеваются разные по величине расстояния. В ближайшем поясе допустимо употребление лексических единиц *near, closely* относительно сферической окрестности *The mosquito is humming near*.

3. Выделяются собственно дистанционные и пространственно-дистанционные лексические единицы. К собственно дистанционным относятся обстоятельственные показатели, которые говорят о расстоянии, на котором первый субъект/ объект находится от второго: *close, near (to), far, far away*. Вторую группу пространственно-дистанционных обстоятельственных конструкций образуют наречия: *nearby, closely, alongside, next to*, являющиеся показателями того, где, в каком пространстве располагается первый субъект/ объект или какую пространственную позицию он занимает. Только с дистанционными лексическими единицами возможны сочетания с градуальными частицами *so, very, that*: *He is so close that I can hear his breath*.

4. При описании времени используются конструкции с семантикой движения. Конкретно-пространственные показатели «окрестности говорящего» не могут участвовать в данной системе отношений. Например: *The holidays are near* при невозможности **The holidays are side by side/ in the distance*.

5. При квалифицировании времени пара наречий *far away/ near* не является симметричной: если *near* естественнее сказать о будущем, то наречие *far away* свободно употребляется как относительно будущего (*The holidays are still far away*), так и относительно прошлого (*The holidays are already far away*). Оба эти наречия в данной системе отношений тяготеют к постпозиции.

Таким образом, мы рассмотрели системные отношения между английскими словарными синонимами с семантикой 'далеко' / 'близко', что позволило сделать вывод, что рассматриваемые обстоятельственные кон-

струкции варьируют в своей семантике при описании пространства и времени, что обуславливает контекстуальную зависимость их выбора в речи.

**Устойчивые словосочетания с цветообозначениями:
к проблеме классификации**

Е. П. Волкова

Тверской государственный университет

Значение цвета в культуре и языке трудно переоценить. С помощью зрения человек получает большую часть информации об окружающем мире и, следовательно, зрительное восприятие непосредственно влияет на формирование образа мира у индивида.

Одним из важнейших источников опосредованного влияния является язык, отражающий опыт предыдущих поколений, культурные модели. Наиболее яркое отражение этого мы находим в идиомах — одном из самых универсальных способов выражения картины мира в языке. Значения слов, входящих в состав устойчивого словосочетания, претерпевают изменения, так как устойчивое словосочетание является не суммой слов его составляющих, а новой единицей языка. Во многих случаях цветообозначение полностью меняет значение и несет только эмоциональную окраску, в связи с чем межъязыковое (межкультурное) сопоставление устойчивых словосочетаний с цветообозначениями оказывается актуальным для повышения эффективности межнациональных контактов и переводческой деятельности.

В результате анализа фразеологических словарей и словарей общей лексики [1–4] было выявлено 25 английских и 15 русских цветообозначений, употребляющихся в составе различных общеупотребительных устойчивых словосочетаний соответствующих языков.

В английском языке для многих цветообозначений значение цвета не является первоисходным или основным, происходит от названия объекта, имеющего сходную окраску (pink, violet, scarlet) [4]. Слова, изначально пришедшие в язык в качестве цветообозначений (black, green, red, white) и имеющие долгую и богатую историю, находят отражение в намного большем числе устойчивых словосочетаний, чем упомянутые ранее.

Классификацию подобных идиом можно проводить на основе из различных принципов. Мы сочли наиболее целесообразным классифицировать устойчивые словосочетания, исходя из степени изменения значения слова-цветообозначения. Таким образом, были выделены три основные группы.

Устойчивые словосочетания, где значения слов-цветообозначений остались максимально близки к основному обозначению определенного цвета или оттенка (*black pepper*, *черная икра*). В особую подгруппу можно выделить словосочетания, общее значение которых дает новое цветообозначение (*pillar-box red*, *shocking pink*, *royal blue*).

Словосочетания с цветообозначением, значение которого претерпело некоторые изменения в силу влияния культурно-исторических факторов (*blue book, голубой экран*).

Устойчивые словосочетания, в которых значения употребляемых слов-цветообозначений имеет ярко выраженный коннотативный оттенок (*white elephant, красная дичь*).

Некоторые примеры совпадений и различий изменения значения в английском и русском языках на базе полученных корпусов примеров:

словосочетания, наиболее точно совпадающие по составу и значению (*black gold – черное золото*);

словосочетания, совпадающие по значению и не совпадающие по составу (*black dog – тоска зеленая; brown bread – чёрный хлеб*);

словосочетания, схожие по составу и различные по значению (*black eye – черный глаз*).

Проведенное исследование приводит к следующим основным выводам.

Изменение значения цветообозначения в устойчивых словосочетаниях с цветообозначениями в английском и русском языках может совпадать и различаться в силу совпадений и различий в сознании носителей соответствующих языков и культур; в истории и развитии культуры.

Словосочетания, входящие в третью группу, как правило, имеют более долгую историю и разнообразное применение, в то время как словосочетания двух первых групп или более молодые, или более специфичны.

Литература

1. КОНТЕКСТ для Windows система электронных словарей версия 5.0
2. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – М.: Рус.яз.- Медиа, 2003. – 336 с.
3. ABBYY Lingvo 9.0 Multilingual Electronic Dictionary
4. Longman Dictionary of Contemporary English. Innovate CD-ROM for Windows.

Средства импликации неоднозначности в дипломатическом диалоге

И. В. Воскресенский

Тверской государственный университет

В новое время все возрастает ангажированность языка в механизмах государственного регулирования и взаимодействия, функционирование которых обеспечивается в первую очередь дипломатией. Язык дипломатии является *усовершенствованным инструментом коммуникации*, что соотносится с усложнением системы смыслов и значений, образующей своего рода «коммуникацию в коммуникации», определенное конвенциональное ядро, среди интенциональных компонентов которого – стремление передать определенное сообщение так, чтобы оставить возможность позднее эксплицитно истинные намерения коммуниканта.[2] Феномен лингвистической корректности задействует *неоднозначность* (далее – НО), которая обладает определенным *текстовым и внетекстуальным по-*

тенциалом (и гибко организованным взаимодействием формы и содержания, что является внешним показателем перцептивной, когнитивной и аффективной деятельности субъекта коммуникации). Кроме того, НО *конвенциональна* (количество смысловой энергии НО влияет на успешность диалога весьма разнообразно), *интенционально-имплицативна* (ввод неоднозначного элемента в высказывание часто носит преднамеренный характер, а стремление к скрытой имплицации НО растет вместе с разницей между коммуникативным и фактическим замыслами, осознаваемой продуцентом). Иногда дипломатические высказывания характеризуются такими формальными показателями, без которых язык дипломатии, казалось бы, может с успехом обойтись (например, усложнение синтаксических конструкций). Это прямо свидетельствует о применении различных средств имплицации НО.

Наиболее часто используемые средства в проанализированных текстах (на примере [1]) можно разделить на следующие группы:

Лексические средства, куда относятся: *ложная синонимия, генерализация значения, идиоматизация лексического значения, ложное сопоставление* (эквивалентность либо противопоставление).

Грамматико-синтаксические средства, среди них: *эллипсис, грамматическая синонимия, использование условного наклонения*, позволяющего смягчить категоричность высказывания, *излишнее усложнение синтаксической структуры*, зачастую с большим числом конструкций с одинаковым грамматическим управлением, связанных с центральной идеей высказывания. Чрезмерное усложнение конструкции — еще один коммуникативный парадокс: сложные и запутанные, но гибкие и вежливые фразы с неоднозначностями имеют тенденцию упрощать отношения между сторонами в дипломатическом процессе; [3]

Контекстуально-ситуационные и стилистические средства: *контекстуальное ограничение функциональности единицы, литерация и недосказанность*, т.е. отсутствие конкретности при необходимости интерпретировать определенное высказывание; *эвфемистические конструкции*.

Экстралингвистические средства (опора на культурные условности): тесное увязывание вариантов понимания неоднозначного элемента с обычаями, историей человеческого сообщества, личностными свойствами — деталями, зачастую непонятные для иностранца, даже дипломата.

Именно разнообразие средств имплицации НО обеспечивает ее мощный языковой и внеязыковой потенциал, генерирующий смысловую энергию таких высказываний, которые во многих случаях предохраняют общество от дипломатического коллапса, — энергию, которую, возможно, еще только предстоит осознать.

Литература

1. Коллекция дипломатических неоднозначностей // <http://www.diplomacy.edu/Language/Ambiguity/briefcase.asp?FilterTopic=/32634& Keywords=>
2. Abu Jaber, Kamel S. «Language and Diplomacy» // *Language of Diplomacy*, 2001, pp. 49-54.

3. Pehar, Dražen. »Historical Rhetoric and Diplomacy – an uneasy cohabitation» // Language of Diplomacy, 2001, pp.117-138.

Артикуляционная характеристика антеролингвальных монофтонгов /i/ английского и /i/ румынского языков

В.Н. Гуревская

Кишинёвский Госпедуниверситет им. И.Крянгэ

В английском языке четыре монофтонга переднего ряда: /i:,i,e,æ/. Из них /i:,i/ противопоставляются по качественному и количественному признакам, остальные два – только по качественному. В румынском языке только два монофтонга – /i,e/, противопоставляемые по обоим признакам. У английских и румынских гласных переднего ряда следующие признаки: основание языка с подъязычной костью выдвинута вперёд, за корнем языка имеется свободное пространство резонатора; средняя спинка языка поднимается значительно к середине твёрдого нёба, кончик языка прижат к нижним резцам (касается нижних дёсен); мускулатура языка и щёк слегка напряжена, губы растянуты как при улыбке, открывая нижние и верхние резцы, служащие передней границей ротового резонатора. Между верхней и нижней губой образовано узкое щелеобразное отверстие. Вследствие поднятия передней части спинки языка к твёрдому нёбу и вперёд нёбная занавеска вместе с малым язычком и подъязычная кость продвигаются вперёд. Надгортанник при артикуляции /i/ отходит значительно вперёд. Объём морганьевых желудочков увеличивается, приобретая узко-продолговатую форму. Данный монофтонг в обоих языках характеризуется малым объёмом ротового резонатора, он сужен до максимума между твёрдым нёбом и спинкой языка и между нижними и верхними резцами и средними частями губ. Гортанно-глоточный резонатор по сравнению с ротовым широк и увеличен. Объём глоточной трубки в нижней части незначительно уменьшается по сравнению с верхней частью. Монофтонг /i/ в английской и румынской речи артикулируется как краткий ненапряжённый звук. Являясь неогубленным гласным переднего ряда широкой разновидности в английском языке и узкой – в румынском, оба высокого подъёма, в английском языке он относится к гласным переднего отодвинутого ряда, а в румынском – к гласным собственно переднего ряда.

Английский монофтонг /i/ в практических/дидактических целях промежуточному звуку между румынскими /i/ и /î(â)/, однако он более широкий, более открытый, чем румынский /i/, но более закрытый и более передний, чем /î(â)/. При его артикуляции напряжение языка ощущается между местом образования румынских /i/ и /î(â)/. Следует особо отметить, что его нельзя уподоблять ударному румынскому /î(â)/. Данная замена не рекомендуется, ибо это ведёт к фонетической ошибке, режущей слух, что не соответствует литературным нормам произношения английского языка. При постановке артикуляции английского монофтонга /i/ в

румыноязычной аудитории рекомендуем брать за основу /i/ румынский, при этом обратив внимание учащихся, что английский /i/ должен быть минимально кратким и артикулироваться со слегка растянутыми губами. Также следует помнить, что английский /i/ произносится при плоском оскале. Корпус языка продвинут вперёд, но менее, чем при /i/ румынском. Язык имеет более широкую форму, так что его боковые края касаются верхних боковых резцов. Выгиб средней спинки языка по степени подъёма (вертикальная плоскость) и по положению в горизонтальной плоскости находится между /i/ и /i(â)/, где сосредоточено напряжение языка. Следует также помнить, что английский гласный /i/ сугубо краткий звук, тогда как румынский /i(â)/ может быть и долгим. Для устранения замены /i/ румынским /i(â)/ следует при плоском оскале язык и увеличенную арку языка продвинуть вперёд.

Большое значение в учебном процессе имеет уклад речевых органов, необходимых для артикуляции английского монофтонга /i/ во всех своих основных чертах: а) нижняя челюсть слегка выдвинута вперёд, так чтобы нижние резцы находились непосредственно под верхними резцами, обычно выступающими вперёд; б) плоские «подобранные» губы слегка растянуты, обнажая полоску верхних и нижних резцов; в) расстояние между верхними и нижними резцами (расстояние между челюстями приблизительно равно толщине языка. Английский монофтонг /i/ практически соответствует /i/ румынскому в словах *chich* /tʰik/ – *cic* /tʰik/, *kin* /kin/ – *chin* /kin/, *rid* /rid/ – *rid* /rid/ и т.д. При постановке его артикуляции в румыноязычной аудитории такие контрастивные слова дают хорошие результаты. Далее следует система упражнений, включающих сначала отдельные английские слова в транскрипции и орфографии, затем короткие фразы с контрастивными словами, пословицы, поговорки, стихотворения и, наконец, диалоги и тексты (адаптированные и оригинальные).

Литература

1. Дикушина О.И. Фонетика английского языка. – Москва: Изд-во литературы на иностранных языках, 1952. – 350 с.
2. Шевякова В.Е. Коррективный фонетический курс английского языка. – Москва: Наука, 1968. – 179 с.
3. Ștefănescu-Drăgănești V. Comparație între sistemul fonologic al limbii engleze și cel al limbii române // *Analele universității București. Seria științe sociale. Filologie*. – București, 1966, XV. – p.285-296.

К проблеме функционирования английского рифмованного сленга

А.А. Емельянов

Ивановский Государственный Университет

Среди разновидностей сленга современного английского языка особое место занимает такой уникальный лингвистический феномен как английский рифмованный сленг (далее РС). Как отмечают исследовате-

ли [1-6], данный термин входит в состав лондонского диалекта Cockney (кокни), но имеет также распространение на всей территории Великобритании, в США, Австралии и Новой Зеландии. В настоящем исследовании предпринимается попытка выявить основные сферы и аспекты человеческого бытия, затрагиваемые рифмованным сленгом, а также обозначить некоторые территориальные и социальные границы использования РС в повседневном английском языке.

Вследствие лексикографического отбора единиц РС из словарей английского рифмованного сленга [1-4,6], нами были выделены следующие двадцать шесть аспектов человеческого бытия: *animals, bodily functions, clothing, conversation, crime and punishment, disease and disability, drinking, drugs and smoking, emotions, entertainment, food, gambling, home, law and order, life and death, men and women, money, occupations, parts of the body, race and nationality, relationships, religion, sex, tools, transport, weather*. Наибольшая встречаемость единиц РС наблюдается в следующих пяти сферах деятельности человека: *clothing, drinking, food, parts of the body, money*.

Данные лексикографического анализа указанных выше словарей позволили нам выделить следующие основные территориальные разновидности РС: *American pacific coast, Australian, New Zealand, Irish, Scottish, West London, East London\Cockney, South African*.

В ходе исследования были также обозначены социально-профессиональные группы, использующие в своей речи единицы РС: *bookmakers, players of baseball, players of darts, costermongers, theatrical, vegetable trade*.

Употребление яркой, необычной лексики, коей является рифмованный сленг, характерно и для верхних слоев английского общества – представителей так называемых «upper classes» [6] (E.g. *choice ~ Rolls Royce; success ~ good queen Bess; speech ~ Normandy beach; pardon ~ rose garden*).

Рифмованный сленг, как показывают наблюдения над языковыми фактами, характеризуется ярким проявлением богатства фантазии говорящего, желанием выработать свой неповторимый стиль речи, способствующий определенной социальной индивидуализации и самовыражения в процессе речевого общения. Вышеперечисленные атрибуты реализуются благодаря использованию в речи данной разновидности английского сленга, одной из целей которого является создание юмористического эффекта, повышение интереса к предмету речи и создание эффекта стилистической обособленности.

Литература

1. Ayto J. The Oxford Dictionary of Rhyming Slang. London, 2002.
2. Franklyn J. A Dictionary of Rhyming Slang. London, 1994.
3. Green J. The Big Book of Rhyming Slang. London, 2002.
4. Kirkpatrick B. Wicked Cockney Rhyming Slang. London, 2002.
5. Partridge E. Slang Today and Yesterday. N.Y., 1961.
6. Wheeler P., Broadhead A. Upper Class Rhyming Slang. London, 1985.

**Diamoci del tu – Будем на «ты»
Формы вежливости в итальянском и русском языках**

И.М. Жигунова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В работе рассматривается частотность употребления форм на «Вы» и на «ты» в итальянском и русском языках. Исходя из исторического развития норм употребления местоимений и из современной языковой ситуации, делаются выводы и перспективы употребления местоимений в будущем.

Сопоставительная характеристика норм употребления вежливых форм в современном итальянском и русском языках.

В настоящее время в Италии всё более активно форма обращения на «ты» (tu) вытесняет вежливую форму на «Вы» (Lei) под влиянием различных факторов. Лишь в некоторых ситуациях всё ещё уместно употреблять форму на Вы (Lei) и практически совсем исчезла из языка форма на Voi [1]. Географический фактор: расхождения в употреблении вежливых форм в разных областях Италии.

В России же сохраняется традиционное разделение сфер употребления местоимений «ты» и «Вы», которое зависит от возрастных и социальных различий собеседников, ситуации общения (формальная/неформальная), и т.д.

Исторические предпосылки употребления местоименных форм Lei и Voi. Влияние фашистской идеологии.

Межличностные отношения в Италии и России как фактор влияния на языковой этикет.

Грамматические нюансы: согласование причастий и прилагательных в роде и числе [2]; вопросы правописания вежливых форм местоимений: с заглавной или строчной буквы.

Комические ситуации, обусловленные формальным совпадением вежливой формы Lei и местоимения третьего лица единственного числа женского рода lei.

Проблемы перевода, связанные с расхождениями в грамматических нормах употребления вежливых форм местоимений в итальянском и русском языках.

Литература

1. D'Achille P. L'Italiano contemporaneo. Bologna, il Mulino, 2003, p. 30.
2. Serianni L. Grammatica italiana. Milano, Garzanti, 2003.

Парадигмальное преобразование семантического статуса слова «like» как результат его десемантизации

М.В. Каменский

Ставропольский Государственный Университет (Россия)

На современном этапе развития языка актуальным является следование в русле новой языковой парадигмы — социолингвистической, что

обусловлено определенными изменениями, связанными с проникновением социального детерминанта в сферу лексико-грамматических значений отдельных языковых единиц. В результате социолингвистических процессов некоторые лексические единицы приобретают новый статус и выступают в роли дискурсных маркеров, используемых в качестве средств когезии и маркеров социальных отношений между собеседниками. При этом можно говорить о наложении и взаимодействии двух языковых парадигм – лексико-семантической и социолингвистической, что проявляется в процессах десемантизации и образования новых значений лексических единиц (ЛЕ), а также в приобретении ЛЕ статуса дискурсного маркера.

Целью нашего исследования является определение дискурсного статуса лексической единицы английского языка «like» и выявление нестандартных функций, выполняемых этой единицей в разговорном дискурсе. Объектом исследования выступает лексическая единица «like» как дискурсный маркер. В ходе нашего исследования были использованы следующие методы: анализ научной литературы, анализ корпуса текстов, метод наблюдения, метод сплошной выборки.

В результате исследования процесса парадигмального преобразования ЛЕ «like» были получены следующие результаты:

1. Слово «like» в английском языке имеет как традиционные значения, зафиксированные в словаре, так и нетрадиционные, образовавшиеся в результате взаимодействия лексико-семантической и социолингвистической парадигм.

2. В рамках разговорного дискурса ЛЕ «like» может выполнять функции дискурсного маркера, а именно: фокуса предложения, введения новой информации, цитирования, введения необычного описания, уклонения от прямого ответа, выражения незначительного различия между имплицатурой и эксплицатурой [1,2,3].

3. Выделение фокуса предложения и цитирование являются доминирующими функциями дискурсного маркера «like».

4. Дистрибуция частоты употребления дискурсного маркера like в его различных функциях выглядит следующим образом: выделение фокуса предложения и введение новой информации – 35 %, цитирование – 30 %, уклонение от прямого ответа или указание на различие между произносимым и подразумеваемым – 15 %, введение необычного описания – 12 %, заполнение паузы в предложении – 8 %.

5. Характерными чертами узуса ЛЕ «like» является ее полисемантность как дискурсного маркера. Так, при ее использовании в речи могут одновременно проявляться функции введения необычного описания в предложение и выделения фокуса предложения, особенно если фраза является эмоционально нагруженной и выделена интонационно.

6. Наряду с выделением фокуса предложения, наиболее используемой функцией «like» является цитирование. Несмотря на то, что стандартными способами цитирования являются прямая и косвенная речь, в подав-

ляющем количестве исследованных случаев (примерно 70 %) в этой функции использовался дискурсный маркер *like*, и лишь в 30 % случаев – прямая или косвенная речь.

7. Функция введения новой информации является вторичной и часто наслаивается на функцию выделения фокуса высказывания.

8. В случае использования «*like*» при уклонении от прямого ответа или неточной передаче мысли дискурсный маркер употребляется для смягчения высказывания. Иногда эта функция также сочетается с функцией «маркера планирования», например, когда *like* используется для заполнения пауз в предложении при обдумывании мысли и подборе слов.

9. Введение необычного описания с помощью дискурсного маркера *like* наблюдается не слишком часто и также во многих случаях совмещено с выделением фокуса в предложении.

10. В рамках разговорного дискурса может наблюдаться явление полной десемантизации ЛЕ «*like*». При этом слово «*like*» имеет статус маркера принадлежности к определенному типу дискурса (разговорному).

Таким образом, результаты проведенного нами исследования позволили установить дискурсный статус слова «*like*» в рамках социолингвистической парадигмы, выявить его полифункциональность, определить нестандартные значения и сделать вывод о частоте его употребления в каждом из них. Результаты исследования могут быть учтены в спецкурсе по дискурсным маркерам при изучении английского языка в вузе.

Литература

1. Abraham W. (1991) *Discourse Particles. Descriptive and Theoretical Investigations on the Logical, Syntactic and Pragmatic Properties of Discourse Particles in German (Pragmatics & Beyond Series 12)*. Amsterdam: Benjamins.

2. Malatesta D. *Like in Conversational Discourse: A Valuable Device*.

3. Underhill, R. (1988). *Like, is like, focus*. *American Speech: A Quarterly of Linguistics Usage* 63, 234-236.

Ценностный потенциал эллиптических высказываний

М.Л. Касаткин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В рамках когнитивной лингвистики синтаксический эллипсис правомерно рассматривать как средство реализации грамматических, а точнее, синтаксических концептов. Под синтаксическими концептами принято понимать «различные модели или структурные схемы простого предложения, выражающие определенное концептуальное содержание – типовые пропозиции, т. е. некоторые типовые отношения между субъектом и предикатом» [1. С.47, 2. С.42]. Отличительной характеристикой синтаксических концептов является их многомерность, которая проявляется в репрезентации знаний языкового и неязыкового характера. В них, в частности, отражено не только понятие синтаксической модели (структурной схемы) предложения и определенное пропозициональное содержание,

но и некоторое концептуальное содержание неязыкового свойства в виде суждения о мире. В результате, анализ эллипсиса, как формы реализации синтаксического концепта, в рамках текста предполагает учет как собственно языковых, так и культурно-исторических, социальных, прагматических и др. факторов, влияющих на процессы производства и восприятия текста, что обуславливает дискурсивную направленность такого анализа.

Одним из важных факторов, влияющих на формирование смысла высказывания и релевантного для интерпретации эллипсиса в рамках дискурса является категория ценностей. Ценности как наиболее фундаментальные характеристики культуры, высшие ориентиры поведения являются важным составляющим элементом языковой личности. Последняя, будучи предметом лингвистического изучения, представляет собой обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок, поведенческих реакций [З. С.166]. Индивид присваивает некие социальные значения и осознанно реализует их в процессе деятельности, в том числе коммуникативной, выступая носителем ценностного сознания.

Для получения более адекватной картины представления ценностей в языке целесообразно учитывать данные наук, освещающих аксиологическую сторону жизнедеятельности общества — социологии, культурологии, антропологии и др. В качестве примера синтеза социологических и антропологических знаний, с одной стороны, и языковых, с другой, можно рассматривать концепцию Г. Малецке (1997), который рассматривает понятие ценности с точки зрения межкультурной коммуникации. Опираясь и плодотворно развивая известную антропологическую теорию Ф. Клакхон (1950), автор рассматривает ценности как своего рода направляющие личности в процессе ее социологизации в рамках конкретной культуры, и, в этой связи, ведет речь о ценностных ориентациях (ЦО). Г. Малецке формулирует пять основных универсальных проблем, различный подход к разрешению которых и будет определяющим для вычленения тех или иных ЦО в рамках определенной культуры. Данные проблемы находят следующие формулировки:

Как создан человек? В чем суть человеческой природы? (Human nature orientation)

Каковы взаимоотношения человека и природы? (Man-nature orientation)

Что означает категория времени в жизни человека? (Time orientation)

Каковы виды и формы активности человека? (Activity orientation)

Каковы виды и формы взаимоотношений между людьми? (Relational orientation)

Очевидно, что в рамках каждой конкретной культуры, в том числе в рамках немецкой культуры, которая является составной частью культуры Запада, ответы на поставленные вопросы будут разными. При этом ключом к выявлению и конкретизации ЦО должны служить данные языка, являющегося своего рода «транслятором» соответствующих культурных

доминант. В результате, задача интерпретатора будет заключаться не только в выявлении функционально-семантических характеристик высказывания, но и в адекватной дешифровке ценностных установок той или иной культуры, которые выступают в конкретных ситуациях общения и зафиксированы в значениях конкретных языковых единиц, в нашем случае – синтаксического эллипсиса. Являясь составной частью системы языка и функционируя в разных языковых контекстах, эллипсы, наряду и во взаимодействии с другими составляющими этой системы, обнаруживают и раскрывают свой потенциал, в том числе культурно-значимый. Обращение же к эллипсису как к объекту исследования объясняется прежде всего недостаточной изученностью его функциональных характеристик в рамках дискурса. И хотя репрезентантом категории ЦО могут быть и полные предложения, но именно данное обстоятельство, как нам представляется, и уравнивает коммуникативный статус обоих членов оппозиции «полные – неполные предложения» и утверждает автономию эллипсиса как равноправной формы существования языка.

Литература

1. Е.С. Кубрякова, В.С. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов. Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1997, с. 245.
2. Н.Н. Болдырев. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000, с. 123.
3. В.И. Карасик. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002, с. 477.
4. G. Maletzke. Interkulturelle Kommunikation. Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen. – Westdeutscher Verlag, 1996, S. 226.

Некоторые особенности передачи на письме румынских и английских аффрикат

А.А. Кирдякин

Молдавский Государственный Университет

Процесс общения, предполагающий обмен информацией на устном и письменном уровнях, осуществляется посредством высказываний, выражающих мысли и идеи. Высказывания состоят из слов, слова – из морфем, морфемы – из фонем. Фонема – это наименьшая звуковая единица, служащая для образования и различения значимых единиц языка: морфем, слов. На письменном уровне ей соответствует графема. Различают три вида графем: а) простые: a, b, e, t, z; а, б, в, г; б) с диакритическими знаками: ã, â, î, ș, ț; ë, ÿ; в) составные: ch, gh, ph, sh, sch. Существуют три принципа письменности: 1) Фонетический – орфография полностью соответствует произношению. На этом принципе основана письменность романских (за исключением французского), белорусского и других языков, например, рум. soras /ko'pak/, tac /tak/, cal /kal/. 2) Морфемный – предполагает одинаковое написание морфем независимо от их произношения. Например, приставка над в русском языке произносится /nad/:

надрезать /nad'rezat'/, и /nat/: надписать /natpi'sat'/. Этот принцип лежит в основе письменности русского, украинского, польского, немецкого и других языков. 3) Этимологический – письменность отражает произношение на одном из предыдущих этапов исторического развития языка. Данный принцип отражён в орфографии английского и французского языков, например, англ. but /bʌt/, right /rait/, high /hai/; фр. temps /tā/. Как видно из вышеизложенного, румынская орфографическая система основана на фонетическом принципе, английская – на этимологическом.

Рассмотрим сопоставительные особенности передачи на письме румынских и английских аффрикат. В румынском языке различают три аффрикаты: /ts, tʃ, dʒ/, а в английском – две: /tʃ, dʒ/.

Румынская аффриката /ts/, не имеющая соответствующего аналога в английском языке, передаётся на письме графемой с диакритическим знаком **ț** в любой позиции: *țap, țambal, țarină, țepi, țip, țărm, țărănă, țir, a țocăi, țol, țoșcă, țurcane, țurcă; a ațăța, țântar, a inhăța, a invăța, moțoc, rățoi, roți, adulți, colți, direcție, instrucție, fracție, forțare, țartam, rățușcă; laț, creț, șliț, băț, nagăț, boț, hoț, puț; colț, simț, șanț, șorț.*

Аффриката /tʃ/ в румынском языке отображается на письме простой графемой с перед е, i: *ceai, cer, pace, duce, rece, cine, ciob, ciudat, cinci, măciucă, deci, zici* и т.д. В английском языке у /tʃ/ следующие способы передачи: а) **ch** – *chain /tʃeɪn/, choose /tʃu:z/, beach /bi:tʃ/, match /mætʃ/, wretched /retʃɪd/, pitch /pɪtʃ/;* б) **t** – *furniture /'fɜ:nɪtʃə/, picture /'pɪktʃə/, nature /'neɪtʃə/, righteous /'raɪtʃəs/, question /'kwɛstʃən/, combustion /kəm'bʌstʃən/* (в некоторых случаях в американском варианте английского языка /tʃ/ произносится там, где в британском – /t/: *about you /ə'baʊtʃu:/*); в) **c (cc)** перед **e, i** – *cello /'tʃeləʊ/, concerto /kən'tʃɔ:təʊ/, cicerone /tʃɪ'tʃəʊni/, capriccio /kə'pri:tʃiəʊ/, Vocaccio /bə'kɔ:tʃiəʊ/;* г) **tsch** – *putsch /putʃ/.*

Что касается аффрикаты /dʒ/, то в румынском языке она передаётся простой графемой **g** перед **e, i**: *geam, ger, a sugera, a merge, a curge, rege, gintă, giolar, giulgiu, magiun, spargi, fagi, dragi* и т.д.; а в английском – следующим рядом графем: а) **j** – *jump /dʒʌmp/, jet /dʒet/, reject /ri'dʒekt/, adjacent /ə'dʒeɪsənt/;* б) **g (gg)** (перед **e, i, y**) – *gem /dʒem/, giant /dʒaɪənt/, page /peɪdʒ/, pigeon /'pi:ʒɪn/, gymnastic /dʒɪm'næstɪk/, philology /fɪ'lɒlədʒi/, exaggerate /ɪg'zædʒəreɪt/, edge /edʒ/, judgement /'dʒʌdʒmənt/, lodging /'lɒdʒɪŋ/;* в) **d** – *grandeur /grændʒə/, soldier /'souldʒə/* (в ряде случаев в американском варианте английского языка /dʒ/ произносится там, где в британском – /d/: *education /edʒu:'keɪʃn/, adulation /ædʒə'leɪʃn/*); г) **ch** – *spinach /spɪnɪdʒ/, Greenwich /'grɪnɪdʒ/, Norwich /'nɒrɪdʒ/.*

В результате сравнительного анализа способов передачи на письме румынских и английских аффрикат замечаем, что графемы **c, g** перед **e, i** как в румынском, так и в английском (в последнем не всегда) передают звуки /tʃ, dʒ/ соответственно. Остальные графемы в румынском языке отсутствуют либо передают другие звуки. Наблюдение за учебным процессом в группах с румынским языком обучения показало, что 32% ошибок

румыноязычных студентов в английском произношении связаны именно с орфографией. Учитывая первостепенную важность произношения в овладении языком, при его постановке следует уделять особое внимание и письменной стороне.

Литература

1. Балинская В. И. Орфография современного английского языка. — Москва: Высшая школа, 1967. — 327 с.
2. Corlăteanu N., Zagaevschi Vl. Fonetica. — Chişinău: Lumina, 1993. — 272 p.
3. Jones D. An Outline of English Phonetics. Third Edition. — Cambridge: W. Heffer & Sons LTD, 1932. — 328 p.

О культурных эталонах при выражении интенсивности в языке

А. С. Куклин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Язык как отражение культурного опыта его носителей предусматривает наличие культурных эталонов, имеющих национально-специфический характер. По мнению В. Н. Телия, в качестве эталона, или «квазистереотипа», выступает внутренняя форма слова, то есть то ассоциативно-образное представление, которое это слово вызывает у носителей языка [5: 44].

Данные представления имеют индивидуальный характер у каждой культурной общности. Ср.: рус. «с глазу на глаз», англ. «*face to face*» («лицом к лицу»), нем. «*unter vier Augen*» («под четырьмя глазами»), фр. «*tête-à-tête*» («голова к голове»). Все эти различия в языке связаны с тем многообразием аспектов жизни народа, которое принято называть его культурой. Как отмечает Ю. С. Степанов, «язык <> мягко и благотворно направляет людей в именовании, присоединяя поименованное к самым глубинным пластам культуры» [3: 74]. Культурные эталоны отражают специфику мышления и поведения носителей языка и проявляются в различных его аспектах.

В сфере лексической сочетаемости и фразеологии особого внимания заслуживает рассмотрение способов выражения наиболее общих значений, в частности — выражения интенсивности. В любом языке есть словосочетания, в которых один из компонентов обозначает интенсивность действия, высокую степень качества или полноту реализации какой-либо типичной характеристики объекта, выраженного другим компонентом (*заветное желание; to breathe deeply; абсолютно здоров*).

Значение интенсивности в различных языках может быть выражено по-разному. Различия в выражении оценочных значений вообще Е. М. Вольф объясняет тем, что «оценка относится к интенциональному аспекту языка, где преломление картины мира в сознании говорящего осложняется целым рядом факторов» [2: 9]. К таким факторам относятся культурные, исторические, экономические, и другие специфические черты развития народа, его менталитет, система ценностей. «Размытость оценочных стереотипов», также являющаяся, по мнению Е. М. Вольф, причиной

несоответствий в языках [2: 10], и есть результат действия вышеперечисленных факторов. Оценочные стереотипы обуславливают употребление в языках различных лексических единиц для выражения интенсивности. Ср.: *It's raining cats and dogs* – *Дождь льет, как из ведра*.

Однако эквиваленты для выражения интенсивности всё же существуют. Ср.: *pouring rain* – *проливной дождь*.

В одном и том же языке интенсивность может выражаться несколькими способами. По мнению В.Н. Телия, такие «пределы», как *очень* или *совсем глуп, абсолютный дурак, круглый идиот*, квантифицируются уже посредством эмотивного отношения говорящего к оцененному признаку [5: 51]. Ср. нейтральное *Идет проливной дождь* и эмоционально по его мнению, «связаны с планом содержания, в то время как ее план выражения <> может реализоваться по-разному в зависимости от имеющихся в данном языке лексических окрашенное *Льет, как из ведра*.

Наряду с высказыванием *It's raining cats and dogs* и словосочетанием *pouring rain* в английском языке ту же мысль выражают предложения *It's raining heavily* и *It's raining hard*. С. Сятковский считает, что это закономерное явление: «специфические свойства категории градуальности, и других средств» [4: 47].

Ю.Д. Апресян, описывая лексический параметр Magn («очень», «высокая степень»), также делает оговорку, что его значением может быть как слово, так и словосочетание (ср.: Magn (*знать*) = *досконально, как свои пять пальцев*) и что от одного аргумента данный параметр может иметь более одного значения (ср.: Magn (*спать*) = *крепко, беспробудно, без задних ног, сном праведника* и т.п.) [1: 50].

Таким образом, на сегодня уже имеются наработки в области лексической сочетаемости слов и способах выражения интенсивности. И всё же представляется целесообразным рассмотреть данные вопросы под углом сопоставительного языкознания. Результаты этой работы будут представлять особую ценность прежде всего для лингвокультурологии и методики преподавания иностранных языков.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М., 1995,
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985,
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001,
4. Сятковский С. «Градуальность в языке и речи: русский грамматический элатив и его польские эквиваленты» // Количественность и градуальность, 2001,
5. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986,

Связующая функция вербального компонента в текстах с полной креолизацией**Т.А. Мельничук***Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова*

Креолизованный текст включает в себя вербальный и невербальный компоненты, которые могут быть равны по своей смысловой значимости, либо один компонент может нести дополнительную смысловую нагрузку. В тексте с полной креолизацией вербальная и иконическая часть тесно взаимосвязаны и при отдельном рассмотрении теряют свою информативность. Объектом нашего исследования выступают газетные комиксы на английском языке, представляющие собой полностью креолизованные тексты. Интерес для исследования представляет связующая функция вербального компонента комикса на трех уровнях связности: содержательном, содержательно-языковом и содержательно-композиционном. [1]

1. Содержательный уровень.

Вербальный компонент комикса можно распределить по следующим категориям: речь персонажа, речь автора, имитация звука (ономатопоэтические слова) и имитация письменного текста (надписи, письма и пр.). Вербальный текст, относящийся к любой из вышеперечисленных категорий, обладает определенной смысловой самостоятельностью, однако получает полную смысловую оформленность только в сочетании с иконическим компонентом. Степень семантической самостоятельности вербального и иконического компонента креолизованного текста может варьироваться, но, как правило, оба компонента обладают приблизительно равнозначной, взаимодополняющей информативностью, либо иконический компонент несет основной смысл, а вербальный компонент дополняет и закрепляет денотативный и коннотативный смыслы изображения. [2] Допустимо также опущение вербального компонента, если есть вероятность дублирования информации иконического компонента. Любое нарушение смыслового равновесия является нежелательным, так как уменьшает эффективность воздействия на читателя. Следовательно, введение вербального компонента в креолизованный текст ограничивается степенью его информативности.

2. Содержательно-языковой уровень.

Данный уровень связности в комиксе представлен идентифицирующим типом связи. Иконическими маркерами отправителя сообщения являются так называемые «пузыри», исходящие из изображения головы персонажа, причем «пузыри», содержащие речь и мысли персонажа различаются по своей форме, что облегчает задачу читательского восприятия. Получателя сообщения можно идентифицировать следующим образом: взгляд отправителя сообщения обращен к потенциальному получателю сообщения. Особо стоит выделить случай, когда получателем сообщения условно является читатель: лицо персонажа обращено «к читателю» и нет никаких маркеров других получателей сообщения. Возмож-

но, такое сообщение имеет отправителем и получателем одно и то же лицо, но создается эффект общения с читателем.

Вербальными маркерами отправителя и получателя сообщения выступают личные и притяжательные местоимения первого и второго лица. Риторические вопросы с экспрессивной окраской обычно не сопровождаются обращением лица отправителя к адресату, поскольку не требуют ответной реакции. Между тем обычные вопросы, если они не содержат вербального указания на имя адресата, требуют иконической идентификации.

Утвердительные высказывания в комиксах можно разделить на две основные группы: высказывания-ответы и повествовательные высказывания. Ответы на вопросы не требуют иконической идентификации получателя сообщения, потому что читатель уже знает, кто задал вопрос. Высказывания, сообщающие новую информацию, могут быть обращены к кому-либо из персонажей, и побуждать к ответной реплике или действию, носить комментирующий характер, либо являться размышлениями вслух, не имеющими адресата. Информационные и комментирующие высказывания сопровождаются иконическими маркерами, идентифицирующими либо получателя сообщения, либо объект обсуждения. В первом случае, вербальными идентификаторами получателя сообщения выступают личные и притяжательные местоимения второго лица, имена персонажей. В комментирующих высказываниях вербальными маркерами являются название или имя обсуждаемого объекта, или личное местоимение третьего лица.

3. Содержательно-композиционный уровень.

С точки зрения композиции вербальный и иконический компоненты комикса находятся в отношениях внутренней (семантической) и внешней (визуально-пространственной) соотнесенности. Для газетных комиксов характерно трехчастная структура, где три изображения составляют одно смысловое и композиционное целое. Семантически, вербальный текст может объединять весь изобразительный ряд комикса либо относиться к каждому изображению отдельно. Вербальный компонент, объединяющий весь изобразительный ряд, может быть расположен в одном визуальном поле со всеми изображениями комикса, примером чего может являться комментирующая подпись, но может и находиться в одном визуальном поле лишь с одним изображением, как правило, заключительным, придавая комиксу смысловую завершенность. Визуальная организация иконического и вербального компонентов также влияет на читательское восприятие, определяя последовательность действий, значимость и длительность события, громкость звука и т.д. В свою очередь, вербальный текст как таковой в комиксе никогда не избавлен от паралингвистических элементов (использование только прописных букв, шрифт, размер шрифта, курсив, жирный шрифт, цвет шрифта, вспомогательные знаки и т.д.).

Таким образом, подводя итог нашего исследования, можно прийти к выводу о том, вербальный компонент в газетном комиксе всегда обладает дополнительной информативностью, конкретизируя семантику икони-

ческого компонента. Связующая функция вербального компонента проявляется на смысловом, композиционном и визуальном уровне, объединяя изображения в целостный связный текст.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М., 2003, с. 128.

2. Барт, Ролан. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. М., 1994, с. 616.

Аббревиация в интернет – диалоге

А.В. Попова

Ставропольский Государственный Университет

Язык и общество, культура и язык – связь между этими понятиями очевидна для каждого, кто интересуется вопросами языкознания. Еще более очевидной эта связь становится в последнее время в современном бурно развивающемся обществе. Одним из величайших изобретений XX в. по праву считается компьютер. Естественно, что, как и любое изобретение, компьютер породил новый мощный пласт терминологии, который развивается по общим семантическим законам и в тоже время обладает рядом специфических черт. Одной из таких черт является установка на юмор.

Представляется целесообразным выделить две важнейшие особенности, которые отличают компьютерный жаргон как подсистему языка – высокая скорость обновления арсенала жаргонизмов и незначительный пласт жаргонизмов, используемых отдельным носителем компьютерного сленга.

Компьютерный жаргон формируется в виде особого подязыка, первоначально призванного обслуживать профессионалов в области информационных технологий. Затем эта социальная группа приобрела диффузные очертания: жаргон используется для общения специалистов, пользователей компьютеров самого различного уровня, любителей компьютерных игр.

Язык стремится к экономии в выражении, и в словообразовании эта тенденция особенно проявляется в аббревиации – сокращении слов (*metro, cinema*) и словосочетаний. В аббревиатурах информация передается меньшим числом звуков или букв, чем в словосочетаниях или несокращенных словах с той же предметной соотнесенностью.

Некоторые лингвисты, сетуя на появление все новых и новых аббревиатур, называют этот процесс инфляцией (*Inflation through Abbreviation*). Численное возрастание этого типа слов действительно очень значительно, о чем свидетельствует появление большого количества онлайн словарей «Аббревиатур и Акронимов».

Аббревиация в компьютерном жаргоне представлена различными типами: усечение конечной части слова (**semi** (от *semicolons*), **jock** (от *jockey*), **quest** (от *question*)); усечение начальной части слова (**Net** (от *Internet*)). Но самым популярным типом аббревиации является, пожалуй,

буквенное сокращение каких-либо словосочетаний и даже предложений. Например, буквенное сокращение предложений:

DIAFYO – Did I Ask For Your Opinion? **RYS** – Read Your Screen **TBYB** – Try Before You Buy

TFTI – Thanks For The Information **TFTT** – Thanks For The Thought **YW** – You're Welcome

WYSIWYG – What You See Is What You Get **YHNWOK** – You Have No Way Of Knowing

Ряд аббревиатур представляет собой креолизованные тексты, т.е. характерно не только словесное изображение, но и зрительный ряд, в большинстве случаев, цифры:

2L8 – Too Late; **4** – For; **W8N** – Waiting и т.п. Очевидно, что чаще всего в аббревиатурах используются цифры 8 и 4, чей фонемный состав [ˈeit] и [fo:] обыгрывается в различных вариациях m[eit], l[eit]r, b[fo:], w[eit], [ˈfo:]get и т.д.

Подобный прием шифровки используется и по отношению к буквам английского алфавита, например: **CU** – See you **CUL** – See you later.

Язык родоначальников Интернета претерпевает поистине ускоренное развитие (лексических единиц, прагматических паттернов, референций, пунктуационных правил). Перспективной исследовательской областью зарекомендовало себя изучение лингвистической специфики и социокультурных аспектов письменного общения, опосредствованного компьютерами и Интернетом.

Необходимо отметить, что компьютерный жаргон – это особый лингвокультурный феномен, который находится в стадии бурного развития, поэтому дальнейшее изучение его особенностей представляется актуальным и перспективным.

Новые аббревиатуры пополняют словарный состав английского языка существительными особой формы – с полностью или частично разрушенным морфемным составом. Поскольку в принципе выделение словообразовательных морфем (префиксов и суффиксов) здесь невозможно, аббревиации представляют собой слова корневые.

Лингвокультурный подход позволяет выдвигать комплементарные гипотезы, позволяющие в дополнение к учету собственно лингвистических и экстралингвистических факторов более полно раскрыть новые явления в сфере языка.

Все это позволяет нам сказать, что аббревиация – один из наиболее продуктивных типов словообразования, участвующих в процессе формирования компьютерного сленга. Аббревиатуры становятся повседневным элементом жизни компьютерного пользователя Интернета.

Литература

1. Гусейнов Г. «Другие языки. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей», 2000. URL: <http://nlo.magazine.ru/dog/tual/main8.html>

2. Ермакова О.И. «Особенности компьютерного жаргона как специфической подсистемы русского языка», 2001.

3. Онлайн-словарь компьютерного сленга URL: <http://slovari.net/contents.php?sl=ej>

Способы обогащения медицинской лексики в современном английском языке

Н.А. Пушкина

Белгородский государственный университет

Бесконечный процесс познания мира, возникновение новых и модернизация уже имеющихся понятий, открытие и создание все новых и новых объектов реальной действительности требуют от языка обеспечить говорящий на данном языке коллектив необходимым количеством слов для их номинации. Медицинская терминосистема английского языка достаточно разнообразна по своим семантическим и морфолого-структурным характеристикам.

Результаты исследования современного английского языка говорят о том, что одним из наиболее распространенных источников обогащения медицинской терминологической лексики и важнейшим способом образования новых терминов является словосложение или основосложение. В качестве основ могут выступать следующие компоненты: -phobia, характеризующая патологическую боязнь человека чего-либо (agoraphobia – fear of enclosed spaces; heliophobia – fear of sun; ailurophobia – fear of cats (страдал Наполеон); demophobia – fear of crowds); -mania – одержимость, помешательство на чем-либо (pyromania, graphomania, histrionic mania).

Наблюдения также показывают, что типичным средством языкового воплощения стремления медиков к сжатости и краткости своей речи являются многосложные существительные, имеющие терминологический характер. При этом, чем сложнее многокомпонентное слово, тем точнее и полнее оно обозначает понятие. Например, английский медицинский термин, зарегистрированный Вебстеровским словарем, и обозначающий заболевание легких у шахтеров, pneumonoultramicroscopicsilicovolcanopneiosis состоит из 8 компонентов, полностью отражающих специфику данного заболевания: pneumono – «lung»; ultra – «beyond»; micro – «small»; scopic – «to see»; silico – «flint quartz»; volcano – «fiery, as from volcano»; keni – «dust»; osis – «diseased condition».

Широко известно и другое явление словообразовательного порядка, служащее источником значительного количества внутрисистемных новообразований, – аббревиация, которую связывают с рационализацией языка. Например, SARS (serious acute respiratory syndrome) – атипичная пневмония; AIDS (acquired immunodeficiency syndrome) – СПИД; ATS (antitetanic serum) – противостолбнячная сыворотка; В.Е.С.Т. (blitz electroshock thera-

ру) – электрошок; CHD (congenital heart disease) – врожденный порок сердца; EDC (expected date of confinement) – предполагаемый срок родов.

В терминологии медиков используются и ономазионные образования – слова, в которых в качестве первого компонента выступает имя собственное. Эти термины играют видную роль при наименовании новых явлений или открытий в области медицины в связи с установившейся международной традицией называть то или иное открытие или изобретение именем ученого, сделавшего данное открытие или изобретение. Среди них наименования болезней (Addison's disease – болезнь Аддисона, Hodgkin's disease – болезнь Ходжкина, Pott's disease – болезнь Потта), синдромов (Horner's syndrome – синдром Горнера, Pancoast syndrome – синдром Панкоуста), симптомов (Cullen's sign – симптом Каллена), медицинских теорий (Flecherism – Флетчеризм), лекарственных средств (Dover's powder – порошок Довера, Sabin vaccine – вакцина Сабина, Fowler's solution – раствор Фаулера), методов лечения (Bailey's method – метод Бейли), особого инструментария, применяемого в медицине (Murphy's button – петля Мерфи), а также тестов по определению заболеваний (Schick test – тест Шик).

Медицинская лексика обогащается также посредством аффиксации. Префиксы рассматриваемой терминосистемы можно подразделить на три группы: высокопродуктивные – anti- (antifat, anticonceptive), dis- (to disbrain), in- (incarnation), inter- (interosseous), re- (reinfusion), sub- (sub-clinical); среднепродуктивные – over- (overbreathing), un- (uncured); низкопродуктивные – out- (outbreak), tele- (teleneuron), under- (undertoe). Для образования новых терминов широко используется деривация.

Суффиксальная подсистема медицины может быть представлена в виде следующих групп: высокопродуктивные: а) N: -ion, -er, -ity, -ism (parkinsonism); б) Adj: -ic, -al, -ous (catastaltic); в) V: -ate (catenate); среднепродуктивные: а) N: -(a,e)nse, -(a,e)nt, -ment (assignment); б) Adj: -ate, -ive, -(a,e)nt, -(a,o)ry (biliary); низкопродуктивные: а) N: -age, -ate, -al, -ness, -(a,o)ry (blindness); б) Adj: -(a,i,u)ble, -ish, -ful, -an, -less (painless).

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что по своим словообразовательным возможностям медицинская терминологическая лексика беспредельна. Не имея эквивалентов в других языках, анализируемые медицинские термины заимствуются различными языками и становятся частью интернациональной лексики.

Литература

1. Большой русско-английский медицинский словарь: около 7000 терминов / Под ред. Антоныяна Р.Г. – М.: «Руссо», 2001, 693 с.
2. Англо-русский медицинский словарь / Под ред. Акжигитова Г.Н., Бенюшова М.С., Чикорина А.К. – М.: «Рус.Яз.», 1992, 604 с.

Социально-психологическая сущность разделительного вопроса в современном английском языке***Н.В. Рубанюк****Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина*

Разделительные вопросы, как уникальный феномен английского языка, по-разному описываются отечественными и зарубежными авторами. Так, российские грамматисты Г.В.Рогова и Ф.М.Рожкова считают разделительный вопросодной из модификаций общего вопроса [5:351], в то время как английские грамматисты выделяют его в отдельный тип [4,6,7].

Разделительные вопросы – это мини вопросы, которые находятся в конце предложения и предполагают утвердительный или отрицательный ответ [3:251]. Значение этих вопросов в современном английском языке зависит в первую очередь от контекста и, конечно же, от интонации. Ведь данные вопросы употребляются, как правило, в устной речи.

Материалом для данного изучения функций разделительного вопроса послужили роман Эрнеста Хэмингуэя «Прощай оружие» и роман В.Голдинга «Повелитель мух».

В романе Э. Хэмингуэя было зарегистрировано 59 случаев разделительных вопросов, причем 46 примеров (78%) принадлежат героиням этого романа и только 13 (22%) – героям романа, что позволяет говорить о том, что к использованию разделительных вопросов чаще прибегают женщины. Наиболее употребительными коммуникативными функциями разделительных вопросов среди героинь романа «Прощай оружие» являются следующие: «asking for agreement» (просьба о согласии.) и «asking for confirmation» (просьба о подтверждении чего-либо). Употребление разделительных вопросов в иных функциях примерно одинаково у женских и мужских персонажей: выражение просьбы; запрос информации; проверка точки зрения; выражение точки зрения; проверка чувств. В целом, полученные результаты не противоречат наблюдениям, сделанным ранее. Так С.Джонатсон уже в 1986 году писал о том, что женщины чаще в устной речи употребляют разделительные вопросы, и он пришел к выводу, что этот феномен нельзя объяснить только тем, что женщины могут быть менее уверены в себе, чем мужчины. Он утверждал, что это свидетельствует скорее всего о большей эмоциональности женщин, об их большей открытости по отношению к говорящему, а так же желании вовлечь собеседника в процесс взаимной коммуникации. [3: 253]

В романе «Повелитель мух» В.Голдинга разделительными вопросами пользуются уже дети. 64% случаев употребления иллюстрировали функции «expressing opinion» (выражение мнения) и «asking for agreement» (просьба о согласии). В данных случаях говорящие стремились к меньшей категоричности и прямолинейности в высказываниях.

Дети использовали разделительные вопросы и в иных функциях: проверка чувств, просьба о подтверждении, выражение предположения, запрос информации, выражение реакции, проверка мнения.

Таким образом, социально-психологическая сущность разделительного вопроса в современном английском языке сводится к тому, что разделительные вопросы дают возможность собеседникам избегать излишней категоричности и прямолинейности в общении, стимулируют взаимную коммуникацию на эмоциональном уровне и тем самым определяют потенциальную социально-психологическую группу говорящих, которые наиболее часто употребляют разделительные вопросы в речи – детей и женщин.

Сравнивая результаты этих двух мини исследований можно сделать и следующее заключение: хотя женщины и дети используют разделительные вопросы практически в одних и тех же функциях, но, как показывает практический материал, здесь так же присутствует и ряд различий. Так, например, такие функции как выражение просьбы / предложения или разделительные вопросы, сказанные в ответ, были использованы взрослыми. А выражение предположения или реакции на сказанное – только детьми. По-видимому, употребление разделительных вопросов может зависеть и от возраста говорящих.

Литература

1. Golding W., Lord of the Flies. M., 1982, p. 494.
2. Hemingway E., A Farewell to Arms, Leningrad, 1971, p. 264.
3. Johansson S., Understanding English Grammar. Part 1, Norway, 1986, p. 385.
4. Leech G. Communicative Grammar of English. M., 1983, p. 304.
5. Rogova G.V., Rozhkova F.M. English in Two Years. M., 1993, p. 384
6. Swan M. Practical English Usage: International Students Edition, 1996, p. 654.
7. Thomson A.J., Martinet A.V. Practical English Grammar. Oxford, 1986, p. 383.

Категория времени и многообразие форм ее отражения

Э.В. Рубанюк

Минский государственный лингвистический университет

Категория времени была и остается предметом изучения философии, физики, психологии, лингвистики. Суть времени как категории бытия не была однозначно истолкована ни в одной этнокультуре, хотя и осуществлялись попытки ее объяснения, начиная с древних цивилизаций. Изучение феномена времени во всем многообразии его лингвистического выражения (соотношения времени, залога и вида у глагола, универсальных и частных обозначений времени и т.д.) остается актуальным для лингвистических исследований.

Б. Уорф находил связь между тем, как передается объективное время в системах глагольных времен европейских языков, и такими феноменами европейской культуры, как датировка, календари, летописи, хроники,

дневники, часы, далее, исчисление зарплаты по затраченному времени [2: 118, 121].

Глагол в личной форме реализует при построении предложения и при высказывании указание на время, благодаря чему он «даёт жизнь» предложению [1:95]. Не случайно у некоторых исследователей, например, в немецком языке у У.Энгеля предложение определяется «в широком смысле как глагольная фраза» [7:151].

Б. Уорф, изучая выражение категории времени в языке хопи, делает ряд интересных наблюдений, свидетельствующих о существенных отличиях в восприятии времени и его языковом обозначении в языке хопи и индоевропейских языках. Так, например, глагол этого языка не имеет категории времени и не выражает временных отношений прошлого, настоящего и будущего, в то время как временные отрезки передаются выражениями – наречиями, которые, если сравнивать с английским языком, сходны по смыслу с конструкциями *when it is morning / while morning-phase is occurring*. Кроме того, в языке хопи нет никаких оснований для создания абстрактного термина, подобного европейскому *time* [6:147].

В сравнении с английским языком, русская временная система имеет ряд лагун, что не позволяет ей без посредства семантической компенсации выразить такие оттенки смысла, как предшествование прошлому событию или будущее с точки зрения прошедшего (что может рассматриваться как разный взгляд языков на степень реальности события) или протяженность события во времени.

В результате того, что в языках есть такие разные структурно-семантические стереотипы, знаки этих языков образуют разные виды полисемии, которые могут быть связаны либо со специфическими этнокультурными ассоциациями, либо со способами внутреннего перераспределения семантики между знаками [5:93 – 96].

Все изложенное непосредственно проявляется в межкультурной коммуникации. Так, при назначении встречи нельзя не иметь в виду, что по-разному членятся сутки, например, в немецком и русском языках. Если встреча назначается утром, то в это входят несколько отрезков дня в немецком языке – *Morgen, Vormittag, morgen früh*. Частично в русское понятие утра включается и немецкий обед (*Mittag*), так как он в Германии обычно в 12 часов дня.

Таким образом, изучение категории времени является необходимым с точки зрения лингвистики и межкультурной коммуникации.

Литература

1. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 404 с.

2. Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира – Уорфа // Новое в лингвистике. Выпуск 1. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 111 – 134.

3. Мечковская Н.Б., Плотников Б.А., Супрун А.Е. Общее языкознание. Сущность и история языка. — 2-е изд., перераб. и доп. — Мн.: Высш. шк., 1993. — 287 с.
4. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. — М.: Прогресс, 1988. — 656 с.
5. Токарева И.И. Этнолингвистика и этнография общения: Монография. — Мин.: МГЛУ, 2001. — 244 с.
6. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. // Перевод с английского Л.Н. Натан и Е.С. Турковой // Новое в лингвистике. Выпуск 1. — М.: Издательство иностранной литературы, 1960. — С. 135 — 168.
7. Engel U. Syntax der deutschen Gegenwartssprache. — Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1977. — 307 S.
8. Gipper H. Sprachliches Weltbild, wissenschaftliches Weltbild und ideologische Weltanschauung. / Sprache und Welterfahrung. — M?nchen: Wilhelm Fink Verlag, 1978. — S. 160 — 176.

Сопоставительная характеристика монофтонга /a/ румынского и /a:/ английского языков

(по данным кинорентгенографирования и осциллографирования)

Л. Н. Усатый

Государственный Педагогический Университет им. И. Крянгэ, г. Кишинёв

В фонетико-фонологической системе румынского литературного языка имеется 7 гласных звуков являющимися фонемами, в английском языке их число возрастает до 12. Относительно количества гласных фонем в румынском языке у большинства фонетистов и фонологов нет разногласий, в английском языке количество монофтонгов оспаривается. Известный англист В.А. Васильев считает что монослог /i:/ и /u:/ являются дифтонгоидами и представляет их в фонетико-фонологической транскрипции как /i/ и /u^ч/. Классификация английских монофтонгов по высоте подъема языка и по части языка, участвующей в их артикуляции мнение фонетистов совпадает. В румынском языке эта классификация монофтонгов оспаривается. Например, монофтонг /a/ одни учёные относят к звуку среднего ряда (Г.М. Гожин, В.К. Загаевский и др.), другие — к гласному звуку заднего ряда (Н.И. Дукельский, Д.В. Бэдэрэу) а Н.М. Бабырэ считает что данный гласный звук является относительно заднего ряда. Мы придерживаемся этого последнего мнения. Артикуляторная динамика монофтонга /a/ румынской речи по данным кинорентгенографирования показывает что этот процесс развивается на протяжении 15 кадров (1303-1317), что составляет 300 мс. В динамике гласного /a/ развиваются 5 гортанных (преларингальных) усиления и 5 язычных микроусиления. Эта динамика показывает что монослог /a/ имеет относительно заднюю локализацию и самую низкую степень подъёма и является самым открытым гласным румынской речи. Более стабильная локализация

контуров языка и преларингальной зоны больше выражена в сегменте, который является вершиной слога (кк. 1311-1312), что составляет 40 мс. Анализ артикуляторной динамики монофтонга /a/ показывает, что этот гласный представляет структуру слога в котором преобладание активности вокалического типа выражено максимально. При артикуляции /a/ губы не участвуют и при широком растворе рта они слегка открывают верхние и нижние резцы, верхние резцы обнажаются больше, чем нижние, язык отодвигается назад, в результате чего расширяется ротовой резонатор, а гортанный и надгортанный резонаторы уменьшаются.

Осциллографическое исследование монофтонга /a/ показывает следующую картину: длительность – 244 мс; интенсивность – 9,5; частотность основного тока 226 Гц. Эти физические свойства подтверждают вокалическую характеристику монолога /a/ в румынской речи. На основе экспериментальных данных кинорентгенографического и осциллографического определяет монофтонг /a/ как гласный среднего отодвинутого назад ряда или как гласный заднего продвинутого вперёд ряда с относительно задней локализацией, а не как гласный звук глубокого заднего ряда.

В английском языке монофтонг /a:/ относится к самым открытым английским гласным заднего ряда. Монофтонг /a:/ – долгий звук, его длительность намного больше, чем /a/ в румынском языке. Английский звук /a:/ – более напряжённый, чем румынский /a/, он больше принадлежит к гласным глубокого заднего ряда, широкой разновидности, низкого подъёма, произносимый с нейтральными губами. При сравнении румынского гласного звука /a/ с английским /a:/ обнаруживается, что оба звука находятся в пределах одного и того подъёма (хотя /a:/ английского языка более открытый).

При постановке произношения английского гласного звука /a:/ в группах с румынским языком обучения следует исходить от /a/ румынского языка и добиваться более широкого раствора рта, плоского уклада языка и большей долготы. Гласный звук румынского языка /a/ отличается от английского /a:/ тем, что он относится к среднему отодвинутому назад (заднему продвинутому вперёд) ряду, менее открытый и менее напряженный. В румынском языке имеется несколько вариантов оттенков монофтонга /a/ незначительно различных по своему качеству и количеству. Так, например, в среднем положении (между согласными) он имеет меньшую длительность, в конечном положении слов и слогов, большую длительность. Монофтонг /a/ приближается к английскому в таких словах румынского и английского языков: ас /ak/ – арк /a:k/, ам /am/ – агм /a:m/ и др. Такие контрастивные слова, как и предложения с монофтонгами /a:/ и /a/ английского языка дают хорошие результаты в группах с румынским языком обучения.

Литература

1. Бабырэ Н.М. *Фонетическая природа монофтонгов и дифтонгов румынского языка.* – Кишинэу: ГУМ, 1994, 352 с.

2. Бэдэрэу Д.В. *Постановка английского произношения в молдавской учебной аудитории*// Учёные записки № 282.— МГПИ.— Москва.— 1968.— с.219-235.

3. Васильев В.А. *Фонетика английского языка*. — Москва. — Высшая школа.— 1970.—320 с.

4. Gogin G. Problema «devocalizării» hiatului în limba română (studiu de fonetică experimentală)/ Autoreferat al tezei de doctor habilitat în filologie.— Chişinău: USM, 2000.

Англоамериканизмы в современном немецком языке

Т. А. Феденкова

Международный университет бизнеса и новых технологий (Ярославль)

В последнее время особо интенсивно в немецкий язык проникают англоамериканские заимствования. В немецком языке сейчас активно используется понятие «Denglisch», что подтверждается появлением словарей англоамериканской лексики, статей и публикаций, посвященных данной проблеме. Все это говорит об активном внедрении английского языка в немецкую речь. Сетования на засорение немецкой речи английскими словами не прекращаются вот уже на протяжении нескольких десятилетий, а в лингвистической среде англоамериканизмы давно уже стали темой обширных исследований и публикаций. Дебаты по поводу влияния иноязычной лексики на культуру речи немецкого языка далеко не новы: в 18 веке жаловались на влияние французского языка, позднее многие сетовали на использование латинского и греческого языков в области образования, сейчас все обеспокоены влиянием английского.

Новые иноязычные слова «вливаются» в язык не только в специальных сферах — технике, моде, прессе, телевидении, компьютерном пространстве, но и прочно «оседают» в повседневной речи. Мнения немцев на этот счет далеко не однозначны: одни говорят, что использование таких слов ухудшает состояние культуры речи, другие — считают это неотъемлемой частью повседневной жизни признаком динамики языка. Так стоит ли все же так волноваться? Не является ли использование иноязычной лексики «витаминами» для живости мышления, говорения и понимания? Ответы на эти вопросы спорны и ещё долго будут занимать исследователей языка.

Однако, не нужно забывать, что язык — это открытая система, он постоянно изменяется.

Защитные меры, направленные против вторжения новых языковых единиц мало эффективны. Интенсивное проникновение англоамериканизмов в языки мира продолжается. Здесь нельзя не упомянуть печальный опыт Франции: 10 лет назад правительство Франции на законодательном уровне пыталось остановить процесс внедрения англоамериканизмов в родной язык. В связи с чем, наряду с такими понятиями как *fast food* или

computer появились *food pret a manger* и *Ordinateur*. Это ничего не изменило в языке. Люди продолжали использовать в речи англоамериканизмы.

Важно также помнить о тенденции к экономии в языке, что так необходимо для современной коммуникации. Отправляя послание по электронной почте, вы предпочтительнее напишите *party, shopping* или *hobby*, а не их немецкие эквиваленты: *kleine gesellige Veranstaltung, Einkaufsbummel* или *Liebhabelei*.

Стоит также учесть и еще одну сторону продолжающегося внедрения английского в языковую жизнь Германии. В настоящее время английский язык является не только самым популярным иностранным языком, которым владеют даже сколько-нибудь образованные немцы, но он также обладает высоким социальным и культурным престижем. Если в прежние времена престижными были латинские цитаты, «ученые слова» греческого и латинского происхождения, то сегодня эта роль отводится англоамериканизмам.

Список англоамериканизмов, регулярно используемых молодежью, достаточно велик и разнообразен. Среди них можно выделить следующие тематические группы: мода, музыка, косметика, одежда и т.д. Отметим лишь некоторые из них: *make-up, topless, job, trend, shirt, easy, cool* и другие.

В последнее время использование таких слов стало заметно не только в молодежной среде, но и среди людей среднего возраста. Даже в разговоре с очень образованными людьми, которые стремятся к чистоте родного языка, можно услышать отдельные англоамериканизмы, как например, *mer, connection, level, business* и другие.

Психологи объясняют выбор в пользу заимствованных слов тягой к экспрессии, стремлением к повышению социального престижа, созданию своего имиджа и, наконец, языковой игрой.

В течение всего времени существования языка происходит внедрение иноязычных слов в словарный состав немецкого языка. Это неоспоримый факт. Однако, одновременно с притоком новых языковых единиц исчезают старые, что делает язык подвижным, динамичным явлением и добавляет определенный колорит разговорной речи.

Цитата как элемент политического дискурса

Т.С. Федорова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В настоящее время все большее внимание привлекает к себе политический дискурс, что объясняется большей открытостью политики для мировой общественности. Политический дискурс представляет собой последовательность речевых актов, ситуативно создаваемых и определяемых политическими общественными институтами, имеющими свои системы ценностей. Политический дискурс обуславливается экстралингвистическими обстоятельствами; это речь, погруженная в определенную ситуацию общения, в политическую реальность и рассматриваемая как целенаправ-

ленное социальное действие; это сумма речевых произведений в контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений.

Речь политика — один из компонентов политического дискурса, который, соответственно, обуславливается политической реальностью, политическими ценностями. Политические речи представляют собой источники сведений, выходящих за пределы языкового содержания, это своеобразные источники данных об особых ментальных мирах. Подобное «погружение» в этот особый ментальный мир является необходимым условием для создания успешной политической речи.

Важнейшей функцией политического дискурса является воздействие, поскольку задача политического деятеля заключается в том, чтобы убедить аудиторию в чем-либо или привлечь ее на свою сторону. Это обуславливает использование определенных языковых средств воздействия при создании политической речи.

При работе над политической речью обязательно учитываются тот политический контекст, в котором должна произноситься речь, аудитория, для которой предназначена речь, и ценности этой аудитории. Выбор и использование элементов политической речи диктуются ее политическим контекстом. Одним из наиболее эффективных способов воздействовать на аудиторию является грамотное использование цитат. Цитата в политической речи призвана активировать в сознании слушателя текст-источник. Выбор такого текста в целом и отдельных цитат в частности обусловлен политической ситуацией.

Настоящий доклад посвящен цитированию в политическом дискурсе. В рамках данной работы будет проанализирована обусловленность выбора приводимых цитат политическим контекстом и ситуацией, в которой эта речь произносится. Материалом для исследования послужили речи бывшего президента США Рональда Рейгана.

В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что поскольку политическая речь обусловлена политическим контекстом, она включает те цитаты, которые позволяют добиться желаемого воздействия на целевую аудиторию в данных условиях. Для этого политическая речь должна быть ориентирована на ценности аудитории.

Анализ цитат, использовавшихся президентом Рейганом, позволил определить те ценности, к которым апеллировал оратор. Спектр деятельности цитируемых личностей позволяет Рейгану воздействовать на как можно большую часть аудитории, что в свою очередь делает его речь более эффективной, повышает ее шансы на успех.

Несмотря на то, что речи президента Рейгана выстраиваются по одной модели, они ориентированы на различные ценности в зависимости от целевой аудитории. Данное заключение еще раз подтверждает то, что выбор текста, который оратор планирует сделать составной частью политического дискурса и использовать для воздействия на целевую аудиторию, а также выбор самих цитат определяется ценностями аудитории.

Особенности высказываний с семантикой позитивной самооценки**М.Н. Фивкова***Кемеровский Государственный Университет, Россия*

Особенности высказываний с семантикой позитивной самооценки (в дальнейшем – ВПС) основываются на ряде экстралингвистических и собственно языковых факторов. При их выявлении необходимо учитывать сложную, многоэлементную структуру категории ‘оценка’. Традиционно выделяемые компоненты оценки – субъект, объект, предмет оценки и оценочное отношение – представляют собой один из вариантов членения данной категории на элементы. Но мы предлагаем рассматривать оценку и, в частности, самооценку в несколько иной плоскости – как единство психической и языковой составляющих. Самооценка как психическое явление концептуализируется сознанием носителя языка прежде, чем появляется потребность выражать ее. Иными словами, формирование самооценки как одного из компонентов структуры сознания является первичным по отношению к процессу ее вербализации. Из этого можно заключить, что особенности позитивной самооценки как психического феномена до определенной степени обуславливают особенности ВПС – объекта лингвистического анализа.

Прежде, чем обозначить особенности ВПС, мы хотели бы определить границы изучаемого явления. Мы предлагаем следующий английский вариант термина ‘позитивная самооценка’ – *‘self-pride’*. Безусловно, подобный перевод неточен, указанные понятия не являются абсолютными эквивалентами. Более верным было бы перевести интересующий нас термин как *‘self-esteem’* (*‘belief and confidence in your own abilities and value’*) или *‘positive self-assessment’* (*‘ajudgment which you make about your abilities, principles or decisions’*) [1].

Следует также отметить, что в каждодневных социальных контактах позитивная самооценка является практически табуированной. Это вытекает из природы данного явления, как его видят психологи. Они полагают, что в основе вербализованной позитивной самооценки лежат мегаломанические тенденции (мегаломания – синонимпараноидального бреда величия), реализованные в социально приемлемые формы. Например, в случае иронического самоощущения позитивная самооценка не воспринимается как патология, так как принимает характер шутки-перевертыша, в которой все слова употреблены в противоположном значении. Также мегаломанические тенденции могут быть художественно сублимированы и, облеченные в художественно-поэтическую форму, становятся не просто высказыванием, а частью нового художественного целого, художественным приемом.

Мы не можем не учитывать и этический аспект вопроса. Современное западное сознание концептуализирует нормы этики и морали, опираясь, в огромной степени, на библейские тексты (или библейскую мифологию). Библия трактует гордыню как один из семи смертных грехов, и, ве-

роятно, именно влияние библейской мифологии сформировало негативное отношение к чувству гордости у носителей западного сознания.

Указанными причинами психологического и морально-этического порядка можно объяснить нетипичность и нечастотность употребления исследуемых в работе высказываний с семантикой позитивной самооценки, их экстраординарный характер. Можно сказать, что социальный контекст, ограничивающий и даже запрещающий употребление подобных высказываний в устном и письменном дискурсе, в значительной мере влияет на персональный контекст каждого носителя языка.

Мы назвали некоторые особенности ВПС, обусловленные экстралингвистическими факторами. Наибольший интерес для нас, однако, представляет лингвистический аспект изучения этого феномена.

Мы полагаем, что ядром ВПС является эмоциональный концепт 'self-pride'. Вслед за Н.А. Красавским, мы определяем эмоциональные концепты как «этнокультурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, лексически, фразеологически оформленное образование, базирующееся на понятийной основе и включающее в себя помимо понятия культурную ценность» [2].

Мы не можем обойти вниманием и вопрос об этно- и культуроспецифичности эмоционального концепта 'self-pride'. Мы полагаем, что эмоции являются универсальным феноменом, а отношение к ним, являющееся обязательным компонентом эмоциональных концептов, — этно- и культуроспецифичным. Безусловно, эмоциональный концепт 'self-pride' культуроспецифичен и неоднозначен. Как следствие этого, высказывания, «построенные» вокруг него, или порожденные им, также неоднозначны и этноспецифичны.

Рассмотренные особенности феномена самооценки и эмоционального концепта 'self-pride' формируют основные отличительные черты высказываний с семантикой позитивной самооценки в целом.

Литература

1. Cambridge Advanced Learner's Dictionary 2003 // www.dictionary.cambridge.org

2. Красавский Н.А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах. Автореф. на соиск. уч. ст. д. ф. н. Волгоград, 2001, 23 с., С. 10.

Подсекция «Лингводидактика»

Словосочетание как минимальная единица тестового задания

А.А. Алексеева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В работах, затрагивающих вопросы лексического тестирования, за тестовую единицу (единицу контроля лексики), как правило, принимается тестовое слово (Л.В.Банкевич, И.А.Цатурова, И.В.Фельснер, В.А.Коккота и др.). Однако, глобальная клишированность делового стиля языка, в котором именно словосочетания являются основным «строительным материалом» речевых актов, обуславливает введение, во-первых, понятия тестового словосочетания (тестовой синтагмы) как минимально допустимой тестовой единицы и, во-вторых, понятия синтагматического тестирования как вида лексического тестирования, применяемого при обучении иноязычной деловой лексике в качестве контрольно-измерительного и обучающего материала (тест-упражнение).

Действительно, знание формальной, семантической и стилистической сочетаемости различных частей речи в рамках делового стиля языка обеспечивает правильность речи, а также, в целом, помогает формированию лингвистической компетенции будущего специалиста. Обучить изначально правильно сочетать слова можно с помощью системы обучающего и контрольного синтагматического тестирования. Принципы построения письменных синтагматических тестов – семантический, лексико-грамматический, комбинаторный и контекстуальный – служат упорядоченному усвоению деловой лексики на основе семантической, формальной, социолингвистической, стилистической и контекстуально обусловленной сочетаемости слов.

Обучающие и контрольные *синтагматические* тесты, основанные на семантическом принципе, строятся с учетом многозначности и сочетаемости значений формирующих словосочетания слов, а также с учетом тематической принадлежности деловой лексики.

Основной целью синтагматических тестов, построенных по *лексико-грамматическому* принципу, является быстрая, компактная и наглядная систематизация грамматических явлений, представляющих сложность при формировании словосочетаний – род существительных и род прилагательных, слитный артикль, управление глаголов и т.п.

Комбинаторный принцип построения синтагматических тестов предполагает составление тестовых заданий на основе социолингвистически и стилистически обусловленной сочетаемости слов. Лексические тесты на сочетаемость слов включают задания на формирование как двусоставных, так и многокомпонентных конструкций.

Контекстуальный принцип построения синтагматических тестов по деловой лексике предполагает заполнение пропусков в связном тексте необходимыми словосочетаниями (синтагматический клоуз-тест).

Развитие навыка правильного сочетания слов при помощи письменного синтагматического тестирования осуществляется параллельно с расширением словарного запаса и выходом в речь.

Acquiring reading skills via computers

E.A. Golovko

Stavropol State University, Russia

Learning to read and write involves all aspects of language structure and use – phonology, graphology, vocabulary, grammar, discourse, and variety – but only the first three of these tend to be acknowledged when people talk about educational issues. The traditional controversy focuses on low-level questions: whether reading is best taught by a phonic approach, in which letters are brought into correspondence with sounds (agraphology – phonology link), or by a look-and-say approach, in which whole words are brought into correspondence with sounds (alexicon – phonology link) [1].

Modern approaches are much more sensitive to the role of grammar, discourse, and variety awareness in the reading process. One of the approaches to tackling the issue is computer – supported language learning. Computers can handle a range of activities and carry out programmed functions at amazing speed. They can check exercises after they are done, move students gradually from easier to more difficult exercises according to their levels and abilities. When students fail to answer questions correctly or perform activities, the computer can simulate, drill, or explain the phenomenon in a way that makes it easier for the learner to understand [2]. However, technology, especially computers, has not yet gotten to the point where it can make a real difference in language instruction in the classroom. This paper will focus on the question of how reading can be facilitated with computer applications for language teaching and learning. First, the paper will go over some of the available research on computers and reading, and then discuss some programs and software that can be used in teaching and learning reading for intermediate and upper intermediate students.

Only during the past five or seven years has the use of computers in the field of teaching second language reading been increasing. A variety of studies have shown the importance of using computers in reading [4]. Chun & Plass (1996) investigated how reading comprehension can be facilitated with a multimedia application for language learning. They studied the effects of a dynam-

ic visual advance organizer on the macro level and the effects of multimedia annotations for single vocabulary items on the micro level. Furthermore, they examined the relationship between vocabulary acquisition and reading comprehension. The results of their study indicated that the visual advance organizer does aid in overall comprehension and that annotations of vocabulary items consisting of both visual and verbal information help more than verbal information only. Also, a moderate correlation between vocabulary knowledge and reading comprehension was found.

Preisinger R., Sargeant K. and Weibel K., (1988) used the schematheory as a basis to evaluate reading software programs. They developed criteria and questions to evaluate: 1) interactive capabilities of reading software (e.g. its flexibility, response to student errors, and ability to make a distinction between major and unimportant errors), 2) information processing (e.g. support of the use of prediction and problem solving strategies, use of text-based activities in the context of a reading passage, and encouragement of text analysis), 3) background knowledge (e.g. building schemata through pre-reading activities), and 4) general software construction and implementation. The goal of this study was to develop an evaluation tool based on computer software devised to help teachers choose the right reading programs for the students.

Outside the classroom readers usually have some expectations of what they are going to read. So while reading in class students should be stimulated to guess what the text may be about, develop their ideas on the basis of their experience. In other words they should be interested, motivated and have something familiar to rely on, for example their experience. In this way reading the text the students will not be passive readers, they will be encouraged to find out if their guesses or predictions were correct.

Without an adequate grasp of how to decode a stream of sounds into segments of words, phrases and sentences it is impossible for students to bring into play such strategies as inferring, predicting and using knowledge of the topic, speaker's context to understand speaker's message. The students should be guided from lower to higher levels reading skills accordingly reading tasks are to be divided into [3]: pre-reading activity; while reading activity; post reading activity; discussion activity.

In drawing conclusion about the use of computers for reading instruction, previous research clearly supported the idea that computer-based instruction facilitates students' reading comprehension and increases their reading speed.

Литература

1. Crystal D. The Cambridge encyclopedia of the English language. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
2. Hoffman S. Computer and instructional design in foreign language/ESL instruction. TESOL Journal. – 1996, 5(2), 24-29.
3. Types of exercises for teaching reading comprehension skills. – <http://archive.1september.ru>
4. Willetts K. Technology and second language learning (Information analysis-ERIC Clearinghouse Products (071) EDO-FL-92-07). – 1992.

Teaching an ESP course: report writing

E.A. Golota

Institute of Languages and Communication, Tomsk Polytechnic University

Writing is often not as important to many students as speaking and it tends to get rather neglected in many classes, unless the students are working for a written examination. In teaching process there is often not enough time to complete along written task as the process may need to extend over several lessons. However, the importance of writing can be impressed upon students and a number of activities to help them improve their written skills in many ways.

The reasons for teaching writing to students of English as a foreign language include reinforcement, language development, learning style and, most importantly, writing as a skill in its own right [3]. However, the most important reason for teaching writing, of course, is that it is a basic language skill, just as important as speaking, listening and reading.

Written English is a part of English for Specific Purpose (ESP) course and it supposes high level of English for a student: ability to express thoughts in the language in written and oral form, grammatical accuracy, students already know how to write formal and informal letters in English. For example, at the Faculty of Computer Science and Engineering of TPU Business English course is taken in the third year of study for upper-intermediate students and serves as a transitional phase between General English course and professional language course (i.e. Computing and Computer Science), and Project Work is taught in the fifth year of study as the last step in professional education in English course (this course includes teaching writing a report as part of professional written communication).

The suggested model for an ESP course, combined with certain professional skills required of future engineers who are able to operate a computer and implement new information technologies, is intended to develop essential communicative skills. Such skills incorporate reading, speaking, listening and writing. The skills in writing are the following:

Describing a device and making a guide for its usage

Preparing a report about an operating system

Writing a memo, business letter, fax, etc.

Designing an advertisement for a computer software product [2].

Thus, there is a clear necessity for effective English communication skills for engineers in the current globalised environment, and writing a report is one of such skills.

There are two basic approaches to teaching writing: process approach and social/genre approach. The first approach stresses the creativity of the individual writer and pays attention to the development of good writing practices rather than the imitation of models. The second one focuses on the relationships between readers and writers in specific discourse communities and on the texts that are used in creating or maintaining these relationships [5].

Both approaches have their benefits and limitations. As student should be familiar with certain genres (report in our case) when dealing with writing

and the process of writing, an approach to teaching writing should both emphasize knowledge about context and content of a piece of writing (focus on genre) and also take into account how this piece of writing is carried out (focus on process).

Reports are the most usual way of communicating the results of projects or investigations for employers, charities, government, political organizations. They should be concise and have a specific structure, unlike essays that may be more discursive. People who need reports are busy; consequently, a good report is one that does not need to be reread to understand the point [1].

To conclude, we can say that report is a common way of presenting information and advice related to a specific purpose. It is used by industry, business, commerce, professional bodies, charities and government as a basis for decisions and policies. University and college courses aim to develop this skill in students because it will be applicable in all professional contexts. Employers want graduates and higher diplomats who can write effective reports.

Литература

1. Bingham, R., Drew, S. The Student Skills Guide. Learning and Teaching Institute, Sheffield Hallam University, Gower, 1997.
2. Cheremissina, I.A. Designing an ESP course at the Tomsk Polytechnic University. Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia, 2002.
3. Harmer J. How to teach English. Addison Wesley Longman Limited, 1998.
4. Stanton, N. Communication. Macmillan Education, 1990.
5. Tribble, Ch. Writing. Language Teaching: A Scheme for Teacher Education. Oxford University Press, 1996.
6. /<http://www.BetterWritingSkills.com>

Деятельность преподавателя в дистанционном процессе обучения иностранным языкам

В.А. Дугарцыренова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Дистанционное образование как инновационная форма образования приобретает особую популярность как за рубежом, так и в России, о чем свидетельствует большое количество дистанционных университетов и организаций и еще большее количество дистанционных курсов, немалая часть которых имеет своей целью обучение иностранным языкам. Главный принцип дистанционного образования состоит в том, что оно открывает возможности для получения необходимых знаний и навыков всем тем, кто не имеет возможности посещать традиционные центры обучения, и может использоваться для достижения различных образовательных целей. Образование рассматривается как непрерывный процесс, отвечающий меняющимся потребностям современного общества. При этом важнейшей составляющей учебного процесса становится использование технологических средств, позволяющих обучающимся работать с

учебными материалами в условиях географической изоляции от преподавателя и других обучающихся.

С другой стороны, несложно догадаться, сколько трудностей, связанных с переходом к более самостоятельной, личностно-ориентированной модели обучения ждет дистанционного обучающегося на пути к знаниям. Научиться выстраивать собственные системы знаний в условиях географической и, в основном, временной разобщенности с преподавателем подчас становится непосильной задачей даже для высоко мотивированных и опытных обучающихся, не говоря уже о тех, кто вынужден совмещать учебу с работой, семейными обязанностями или тех, кто давно забыл, что такое учиться. Именно дистанционный преподаватель или тьютор, как его часто именуют в литературе, является той фигурой, которая облегчает процесс взаимодействия дистанционных обучающихся с содержанием курса и помогает им преодолеть все сложности, возникающие в связи с их потребностью в систематизации полученных знаний, в компенсации пространственного разрыва как с преподавателем, так и с другими обучающимися, в получении эмоциональной и психологической поддержки с учетом индивидуальных нужд обучающихся при освоении материала и в разрешении организационных вопросов, многие из которых касаются работы с технологическими средствами курса. Решение всех вышеперечисленных задач в целях достижения эффективности учебного процесса требует от тьютора совершенно нового осмысления своей роли и предполагает появление у него новых функций, а также развитие новых качеств и умений.

Основные функции тьютора можно условно разделить на три группы:
педагогические
коммуникативные
организационные

Педагогические функции заключаются в оказании обучающимся помощи в достижении учебных целей курса. Деятельность тьютора в рамках этой группы функций предполагает координацию учебного процесса обучающихся с учетом их индивидуальных нужд, анализ и оценку результатов работы обучающихся (в особенности, при выполнении заданий, которые требуют решения нестандартных проблем, взятых из реальной практики и имеющих отношение к интересам и потребностям обучающихся), обсуждение конкретных трудностей в понимании материала и применении полученных знаний на практике, составление подробного комментария по поводу допущенных ошибок. Тьютор направляет работу каждого ученика, взаимодействуя с ним на протяжении всего курса. При этом между тьютором и учеником складываются скорее партнерские отношения, нежели те, которые приняты в традиционном обучении: обсуждая нестандартные решения, они вместе «ищут» и «находят» истину.

Коммуникативные функции тьютора направлены на снятие эмоционального и психологического напряжения, возникающего ввиду

географической изоляции дистанционных обучающихся от преподавателя и остальных учеников. Тьютор создает эффект «постоянного присутствия», как можно чаще консультируя обучающихся по электронной почте, телефону и поощряя их к проявлению инициативы в установлении контакта по поводу возникающих у них вопросов. Использование технологических средств (например, аудио-, видеоконференций, доски объявлений) способствует укреплению контакта между тьютором и отдельными обучающимися и между обучающимися как членами коллектива.

Выполнение тьютором организационных функций предполагает разрешение многих проблем, связанных с недостаточной осведомленностью дистанционных обучающихся о принципах дистанционного образования как нетрадиционной формы обучения, с необходимостью информирования обучающихся о положениях и организационных вопросах, касающихся работы по данному курсу. Как показал опыт зарубежных авторов, разработка и заблаговременное ознакомление обучающихся с четкими положениями относительно работы с курсом в различных аспектах (например, таких, как участие на форуме или сроки сдачи и проверки заданий, или сроки, отведенные для личных консультаций с тьютором и т.д.) значительно повышают эффективность курса.

Таким образом, деятельность тьютора очень многогранна. Его подход к каждому обучающемуся высоко персонализирован, что сближает его с репетитором и позволяет говорить о дистанционном обучении как о лично-ориентированном обучении. Данный подход существенно повышает эффективность и качество обучения иностранным языкам, поскольку тьютор уделяет большое внимание каждому обучающемуся.

Измерение уровня сформированности переводческой компетенции студентов специальности «Перевод и переводоведение»

Ю.В. Иванова, В.П. Овчаренко

Таганрогский государственный радиотехнический университет

Измерение уровня сформированности переводческой компетенции студентов специальности «Перевод и переводоведение» является одной из наиболее актуальных проблем современной методики преподавания в языковом вузе. Предположив, что качество письменного перевода специально подобранного текста соответствует уровню сформированности переводческой компетенции, мы поставили перед собой задачу разработать специальные шкалы, которые состоят из ряда качественных характеристик, описывающих ту или иную степень проявления переводческой компетенции студента, и которым соответствует тот или иной балл. Для разработки метода измерения уровня сформированности переводческой компетенции необходимо:

разработать оценочные шкалы соответственно нормативным требованиям перевода;

установить количество уровней сформированности переводческой компетенции в шкалах;

определить соответствие балла на оценочной шкале уровню сформированности переводческой компетенции.

Количественно оценить перевод можно с помощью двух подходов: холистического и аналитического. Пользуясь холистической шкалой («удовлетворительно», «хорошо» и т.д.) можно оценить перевод лишь «в целом». Нельзя, опираясь только на субъективное, общее впечатление эксперта судить о степени сформированности переводческой компетенции студента.

Нашим целям больше соответствует аналитический подход. Для разработки аналитической шкалы важнейшее значение имеет четкое определение объектов измерения. В аналитической шкале представлены баллы, соответствующие каждому компоненту переводческой компетенции, и общее количество оценочных шкал равно количеству объектов измерения. При этом нет необходимости представлять результат измерения в виде нескольких баллов за каждый компонент, их можно свести в единый балл с помощью специальной шкалы. Общепринятой является шкала от 0 до 100 баллов.

Использование аналитических шкал дает возможность представить результат измерения не просто в виде определенного балла, но также позволяет судить более полно о переводческой компетенции студента, дифференцируя ее составляющие.

Основными составляющими переводческой компетенции мы считаем: имплицитная компетенция (подразумевает способность переводчика сохранить подразумеваемую автором информацию в тексте перевода);

прагматическая компетенция (предполагает умение обеспечить прагматическую ценность перевода, сохранить его коммуникативный эффект);

нормативно-языковая компетенция (включает в себя знание конкретно реализуемых, реально функционирующих норм языкового выражения, принятых обществом и признаваемых им правильными);

узуальная компетенция (содержит знание совокупности тематико-ситуативных правил употребления языка);

стилистическая компетенция (проявляется в умении сохранить особенности, отличительные черты оригинала в тексте перевода).

В практическом плане между различными составляющими переводческой компетенции существует определенная иерархия. Значимость каждого компонента определяется жанрово-стилистической принадлежностью текста оригинала.

Одним из наиболее важных условий получения объективных результатов измерения является тщательный подбор и подготовка экспертов. Основным критерием для подбора экспертов является владение ими в высшей степени теми компонентами переводческой компетенции, кото-

рые подвергаются измерению. Система подготовки экспертов включает в себя их обучение, тестирование и отбор, по итогам которого определяются наиболее подготовленные эксперты, способные обеспечить надежное и эффективное оценивание перевода. При этом необходимо учитывать, что чем больше выставляется оценок, тем более стабильным является их средний балл. Оптимальным вариантом является участие двух экспертов. При расхождении их мнений более чем в один уровень по шкале подключается третий эксперт, оценка которого учитывается наряду с оценками первых двух экспертов.

Проблема измерения уровня сформированности переводческой компетенции студентов специальности «Перевод и переводоведение» представляется актуальной, но недостаточно исследованной. Разработка метода измерения уровня сформированности переводческой компетенции является первоочередной задачей, требующей теоретического и практического решения.

Компетентностно – деятельный подход, как одно из условий реализации принципа преемственности в обучении иностранному языку в системе «школа-вуз»

С.Е. Каплина

Читинский государственный университет

Для того чтобы страна развивалась в социальном, экономическом и духовном планах, необходимы грамотные, мобильные и квалифицированные специалисты. Это, в свою очередь, требует повышения качества образования за счет модернизации всей системы образования, усиления ее гибкости, эффективности, ориентированности на личность обучаемого, развитие его активности и творчества.

Модернизация образования подразумевает изменение целей и планируемого результата образования, сокращение объема обязательного содержания, изменение методов и технологий освоения содержания на всех ступенях обучения, индивидуализацию процесса обучения, возможность вариативных систем образования.

На наш взгляд, только система организации учебного процесса, основанная на принципах преемственности, непрерывности и систематичности позволит готовить к будущей профессиональной деятельности выпускников общеобразовательных школ и специалистов высшей квалификации нового типа, которые владеют способами преобразования накопленных знаний, способны к оперативному поиску информации для принятия оптимального решения, обладают высоким уровнем общеобразовательной или профессиональной подготовки, но и конкурентно способностью.

Проведенное нами теоретическое исследование и экспериментальная работа показали, что решением данной проблемы является реализация принципа преемственности в педагогическом процессе школы и вуза.

Следует заметить, что данное педагогическое условие наряду с такими педагогическими условиями как:

выявление индивидуальных возможностей изучения иностранного языка ученика или студента и уровня их обученности иностранному языку, владения ими умениями выражать свою мысль устно и письменно, читать иноязычный текст и т.п.;

использование в процессе обучения современных дидактических технологий, способствующих сохранению непрерывного и преемственного характера образования;

формирование у обучающихся положительной мотивации к процессу изучения иностранного языка, а также умений и навыков самостоятельной целенаправленной работы в процессе изучения этого языка в школьные и студенческие годы;

хорошее владение учителем общеобразовательной школы и преподавателем вуза иностранным языком, теорией и методикой его преподавания и знания технологии реализации принципа преемственности в обучении иностранному языку в системе «школа – вуз»;

наличие научно-обоснованной модели реализации принципа преемственности в обучении иностранному языку в системе «школа – вуз»[1],

представляет собой целостную систему диалектически взаимосвязанных научно-педагогических факторов. Эти факторы создают благоприятные возможности для получения наивысших результатов от использования в учебном процесс тех или иных форм, методов и средств обучения иностранному языку, установление единства обучения и воспитания, интеграцию учебной и практической работы обучающихся в рамках целостного педагогического процесса.

Одновременно комплексный характер этих условий выступает и как способ оптимизации всего образовательного процесса, и как основа для формирования творческой личности будущего специалиста.

Под оптимизацией образовательного процесса мы понимаем выбор системы мер, позволяющей получить наивысшие результаты деятельности (преподавателя и студента) при минимально необходимых затратах времени и средств.

В ходе нашего исследования такой системой мер стала замена ЗУНовской системы обязательного формирования знаний, умений и навыков набором компетентностей. В понятие «компетентности» сегодня включается не только соответствие занимаемой должности, способность решать профессиональные задачи, но и открытость новому опыту, способность принимать ответные решения и находить выход из нештатных ситуаций, потребность и способность к личностному развитию и профессиональному росту в течение всей жизни.

Сущность выбранного нами подхода заключается в том, что обновленное содержание образования будет основой формирования компетентности (комплекса компетенций) обучаемого, а процесс освоения отобранного содержания будет носить деятельностный характер, т.е. техноло-

гии обучения (средства, приемы обучения, а также формы организации учебного процесса) должны быть направлены на формирование у обучающегося способностей осуществлять различного вида деятельности, а с другой стороны, в процессе осуществления деятельности обучаемые должны осваивать новые компетентности.

Формируемые компетентности обладают рядом характерных признаков: во-первых, они многофункциональны, поскольку могут реализовываться в повседневной жизни обучающегося для решения различных проблем, для решения профессиональных задач, для исполнения социальных ролей и т.д.; во-вторых, они надпредметны и междисциплинарны; в-третьих, они обеспечивают дальнейшее интеллектуальное развитие обучающегося, его мышление, самооценку, саморефлексию; в-четвертых, они многомерны, то есть могут быть охарактеризованы с позиции развития умственных способностей обучающегося и с позиции развития различных умений, включая интеллектуальные умения [2].

В целом компетентностно – деятельностный подход к модернизации образования имеет ряд достоинств:

он позволяет формировать новое содержание «от результата», то есть исходя из стандарта;

он обеспечивает интегративность содержания;

позволяет организовать процесс овладения содержанием на деятельностной основе, навыков и умений, но и интеллектуальных способностей обучаемых, а также их личных качеств;

требует новой системы оценивания достижений;

позволяет реализовывать возможности учащихся, того или иного возраста;

обеспечивает опору на достижения предыдущего этапа обучения, то есть определенную системность в обучении;

ориентирует на дифференциацию на разных этапах обучения.

Литература

1. Каплина С.Е. «Реализация принципа преемственности в обучении иностранному языку в системе «школа-вуз»: Автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.01/ ЧитГУ. – Чита, 21с.

2. Обучение иностранному языку: Материалы для специалиста образовательного учреждения / Отв. ред. М.К. Колкова. – СПб.: КАРО, 2003. – С.59-62

Активизация процесса обучения учащихся общеобразовательной школы иноязычному говорению

А.Е. Ниязова

Западно-Казахстанский Государственный Университет им. М. Утемисова

Анализ работ известных педагогов и психологов [1,2] позволяет говорить о том, что сущность процесса обучения заключается во взаимодействии его главных составляющих:

- *обучающей деятельности* учителя иностранного языка, осуществляющего отбор и организацию учебного языкового и речевого материала, средств, форм, приемов обучения иноязычному говорению, презентацию содержания обучения языковому говорению и руководство по его освоению учащимися;

- *учебно-речевой деятельности* учащихся, направленной на приобретение языковых, страноведческих, лингвострановедческих, лингвокультурологических знаний, речевых навыков и умений в говорении;

- *содержания обучения иноязычному говорению*, компонентами которого являются, с одной стороны, языковой и речевой материал, темы и ситуации, которые отбирает и организует учитель, с другой стороны – знания, речевые навыки и умения, которыми овладевают учащиеся.

Эффективность обучения достигается в случае, когда взаимодействие данных составляющих рационально, т.е. учитель управляет обучением и координирует учебно-речевую деятельность учащихся, и относится к ним как к субъектам учебно-речевой деятельности, а учащиеся успешно преодолевают противоречия, возникающие перед ними в процессе обучения.

Рациональное взаимодействие названных составляющих процесса обучения может обеспечить «активное обучение» (метод обучения) и «активность», которая может быть рассмотрена как дидактический принцип, влияющий на эффективность обучения и реализующийся при осуществлении субъектами активной деятельности (учителем – активной обучающей деятельности, учащимися – активной учебно-речевой), а также как качество деятельности [5], проявляющееся в отношении человека к содержанию и процессу деятельности, в стремлении к достижению цели с использованием наилучших средств.

Активная деятельность выполняется при владении учителем и учащимися знаниями, навыками и умениями, необходимыми для качественного осуществления деятельности.

Опираясь на новейшие исследования методистов [3, 4], мы выбрали «активный метод», способствующий эффективному овладению учащимися иноязычным говорением:

активный метод-(теоретическое направление в обучении), базирующийся на идеях коммуникативно-когнитивного подхода к обучению;

активный метод-(технологическая модель), являющийся интерпретацией активного метода-(направления) применительно к конкретным целям – обучению говорению на иностранном языке учащихся общеобразовательной школы и реализующийся с помощью активных методов-(приемов);

активный метод-(прием), улучшающий обучение и способствующий качественному овладению учащимися иноязычным говорением, например: «мозговой штурм», «дискуссия», «проект».

Литература

1. Баранов С.П., «*Сущность процесса обучения: Учебное пособие по спецкурсу для студентов пединститутов*». М., 1981, с. 143.

2. Данилов М.А., «Процесс обучения в советской школе». М., 1960, с.300.
3. Колесникова И.Л., Долгина О.А. «Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков». СПб., 2001, с. 224.
4. Колкова М.К. «Методические системы, направления, методы и подходы в обучении иностранным языкам» // Методы, приемы и технологии в педагогике ненасилия «Verba Magistri». СПб., 1999, с. 340.
5. Шамова Т.И. «Активизация учения школьников». М., 1982, с.208.
6. Щукина Г.И. «Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе: Учебное пособие для студентов пединститутов». М., 1979, с. 160.

Современная немецкая песня как средство активизации процесса обучения немецкому языку

М.С. Переросля

Минский государственный лингвистический университет

Исследование посвящено вопросу активизации процесса обучения немецкому языку посредством использования современной немецкой песни. Традиционно метод использования песен тяготеет к определенному выбору материала: либо учебные песни (специально написанные с дидактической целью), либо музыкальные произведения традиционного характера (положенные на музыку лирические произведения Гёте, Шиллера, Гейне и др. авторов; песни, общекультурное значение которых неоспоримо, напр. «Stille Nacht, heilige Nacht», «O Tannenbaum» и др.).

Предлагается рассмотреть некоторые возможности использования материалов современной немецкоязычной поп- и рок-музыки для стимулирования интереса учащихся к немецкому языку. Большую популярность в среде изучающих немецкий язык имеет группа Rammstein, пользующаяся неоднозначной репутацией. Однако, в связи с тем, что в наше время огромное внимание уделяется вопросам воспитания непосредственно на уроке, на наш взгляд, преподаватели-предметники могут обратиться и к материалам данной группы. В этом случае преподаватель раскрывается как личность, уважающая интересы молодежи, и проявляет готовность к открытому диалогу на волнующие их темы и проблемы, помогая подрастающему поколению определиться с моральными и эстетическими идеалами.

Нижеследующие аргументы показывают, что использование некоторых музыкальных композиций Rammstein может быть вполне уместным в качестве средства активизации процесса обучения как на факультативе по иностранному языку, так и на занятиях по фонетике и зарубежной литературе:

Сравнительная простота языковой и грамматической стороны текста песен позволяет обращаться к ним уже на начальном этапе обучения.

Высокое качество произношения вокалистов, соответствующее нормам литературного немецкого языка (*Hochlautung*), может выступать в качестве вспомогательного средства при отработке правильного произношения.

Высокая степень художественности и содержательности некоторых текстов, что дает возможность провести их литературоведческий анализ как лирического произведения и дискуссию по поводу затрагиваемых автором проблем.

Конечно же, к творчеству Rammstein следует применить избирательный подход. Более того, эту избирательность нужно прививать и обучаемым. Мы предлагаем несколько песен, соответствующих морально-этическим нормам и способствующих как познавательной, так и воспитательной сторонам процесса педагогического процесса, — «Sonne»(2001), «Ich will»(2001), «Mutter»(2001), «Los»(2004), «Dalai Lama»(2004), «Ohne dich»(2004). При этом мы руководствовались следующими критериями:

литературная ценность текста и возможные интерпретации его содержания и стиля;

лексико-грамматические особенности текста и их применение в коммуникации.

Так, например, рекомендовать для работы с начинающими можно простую по содержанию песню «Sonne» («Солнце»). Возможность применения данной песни на начальном этапе обучения обуславливается простотой грамматических конструкций (временные формы *Pr?sens, Futurum I*; прямой и обратный порядок слов); наличием широко употребляемой лексики (глаголов *kommen, zählen, warten* и др.); существительных *die Hand, das Auge, das Gesicht, die Faust, das Licht, die Nacht, die Welt, der Stern, der Himmel*; рефрена, состоящего из числительных от одного до десяти).

Содержание песни «Dalai Lama» дает возможность интересного сопоставления с балладой И.В.Гёте «Erlkönig»[1, S.20502]. Прослеживается единство лирического мотива и сюжетной линии текста данной песни и известной баллады. Возможно, что именно произведение Гёте стало отправной точкой для создания песни «Dalai Lama», а восточный колорит названия (вполне в духе модного на сегодняшний день интереса к культуре Востока) призван затруднить сопоставление музыкального произведения Rammstein с великим творением Гёте.

Итак, избирательный подход к творчеству группы Rammstein позволяет использовать данный аутентичный материал для повышения мотивации учащихся, расширения их лингвострановедческой компетенции. Совместное пение в качестве речевой разминки, рассмотрение языковых и грамматических особенностей текста, литературоведческий анализ содержательной стороны произведения повышают эффективность педагогического процесса. На современном этапе общественного развития преподаватель, готовый к ведению диалога на интересующие учащихся темы и проблемы, поможет подрастающему поколению сформировать свою точ-

ку зрения на как явления немецкой музыкальной культуры, так и на современное мировое искусство в целом.

Литература

1. Goethe: Gedichte (Ausgabe letzter Hand. 1827), S. 182. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek, S. 20502

Проблемы контроля социокультурной компетенции в обучении иностранным языкам

А.Н. Россинская

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Социокультурная компетенция (СКК) как компонент иноязычной коммуникативной компетенции является одной из целей обучения иностранным языкам [1]. Однако, отсутствие в методике однозначного ее определения, а также сложный многокомпонентный состав до настоящего времени не позволяют полностью решить проблему организации ее контроля.

Специфика социокультурной компетенции заключается в том, что с одной стороны в нее в свою очередь входят другие компетенции (общекультурная, культуроведческая, страноведческая, лингвокультуроведческая, социолингвистическая и социальная), а с другой стороны составляющими социокультурной компетенции являются знания, умения, навыки и способности или, иначе говоря, качества личности [2]. Эти особенности и определили трудности измерения СКК.

Разработку вопросов контроля СКК начала Р. Валетт [6] в середине 80х годов 20 века. Она отметила, что попытки включить культурный компонент в контрольно-измерительные материалы по иностранным языкам, сводились к проверке фактических знаний с помощью заданий типа множественного выбора, при этом игнорировались другие компоненты СКК – умения, навыки и способности. Дальнейшие исследования [3,4,5,7] показали, что хотя социокультурные знания наиболее легко поддаются проверке, они не должны становиться единственным объектом контроля, т.к. в этом случае контроль будет оказывать негативное воздействие на образовательный процесс, вплоть до полного исключения из него формирования умений, навыков и способностей. Для преодоления этих проблем одновременно были предложены разнообразные формы контроля социокультурных умений, навыков и способностей.

Наиболее широкие возможности для контроля социокультурной компетенции предоставляют коммуникативно-ориентированные и альтернативные формы контроля. Ролевые игры, решение социокультурных задач, эссе, позволяют оценить такие социокультурные умения как прогнозирование и устранение возможных социокультурных помех, адаптация к иноязычной среде, ориентировка в социокультурных маркерах аутентичной языковой среды и другие. Альтернативные формы контроля (метод портфеля, ведение дневников) предоставляют возможность не только оценить

уровень сформированности СКК на конкретном этапе обучения, но и проследить динамику ее развития у каждого учащегося. Кроме того, альтернативные формы способствуют повышению мотивации и проявлению творческих возможностей учащихся, что оказывает положительное воздействие на результаты обучения иностранному языку в целом.

Особую трудность представляет контроль социокультурных способностей. Интересно, что наибольшее внимание данному вопросу уделяется в профессионально-деловой сфере, где с начала 70х годов 20 века было разработано несколько методик по измерению именно социокультурных качеств личности, таких как толерантность, эмпатия, открытость и т.д. (www.intercultural.org, www.ilwi.org, www.cicb.net и др.). Основными формами контроля здесь являются анкетирование, анализ ситуаций и ролевые игры.

Таким образом, вопросы контроля социокультурной компетенции пока разработаны частично. Особое внимание следует уделить контролю умений и навыков, а также в образовательной сфере проверке сформированности качеств личности.

Литература

1. Новые государственные стандарты школьного образования по иностранному языку. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 380 с.
2. Сафонова В.В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях. – М.: Еврошкола, 2004. – 236 с.
3. Byram M. Assessing Intercultural Competence in Language Teaching. // Sprogforum No 18, Vol. 6, 2000. Pp. 8 – 13
4. Hasselgreen A. et al. Bergen 'Can Do' project. Strasbourg: European Centre for Modern Languages, Council of Europe Publishing, 2003. – 96 p.
5. Incorporating intercultural communicative competence in language teacher education. Ed. by Ildik? L?z?r. Strasbourg: European Centre for Modern Languages. Council of Europe Publishing, 2003. – 110 p.
6. Valette R.M. The Culture Test// Culture Bound. Cambridge: CUP, 1986. – Pp. 179-197
7. Zuskin R.D. Assessing L2 Sociolinguistic Competence: In Search of Support from Pragmatic Theories. // Pragmatics and Language Learning. Vol 4. 1993. Pp. 166-182

Экспериментальное исследование стратегий смысловой обработки текста на иностранном языке

М.В. Соловьева

Тверской Государственный Университет

Исходя из представления о процессе смысловой обработки текста на иностранном языке как ступенчатом, поэтапном процессе, включающем понимание общего содержания, структурно-композиционных особенностей и авторского замысла [1], представляется возможным проследить

действия читателей на каждом из уровней. В работе [4] авторы приводят примеры использования испытуемыми стратегий переработки информации: «снизу-вверх», «сверху-вниз» иметакогнитивные стратегии.

В качестве рабочей гипотезы нашего разведывательного эксперимента по выявлению стратегий понимания текста на иностранном языке была выбрана следующая: в ходе чтения текста, двигаясь от завязки к развязке, читатели меняют выбираемые ими стратегии: от преобладания стратегий «снизу-вверх» до преобладания стратегий «сверху-вниз» при их постоянном сочетании. Процесс понимания можно представить в виде этапов: 1 этап – ориентировка – чтение заголовка, титульного листа, введения (если есть); 2 этап – информационный поиск – сканирование, чтение, просмотр; 3 этап – переработка и оценка информации – выдвижение гипотез.

В разведывательном эксперименте была сделана попытка отследить используемые читателями стратегии на разных уровнях понимания. В работе приняли участие 17 студентов 1 курса факультета управления и социологии Тверского госуниверситета, специальность – связи с общественностью. Материалом послужил отрывок из романа Дж. Пристли «Angel Pavement» под заголовком «Christmas is here!» [2], поскольку исследователи [3] выяснили, что читатели получают больше информации из описательных текстов. Текст был разделен на три абзаца, после каждого из которых следовали вопросы: О чем Вы прочитали? Что помогло Вам понять текст? Какие опоры в тексте этому способствовали? Какие стратегии понимания использовали? В результате эксперимента было получено 68 ответов испытуемых. В ходе анализа реакций особое внимание было обращено на структурно-смысловые элементы и опоры, выделенные самими испытуемыми.

На первом этапе понимания текста читатели прибегали к следующим стратегиям: к уяснению значения слов и определению какой частью речи они являются; уяснению структуры и значения предложений. Испытуемые использовали догадку по контексту; опирались на заголовок и знания по теме текста. На втором этапе испытуемые использовали стратегии уяснения структуры и значений предложений; соотнесения информации между частями текста; построения логических выводов из 1 и 2 абзацев; опоры на заголовки текста, предыдущий абзац. На третьем этапе прослеживается попытка делать выводы из всего абзаца; соотносить информацию между частями текста; делать логические выводы по всему тексту. Приведем также метакогнитивные стратегии, названные испытуемыми при осмыслении своего понимания текста: прочитать текст целиком, потом искать значения неизвестных слов; обращать внимание на заголовки; опираться на знакомые слова, догадку, синтаксис; «привязать» слово к смыслу текста; «уловить» основную мысль; выявить опорные словосочетания; подключить знания по теме текста.

По итогам проведенного разведывательного эксперимента можно судить о том, что, понимая описательный (повествовательный) текст на ино-

странном языке, испытуемые используют сначала стратегии «снизу-вверх», потом «сверху-вниз», двигаясь от заголовка и завязки до развязки текста.

Литература

1. Корниенко Е.Р. Смысловое восприятие и понимание иноязычного текста (при чтении). – М., 1996, 155 с.

2. Christmas is Here! // Червякова Л.Д. Английский язык для поступающих в вузы. Учебное пособие. М., 1997, С.183-184.

3. Donin J., Graves B. & Goyette E. «Second language text comprehension: Processing within a multilayered system» // The Canadian Modern Language Review, Vol. 61, № 1, 2004, pp.53-76.

4. Salatasi R. & Akyel A. «Possible effects of strategy instruction on L1 and L2 reading» // Reading in a Foreign Language, Vol. 14, № 1, 2002 // [http: www.nfhlc.hawaii.edu/rfl/April2002/salataci/salataci.html](http://www.nfhlc.hawaii.edu/rfl/April2002/salataci/salataci.html)

Подсекция «Теория и практика перевода»

Лексико-семантические особенности перевода романов К.Воннегута на русский язык

Я.Ю. Арустамян

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Творчество знаменитого американского писателя Курта Воннегута в свое время причисляли и к «абсурдизму», и к «черному юмору», и даже к «фантастике». Литературная критика в адрес этого автора достаточно обширна, а его стиль не раз становился объектом исследования. Но данная работа в корне отличается от предыдущих, так как основной целью ставится выявление чисто лингвистических особенностей языка автора, а также языка перевода в рамках проблемы эквивалентности/адекватности перевода. Также выбор темы обусловлен необычным стилем автора, неординарным использованием лексических средств языка, избытком окказионализмов, игры слов и т.п. Именно этим и объясняется актуальность данной темы.

Работа освещает основные проблемы теории перевода, вызванные расхождением в лексических структурах английского и русского языков. Приводятся некоторые особенности современного английского языка, рассматриваемые под углом зрения их передачи в переводе романа К.Воннегута «Колыбель для кошки». Внимание привлекает не столько сам процесс перевода и используемые при этом приемы и способы, сколько определение тех особенностей английского языка, которые

представляют значительные трудности при переводе. Для анализа выбирались только те приемы, которые схожи чисто семантически, но отличаются по функциям в обоих языках, в чем и заключается основная трудность, а иногда и невозможность перевода, так как специфика перевода, отличающая его от всех других видов языкового посредничества заключается в предназначении полноправной замены оригинала, что не всегда достижимо из-за несовпадения отдельных элементов значений в переводах самых элементарных высказываний. В данном случае, перевод рассматривается как трансформация, при которой семантический вариант (т.е. содержание оригинала) сохраняется неизменным, а форма его выражения (поверхностная структура) может подвергаться изменениям. Кроме этого, семантические признаки рассматриваются с точки зрения той роли, какую они играют в значении каждого конкретного слова. И с одной стороны являются компонентами значения отдельного слова, а с другой — компонентами, организующими слова в лексические группы. Исходя из этого, они подразделяются на абсолютные и переменные (ситуативные). Затрагивается также и проблема полисемии, так как зачастую понятие и лексическое значение не совпадают между собой. А одно и то же понятие одного языка может выражаться в другом множеством разных слов. Исходя из этого, контекстуальное значение разделяется на узальное и окказиональное, а в зависимости от содержания и объема словарного значения — на слова с широким (высокий показатель комбинаторности) и узким (низкий показатель комбинаторности) объемом значения. Однако комбинаторность слова определяется не только логикой реальных отношений между предметами, но также и внутриязыковыми (системно-структурными) связями и особенностями слов, сложившейся в языке нормой словоупотребления.

Лексическое значение слова — основное средство отражения действительности. Но от того, какое это значение — номинативное, производно-номинативное, фразеологически связанное, синтаксически ограниченное или конструктивно обусловленное (по В.В.Виноградову) — зависит способ отражения действительности. Реализация лексических значений (в том числе и новых лексических значений) протекает связано с характером словообразовательных возможностей, с состоянием синтаксических отношений, с возможностями стилистического употребления слова и т.п., что подтверждают отобранные нами примеры.

В качестве основного метода исследования берется компаративный метод, т.е. сравнение текста оригинала и текста перевода, а также анализ средств перевода, к которым прибегал переводчик при передаче авторского текста на русский язык (своеобразие плана содержания каждого языка отчетливо проявляется именно при сопоставлении с другим языком, поскольку одни и те же реалии семантизируются в разных языках не одинаково). Сопоставительный анализ помогает выявить определенный параллелизм синтаксической организации перевода по отношению к оригиналу. Использование в переводе аналогичных синтаксических

структур обеспечивает инвариантность синтаксических значений оригинала и перевода. Таким образом, для решения изначально выдвигались следующие задачи: во-первых, отбор лексических структур, представляющих особую трудность для передачи на русский язык; во-вторых, проведение сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода, т.е. анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала.

В семантике текста, также как и в значении других, более мелких единиц языка, можно выделить денотативный, сигнификативный, прагматический, парадигматический и фонетический у озвученного текста аспекты значения. В докладе рассматриваются в основном первые два – денотативный и сигнификативный аспекты значения.

Итак, любое значение органически сочетается с формой его выражения, с понятием и соответствующим ему денотатом, а также с другими значениями и их формами, так как своеобразие лексической семантики вызывает необходимость дифференцированно подходить к анализу плана содержания разных слов. Все эти факторы учитываются при всестороннем анализе отобранных значений.

Учет культурного компонента смысла при переводе ненормативной лексики

С.Ю. Бирюков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Как отражение политических и культурно-идеологических изменений в российском обществе конца XX века, ненормативная лексика вышла из ограниченной сферы употребления и активно проникает как в разговорную речь, так и в язык художественной литературы, в тексты СМИ.

Такого рода явления не новы и для французского языка, где с XIX века в силу разрушения границ между арго социального дна и просторечий, образовался так называемый *argot commun* «**общий арго**», сочетающий в себе арготизмы, просторечные слова и фамильяризмы. Выйдя из рамок узкого употребления и выражая культуру французского народа, общий арго влился в повседневную жизнь французов, стал активно использоваться в произведениях таких французских писателей, как Ф. Вийон, В. Гюго, Ж.-П. Сартр, Сан-Антонио и др.

Одной из характерных черт арготизмов, фамильяризов и просторечных слов как основных компонентов ненормативной лексики, является склонность отражать особенности национально-культурного мировидения сквозь призму образности и нести в себе **культурный компонент смысла** [Ю.А. Бельчиков]. При этом отмечается, что лингвокультурологический аспект является наименее разработанным в описании ненормативной лексики [В.М. Мокиенко]. Таким образом, ненормативная лексика представляет собой богатый материал для исследований в частности и для теории перевода.

Благодаря недавно наметившемуся **лингвокультурологическому подходу в области теории перевода**, особый интерес для переводоведов представляет, на наш взгляд, выявление и учет при переводе культурного компонента смыслов ненормативной лексики. Чаще всего этот компонент проявляется в языковых универсалиях, в тех словах ненормативной лексики, которые были заимствованы из нормативного литературного языка для образного выражения иных понятий с целью предания им экспрессивности, эмотивно-оценочного, комического или негативного оттенка, либо же с целью эвфемизации «криминогенных» понятий.

Асимметрия ненормативной лексики французского и русского языков проявляется в большей степени **на семантическом и прагматическом уровнях**.

Так как **прагматический уровень** выступает в речи доминирующим над семантическим и синтаксическим [Н.К. Гарбовский], представляется необходимым сохранять в переводе неизменными прагматические значения с целью достижения того же коммуникативного эффекта, что и в тексте оригинала.

Так, прагматическая асимметрия будет очевидна при переводе разговорного выражения *диван продавливать* в значении «бездельничать». Французское словосочетание *creuser le sofa* не будет иметь того прагматического значения, коммуникативного эффекта, той экспрессивности, какие имеет данное выражение в русском языке. При устранении подобных проблем стоит придерживаться динамической эквивалентности (концепция Ю. Найды), которая, через культурную адаптацию текста перевода, преследует цель вызвать у получателей перевода ту же реакцию, что и у получателей оригинала. Для достижения динамической эквивалентности необходимыми оказываются **прагматически обусловленные преобразования** [Н.К. Гарбовский].

На семантическом уровне благодаря метафорическому, метонимическому переносам и другим тропам в плане содержания происходит несоответствие между лексическими единицами, что требует переводческих преобразований разного характера. Здесь становятся актуальными логические отношения перекрещивания и внеположенности. Так, **при метафорическом переносе** понятийные области «капуста» и «деньги» просторечного слова *капуста* – «деньги (бумажные)» не пересекаются. Однако, при метафорическом переосмыслении, всегда существует третье понятие, объединяющее первые два отношением перекрещивания. В данном случае, этим понятием выступает «зеленый цвет: цвет капусты и долларов». Таким образом, для достижения семантической эквивалентности в данных случаях стоит прибегать **метафорической дифференциации**, заключающейся в изменении при переводе образной метафоры с переходом от одного вида объектов к другому.

При переводе ненормативной лексики значимым становится и отношение внеположенности, которое проявляется через объемы понятий, оказывающихся в контакте при метонимическом переносе, а также в не-

которых случаях переводческих преобразований. Здесь актуальность приобретают такие категории перевода, как денотат и референт, которые выражают соотношение понятий на денотативном уровне их объема.

Проблема культурного компонента смысла лексических единиц не-нормативной лексики, будучи включенной в лингвокультурологическую проблематику, весьма существенна для теории и практики перевода. Межкультурная асимметрия может быть выявлена и устранена при переводе благодаря таким семиотическим категориям, как прагматика и семантика. На прагматическом уровне адекватность перевода достигается путем культурной адаптации и на семантическом уровне, для соблюдения эквивалентности актуальными выступают метафорическая и метонимическая дифференциация, основанные на логических категориях перекрещивания и внеположенности.

Немецкие реалии через призму перевода

Н.А.Булгакова

Международный университет бизнеса и новых технологий (Ярославль)

Язык отражает культуру нации. В нем встречаются слова, в значении которых может быть выделена особая часть, отражающая связь языка и культуры, и которая называется культурным компонентом семантики языковой единицы. К таким словам, прежде всего, относятся слова-реалии, или национально-маркированные единицы (НМЕ).

Проблема передачи реалий занимает заметное место в практике переводческой деятельности, поэтому, на наш взгляд, наиболее полное определение реалии с точки зрения перевода дают болгарские ученые С. Влахов и С. Флорин: *«Реалии – это слова, называющие объекты, характерные для жизни одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий в других языках, и, следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода»*.

На сегодняшний день нет единой классификации НМЕ, и исследователи предлагают различные классификации реалий, основываясь на тех или иных принципах. Изучив все предложенные отечественными и зарубежными исследователями классификации, по нашему мнению, более полно раскрывает определение реалии группирование, разработанное Влаховым и Флориным. Однако нам представляется данная классификация слишком детальной. Мы предлагаем ограничиться в собственном исследовании лишь тематическим делением реалий: географические, этнографические, общественно-политические.

Особый интерес представляет проблема передачи иноязычных реалий средствами языка перевода, т.к. специфика НМЕ такова, что «они часто находятся вне фонда знаний носителей другой культуры и другого языка»

Основных трудностей передачи реалий при переводе две: отсутствие в языке перевода соответствия из-за отсутствия у носителей этого языка

обозначаемого реалией объекта и необходимость, наряду с предметным значением реалии, передать и колорит — ее национальную и историческую окраску.

Реалии, согласно Л.К.Латышеву, относятся к классу безэквивалентной лексики. А факт лексической безэквивалентности означает лишь, что значение лексической единицы исходного языка не может быть передано аналогичным, «симметричным» образом — с помощью лексической единицы языка перевода.

Л.К.Латышев выделяет следующие способы передачи безэквивалентной лексики при переводе:

Транслитерация передает номинации предметов, явлений, событий. Тем самым переводчик избегает толкования понятия и связанного с этим риска неверной его интерпретации (*der Bundeswehr* — *Бундесвер*).

Кальки по сравнению с транслитерациями раскрывают в большей степени суть описываемого явления. Однако это зависит от того, насколько конструкция самой реалии отражает то, что он обозначает (*Westdeutscher* — *восточный немец*).

Описательный перевод заключается в передаче значения НМЕ с помощью развернутого описания и, следовательно, способен раскрыть полностью суть описываемого явления, что и выступает его несомненным достоинством (*Vitamin B* — *блат, полезные знакомства, das Adventskalender* — *предрождественский детский календарь*).

Суть *приближенного перевода* в том, что вместо иностранной реалии переводчик использует реалию другого языка, которая обладает собственной национальной спецификой, но в то же время имеет много общего с реалией исходного языка (*der Weihnachtsmann* — *Дед Мороз*).

Прием *элиминации национально-культурной специфики* заключается в том, что при переводе реалии ее национально-культурная специфика опускается.

Проведенное в рамках дипломной работы исследование показало, что способы перевода реалий могут комбинироваться и варьироваться. Можно выделить самые распространенные комбинации методов перевода:

Транслитерация + описательный перевод: *Schwaben* — *национальное меньшинство, проживающее большей частью на территории земли Баден-Вюртемберг. считаются особо экономными, даже скупыми*

Калькирование + описательный перевод: *Weihnachtsplätzchen* — *рождественское печенье, выпекаемой без начинки в виде каких-либо фигур;*

Таким образом, знание реалий немецкого языка, предполагающие обладание определенной фоновой информацией об истории, культуры и современной жизни страны изучаемого языка, и способов их перевода может способствовать более качественному переводу, как устному, так и письменному.

Провоцирование проблем перевода лексическими и синтаксическими кодификаторами

Н.В. Головки

Ставропольский государственный университет

Известный английский поэт и критик Роберт Грейвс говорил, что «всякий перевод есть ложь, очень учтивая, но все-таки ложь» (цитируется по: [1]). Перевод есть перекодирование высказывания с одного кода на другой. Если код прямой, перекодирование не вызывает затруднений. Перевод же с одного языкового кода на другой осложняется следующими факторами: различие языковых картин мира, непрямая кодификация, идиоматика, ошибки при кодировании исходного высказывания. Перевод удлиняет коммуникативную модель в два раза. Наполним ее подсчетами психологов, изучающих речь: сообщение (количество информации - 100%) – кодирование (90%) – отправление (80%) – прием (70%) – декодирование (60%) – новое кодирование (50%) – отправление (40%) – прием (30%) – декодирование (20%) (данные по: [2]).

Мы вправе утверждать, что перекодирование возможно, начиная с лексического уровня языковой структуры. Безусловно, перевод морфем также возможен, но он не имеет практического применения вне сферы научного знания. На лексическом уровне присутствуют три вида кодификаторов: прямые, не прямые и фантомные. Прямые кодификаторы не допускают ошибок при декодировании в одном языке, так как они однозначны. Здесь мы имеем два возможных варианта: либо прямой кодификатор в первом коде соответствует прямому кодификатору во втором коде, либо прямой кодификатор в первом коде соответствует не прямому кодификатору во втором коде. В английском «daddy» – это прямой кодификатор со значением «папа», однако в русской разговорной речи кодификатор «папа» является не прямым. Перевод отдельных слов осложняется отсутствием контекста, который мог бы компенсировать вариантность кодификатора, и при полисемии знака декодирование становится невозможным. Однако если переводчик отправляет сообщение «папуля», мы можем наблюдать первый случай. Кодификатор «папуля» в русском языке прямой. Наиболее богаты возможностями для искажения информации не прямые кодификаторы. Здесь мы также имеем два варианта соответствия: либо не прямой кодификатор в первом коде соответствует прямому кодификатору во втором коде, либо не прямой кодификатор в первом коде соответствует не прямому кодификатору во втором коде. Так, русское слово «кусочек» в английском имеет три соответствия: крупный кусок – *piece*, небольшой или тонкий – *slice*, а определенной формы – *lump*. Но если коммуникатор-француз вне контекста отправит переводчику сообщение «*la femme*», переводчик однозначно окажется в тупике, поскольку кодификатор «*la femme*» имеет два значения – «женщина» и «жена». Вторым вариантом легок для перевода, если языковые явления соприродны. В русском кодификатор «язык» имеет два кодируемых – код для общения и орган ротовой полости. При переводе на французский затруднений не

возникнет, так как в этом языке соответствующий кодификатор «langue» имеет те же кодируемые. Синтаксические кодификаторы в силу своей роли являются, по-видимому, основными в языке. В отличие от лексических, которые номинативны, синтаксические знаки коммуникативны. Прямому кодификатору «Я ем» при переводе на английский будет соответствовать прямой кодификатор «I eat». Но русский прямой кодификатор «Я еду» передается английским «I go»; глагол «to go», кроме того, имеет значение «идти». Если сема перемещения на транспортном средстве важна, переводчику придется назвать средство передвижения. Прямым кодификатором в английском является сообщение «Here's the exit», в то время как его перевод – «вот выход» – может означать указание либо на дверь, либо на решение проблемы. В случае невозможности идентификации ситуации реципиент не получит сообщения. Особые словесные кодификаторы – антропонимы и топонимы – могут являться «говорящими». Если переводчик не распознает скрытую семантику, произойдет потеря смысла. Перевод антропонимов возможен, однако полученные в результате словотворчества слова являются идиомами. Таким образом, процессы искажения информации, провоцируемые стандартными кодификаторами разных уровней языковой структуры, имеют одинаковый характер. Перевод может полностью или частично исказить сообщение. Таким образом, мы можем заключить, что проблемы перевода связаны с явлением непрямой кодификации и обусловлены ошибками при кодировании и декодировании информации, а также с языковой картиной мира, выраженной в идиоматике и фразеологии.

Литература

1. Языкознание. Русский язык. М., 1998, с. 453.
2. Информатика. Под ред. Н.В. Макаровой. М., 2002, с. 620.

Методы изучения предпереводческой обработки текста

Л.Н. Голуб

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

С середины 1980-х гг. для изучения переводческого процесса и осмысления роли переводческой компетенции применяются методы интроспекции, изначально разработанные психологией и психолингвистикой. Одним из наиболее продуктивных интроспективных методов, призванных помочь проникнуть в мыслительные процессы, имеющие место во время работы переводчика над текстом перевода, является метод «думания вслух» (think-aloud method), когда вербализованные переводчиком-испытуемым этапы решения какой-либо проблемы фиксируются с помощью аудиозаписи/стенографии (think-aloud protocols, TAPs), а затем анализируются и расшифровываются в соответствии с задачами экспериментатора. Расшифровке протоколов TAP, использованию интроспективного метода в изучении процесса перевода, а также в обучении пере-

воду посвящен целый ряд работ (Х. Крингс, В. Лершер, С. Тикконен-Кондит, С. Калина, П. Куссмауль, Р. Йааскелайнен).

У метода ТАР есть недостатки, поскольку часть процесса порождения текста перевода может не находить отражение в озвученных испытуемым мыслях, так как происходит интуитивно. В большей мере это относится к предпереводческому (подготовительному) этапу, когда испытуемый знакомится с оригиналом, прочитывая его, отмечая «трудные места» и одновременно намечая способы разрешения возникших переводческих проблем, тем самым выбирая определенную стратегию, которая, в большей или меньшей степени, будет применяться на основном этапе переводческой деятельности. Кроме того, в ходе проведения подобных экспериментов отмечалось, что сам процесс перевода предложенного текста значительно замедляется, если испытуемому приходится отвлекаться на комментирование собственной деятельности.

Компенсировать данные, которые могут остаться для исследователя незамеченными при использовании метода ТАР, призван анализ черновики перевода, отражающих процесс выбора варианта перевода и вероятные критерии, которыми при этом руководствовался испытуемый.

В последнее десятилетие для оптимизации интерпретации качественных данных, полученных с помощью интроспективных методов, и подкрепления их количественными данными активно используется специальное программное обеспечение, такое как Translog, программа, разработанная в 1998 г. в рамках проекта по изучению процесса перевода TRAP (TRANSLATION PROCESS – Project) Копенгагенской школы бизнеса. Программа фиксирует все манипуляции с текстом перевода, произведенные испытуемым, включая паузы, возврат к переведенному тексту, его исправления, обращения к словарям и справочникам (электронным). Особое внимание уделяется времени, затраченному на выполнение экспериментального переводческого задания: этот параметр задается перед началом эксперимента, как и длина паузы, и зависит от индивидуальных способностей испытуемого и задач экспериментатора. Программа позволяет динамически воспроизвести процесс создания текста со всеми подробностями, а также вывести такой транскрипт на печать.

Для изучения предпереводческого этапа, на котором происходит своего рода ориентирование переводчика в тексте оригинала, представляется целесообразным применение совокупности таких методов, как «думание вслух», когда испытуемый комментирует особенности оригинального текста, обуславливающие выбор переводчиком той или иной макростратегии (совокупности средств для перевода текста данного жанра, стиля), и анализ черновики, где представлен процесс поиска решений для основного этапа работы над переводом. Текст оригинала, в случае, если он предлагался переводчику в напечатанном виде, также может передать важную информацию о тех мыслительных процессах, которые сопровождали знакомство переводчика с оригиналом: например, он может содержать подчеркивания «трудных мест» и варианты их перевода, наброски

общей стратегии работы с текстом. Данные, иллюстрирующие стратегию работы испытуемого с данным текстом, а также схожими по стилю и жанру текстами, можно получить также с помощью анкетирования, предлагающего вопросы об особенностях переводимого текста, потенциальных затруднениях в работе с ним.

В случае применения специального программного обеспечения для исследования предпереводческого этапа требуется ввести настройки, касающиеся, в частности, разницы в длине пауз, возникающих при чтении и осмыслении текста оригинала, и пауз, прерывающих работу испытуемого на основном этапе создания текста перевода: первые, более длительные, могут быть связаны с поиском макростратегии для дальнейшей работы с текстом, вторые – с поиском решений конкретных переводческих проблем (микростратегий). Соответствующим образом должен быть настроен внешний вид оригинального текста, отображенного на экране, способ его «прокручивания», подсчет количества возвращений к определенному отрывку, способ его выделения, разметки текста.

Для осмысления значимости предпереводческой обработки текста, во многом определяющей результат работы переводчика, невозможно ограничиться применением какого-то одного метода: их оптимальное сочетание выясняется экспериментально.

Специфика перевода названий художественных произведений (на примере романов Терри Пратчетта)

Н.И. Киселева

Кемеровский Государственный Университет

В связи с растущей в последние годы популярностью произведений жанра фэнтези и возросшим на них спросом читательской аудитории, особо активно начали переводить книги современных писателей, в частности, английского писателя Терри Пратчетта. Книги, подобные романам Пратчетта, очень просто испортить плохими переводами – и очень трудно перевести хорошо. Время от времени русские переводчики переводят произведения исходя из своих внутренних соображений, не всегда понятных читателю. Заглавие художественного произведения несет очень важную смысловую нагрузку. С одной стороны, в нем необычайной сжатостью дается основная идея, а с другой стороны, заглавие содержит историю создания текста автором, возможную связь с другими произведениями литературы, искусства, а также будущую широкую возможность различных интерпретаций. Поэтому крайне важно внимательно относиться к переводу заглавия, не стремиться механически заменить слово одного языка словом из другого. Важен творческий подход, стремление донести до читателя, не знакомого с текстом оригинала то, что понятно владеющим иностранным языком. И, естественно, переводчику необходимо хорошо знать содержание произведения.

Один из романов Терри Пратчетта называется «Equal Rites», что буквально можно перевести как «Одинаковые / равные обряды». В процессе чтения справедливость возможности такого перевода подтверждается. Но, вместе с тем становится понятно, что возможно и другое прочтение названия, «Equal Rights», то есть, «Равные права / Равноправие». Четко прослеживаются идеи равенства полов, феминизма. Здесь девочка по недоразумению получает волшебную силу, тогда как обычно волшебниками были лишь мужчины. Женщины могли быть только ведьмами, и считалось, что женщины и настоящая магия несовместимы. Героине все время приходится доказывать, что она ничуть не хуже волшебников-мужчин. В связи с этим, «Творцы заклинаний» – перевод названия изданного романа – можно считать довольно удачным. Во-первых, становится понятно, что речь пойдет о магии, и, во-вторых, не указано, какого пола эти творцы.

Но с другой стороны, уже в упоминании равенства чего-либо заложена мысль о том, что эти понятия могут быть и неравны, о борьбе за равенство. Перевод лишен этих оттенков значения. Вполне допустим мог бы быть вариант «Равные права». Его можно понимать и как равенство полов, и как одинаковую степень значимости ритуалов ведьм и волшебников.

Название еще одного романа Терри Пратчетта – «Feet of Clay». Здесь речь идет о големах, искусственных существах из глины, чье предназначение – служение людям. «Feet of Clay» – часть выражения «An idol with feet of clay», аллюзия на библейский рассказ о вавилонском царе Навуходоносоре.

В русском языке это выражение звучит как «Колосс на глиняных ногах» и обычно употребляется, когда речь идет о чем-либо величественном, могущественном с виду, но слабом, легко разрушающемся по существу.

Оригинальное название романа представляет собой вторую часть выражения, оставленную без изменений. Переведенное в таком же стиле, русское название «На глиняных ногах» было бы уместным и вызывало бы нужные ассоциации с устоявшимся выражением. Однако переводчик счел нужным передать его как «Ноги из глины», что, конечно, может при определенном усилии вызвать ассоциации с библией, но не так однозначно, как вариант «На глиняных ногах», где начало фразы напрашивается само собой.

Даже из небольшого количества рассмотренных примеров становится ясно, что все заглавия индивидуальны. Поэтому не может быть одной универсальной рекомендации о том, как правильно их переводить. Прежде всего, важен творческий подход к процессу, желание и стремление как можно более полно понять смысл, вложенный автором. Не менее важна культура, эрудированность переводчика или осознание факта, что он чего-то не знает и имеет необходимость найти нужную информацию, дабы должным образом ее передать. И естественно, для такого ответственного процесса необходима одаренность.

**Вербализация пространственно-временных отношений в
текстах оригинала и перевода (на материале художественных фильмов и
их переводов на французский язык)**

Ю.А. Костерина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Снятие границ между Россией и остальным миром привело к появлению огромного количества переводной литературы и фильмов иностранного производства. В связи с чем, переводческая деятельность в современном мире приобретает все большие масштабы. Перевод иностранных фильмов поставлен на конвейер, а, следовательно, качество переводов далеко не всегда удовлетворяет зрителей. Актуальность темы определяется все возрастающим интересом к проблеме перевода художественных фильмов, а также стремлением к повышению качества данных переводов. Цель нашего исследования выделить особенности перевода художественных фильмов и составить типологию трудностей, характерных для этого вида перевода. А также проанализировать причины возникновения переводческих ошибок.

Ранее в теории перевода считалось, что в исходном тексте переводчик все понимает правильно, а трудности и ошибки возникают из-за несовпадения структур двух языков или недостаточного владения языком перевода. В настоящее время, переводоведов интересует и этап рецепции, поскольку причины многих переводческих ошибок следует искать именно здесь. Вместе с тем, существующие исследования по проблеме восприятия иноязычного текста сделаны, в основном, на материале литературных источников, в то время как нам кажется целесообразным рассмотреть эту проблему на материале фильмов.

Фильм, с лингвистических позиций, можно рассматривать как текст, поскольку он являет собой связное семиотическое пространство. Основные особенности, которые следует учитывать при переводе художественных фильмов, связаны с тем, что фильм обладает двухуровневой структурой, включающей звуковую и зрительный ряды, с преобладание последнего.

В данном исследовании мы обратимся к вербальному описанию пространства и времени в ИЯ и ПЯ. Пространство и время являются важнейшими бытийными категориями реального мира. Восприятие пространственно-временных отношений человеком осмысливается с помощью языка. Данная категоризация подразумевает под собой два ключевых аспекта: 1) восприятие пространства/времени и его семиотизация (выделение ключевых признаков, их осмысление); 2) выбор языкового знака, с помощью которого отражается пространство и время в описываемом фрагменте реальной действительности.

Таким образом, в ходе нашего исследования, мы пришли к следующим выводам:

языки по-разному вербализуют пространственно-временные отношения, что следует учитывать при переводе;

природу многих переводческих ошибок можно объяснить недостаточным когнитивным уровнем переводчика;

перевод художественных фильмов должен осуществляться не только в соответствии с нормами, культурными традициями, структурами языка оригинала и языка перевода, но и с учетом особенностей киноязыка.

Литература

1. Время и пространство в художественном тексте, электронный ресурс, режим доступа: <http://time-and-space.narod.ru/>

2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М., 2004, с.544

3. Кобозева И. М. Грамматика описания пространства // Языки пространств. Логический анализ языка. М., 2000.

4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 2003, с.287

5. Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973, с.70

Вопросы стандартизации терминологии новой науки (логистики)

А.К. Купцова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Сформированная терминология — знак зрелости любой практической деятельности, поэтому стандартизация терминов логистики — важный отрасль знания или инструмент стимулирования развития отечественной практики логистики, занимающейся управлением материальными и нематериальными потоками. При переводе текстов по логистике с английского языка на русский часто приходится сталкиваться с большим количеством новых терминов, которые нельзя найти ни в словарях, ни в специальной литературе. Для того, чтобы ввести новые термины в русский язык, следует воспользоваться общепризнанной в лингвистике процедурой¹¹:

Описать новый термин — выявить, в какой сфере знаний уже используются такие же термины.

Понять новый термин — точно определить, какие концепты вкладываются в переводимые слова.

Установить как можно более точно значение нового термина — создать определение термина на русском языке.

Если говорить не об отдельных терминах, а о терминологии логистики в целом, то она уже прошла несколько этапов развития¹².

Первоначально, логистика была выделена из других наук как отдельная предметная область знаний.

На следующем этапе сначала на английском, а затем и на других языках (в том числе и на русском) были созданы терминами.

Работа по стандартизации терминологии логистики может включать следующие шаги:¹³

¹¹ Марчук Ю.Н. Основы терминографии. Методическое пособие. - М.: ЦИИ МГУ, 1992. - С.24.

¹² H.Felber. Terminology Manual. Intern. Inf.Center for Terminology (INFOTERM); Paris, UNESCO, 1984.- P.426.

¹³ Марчук Ю.Н. Основы терминографии. Методическое пособие. - М.: ЦИИ МГУ, 1992 - С.25

Разработка системы концептов, входящей в область логистики.
Приписывание определенного термина каждому концепту логистики.
Сбор и регистрация терминов, принадлежащих собственно к области логистики.

Описание терминов посредством дефиниций.

Стандартизация дефиниций.

Сравнение понятий логистики в английском и в русском языках, определение эквивалентов для английских терминов в русском языке.

Регистрация терминологических и ассоциированных данных.

В России в области логистики терминологические нормы вырабатываются Научно-методический совет по логистике ГУ-ВШЭ. Кроме того, этой работой занимаются кафедры логистики и других высших учебных заведений и руководители центров логистики.

Проведение работы по стандартизации терминологии логистики является чрезвычайно актуальной в настоящее время в связи с бурным развитием отечественной логистики. Результаты создания новых терминов могут быть двойными:

Новое понятие приписывается прежнему термину (например, «поток»).

Новый термин приписывается прежнему понятию. Например, «прокьюремент» означает то же самое, что и «снабжение».

Очень часто создание новых терминов проходит без осознания того, что новые концепты и термины могут внести беспорядок в уже существующую и действующую систему концептов. Такое произошло, например, с давно известным принципом «привлечения третьей стороны» (или «привлечение сторонних организаций», «заключение соглашений с внешними организациями», «передачей на сторону»), который стал называться «аутсорсингом».

Итак, для того, чтобы выполнить требование наличия одного термина для одного концепта логистики, необходимо стандартизировать логистические термины. Предлагаются следующие стадии¹⁴:

1) **Стадия исследования** — исследование терминологии науки с целью определения реального использования терминологии.

2) **Стадия систематизации** — разработка системы концептов и системы терминов, им соответствующих — логической системы знаний в рамках данной предметной области.

3) **Стадия использования** — официальный ввод в действие системы терминов авторитетной комиссией экспертов, имеющих высокую компетенцию в данной области науки, обладающей соответствующими правами как организация стандартов.

Таким образом, в настоящее время в России имеются все предпосылки для обеспечения эффективного развития терминологии логистики. Итогом такой работы будет публикация терминологического словаря по логистике, англо-русского и русско-английского словаря по логистике.

¹⁴ Там же.- С.27

**Имя собственное как переводческая проблема
(на материале романов Т. Пратчетта)**

О.О. Панасенко

Кемеровский Государственный Университет

В настоящее время на рынке современной зарубежной литературы, в особенности фантастической, представлено множество текстов, которым свойственен довольно низкий уровень перевода. Это вызвано большой популярностью данного жанра и, следовательно, «потокowym» характером перевода, качество которого оставляет желать лучшего. В такого рода переводах часто бывают утрачены стилистические особенности авторского языка, потеряны многие смысловые оттенки, и результатом может явиться снижение литературной ценности локализуемого текста; настораживает частота, с какой в последнее время стала звучать фраза «Настоящий поклонник писателя – враг всех его переводчиков».

При работе с произведениями, относящимися к особенно популярному сейчас жанру юмористического фэнтези, переводчики часто сталкиваются с проблемой адекватной передачи игры слов и каламбуров, и наряду с ней встает вопрос о переводе так называемых «говорящих» имен собственных.

В процессе переноса в русский язык имена героев, которые по замыслу автора должны нести читателю определенную информацию, и, возможно, акцентировать определенные черты личности персонажа, часто теряют свою внутреннюю форму, будучи переведенными недостаточно адекватно либо просто затранскрибированными. Но, функционируя в оригинальном тексте в качестве некоего символа, сжатой идеи, имена собственные не должны утрачивать этой функции и при переносе в текст перевода.

Данная проблема может быть рассмотрена на примере имен героев так называемого «Цикла о ведьмах» современного английского писателя Терри Пратчетта. Особенность произведений Пратчетта в том, что в них практически нет персонажей, носящих «реальные» имена. Большинство используемых автором имен собственных составлено им самим и является говорящими. Редкие же у Пратчетта реально существующие имена обычно интертекстуальны, и потому также несут в себе дополнительную, имплицитную информацию.

При переводе говорящих имен часто возникают разного рода затруднения, которые могут быть вызваны целым рядом причин.

Одной из таковых, и, пожалуй, рождающей самые большие проблемы является возможное отсутствие соответствующих реалий в обществе-носителе переводящего языка. Примером может служить имя одного из пратчеттовских персонажей – *Walter Plinge*. Это герой романа «Маскарад», своеобразной пародии на мюзикл Эндрю Ллойда Уэббера «Призрак Оперы». Известно, что в Англии *Walter Plinge* – это псевдоним, который может взять себе актер, исполняющий две роли в одном спектакле или нежелающий, чтобы его имя упоминалось в программке спектакля. За отсутствием соответствующего термина в русском языке передать это зна-

чение при переводе представляется практически невозможным. Единственное, что сделали авторы официального перевода «Маскарада», это попытались отразить в имени героя его нелепые внешность и поведение, назвав его «Уолтер Плюм».

Другой проблемой при переводе имен собственных часто становится необходимость приведения их в соответствие с характером текстовой среды. Переведенное говорящее имя должно не только передавать смысл, заложенный в него автором, но и не выбиваться из общего стиливого рисунка произведения. Как пример можно привести два различных варианта передачи на русский язык имени главной героини «цикла о ведьмах» *Granny Weatherwax*. В официальных переводах «weather» в значении «буря, непогода» было передано через понятие «ветер», и *Granny Weatherwax* стала «матушкой Ветровоск», что вполне соответствует образу персонажа, ведьмы с порывистым, непредсказуемым характером.

Сложности в подборе подходящих слов, подходящей формы часто толкают переводчиков на несколько неоправданные шаги – например, увлекшись локализацией, они вводят в перевод реалии, привычные для русского общества, но чуждые западному. Ведьма *Nanny Ogg* в официальном переводе превратилась в «нянюшку Ягг», и в этой фамилии явно прослеживается параллель с Бабой Ягой.

Таким образом, переводчик не должен ограничивать поиск первым встретившимся ему подходящим словом или первым словарным значением. Необходимо осмыслить, понять характер персонажа, чтобы наиболее точно передать скрытую семантику его имени. Для переводчиков современного юмористического фэнтези особенно важно обладать и чувством юмора, и чувством меры в равной степени, чтобы, сохранив юмор оригинала, не сделать шутку неуместной или вульгарной. В настоящее время наметилась тенденция переводить имена героев, если произведение издается в печатном варианте, но оставлять их в непереуведенном виде, если текст предполагается распространять через Интернет (такие переводы обычно предназначены для тех, кто уже знаком с творчеством писателя). Но, так или иначе, адекватный перевод имен собственных очень важен для стилистического единства текста, правильной трактовки образов персонажей и, в конечном счете, правильной интерпретации концепта произведения.

Эмоциональность и способы ее воспроизведения в переводе

О.В. Таран

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Целью данного исследования является рассмотрение общих свойств эмоциональной речи и способов воспроизведения эмоциональных синтаксических конструкций и эмоционально-оценочной лексики в переводе.

Разговорная речь, обычно осуществляемая в форме диалога, по своей функции характеризуется тем, что обслуживает текущие жизненные ин-

тересы; отсюда ее непосредственность, отсутствие предварительной подготовки, с одной стороны; с другой — ее эмоциональность и экспрессивность. Поэтому представляется немаловажным проанализировать материал и на примерах выявить основные закономерности эмоциональной речи и определить возможные способы ее воспроизведения в переводе.

Эмоции постоянно нарушают некие идеально нейтральные средние конструкции. Соответственно, чем речь эмоциональнее, тем более зыбким и неопределенным является ее предметно-логическое содержание. Можно ли рассматривать эмоциональную насыщенность не как нарушение языковых норм, а как необходимый элемент некоторых сторон высказывания, которые имеют четкие языковые характеристики? Видимо, механизм проявления эмоций в речи состоит в том, что некоторым специализированным средствам языка присуща передача эмоций совместно с основной информацией.

Для лингвиста существенно выявить именно языковые способы передачи эмоциональности. Эмоции выражаются косвенными средствами, как синтаксическими, так и лексическими. Однако эти средства до сих пор не систематизированы.

В данном исследовании будут рассмотрены следующие модели, типичные для эмоциональной речи: эллиптические конструкции, ложный вопрос, предложения с восклицательными словами, повтор, сегментация предложения, изменение порядка следования компонентов коммуникативной структуры, конструкции с репризой и антиципацией, парцелированные конструкции, дислокация, конструкции, характеризующиеся избыточным употреблением междометий. Существенное внимание будет уделено также переводу слов с эмоционально-оценочной окраской.

Проанализировав ряд примеров перевода конструкций с эмоциональным компонентом значения, можно прийти к выводу, что переводчики не всегда следуют одной схеме, и выбранный ими вариант чаще всего зависит от контекста и соответствия норм русского и французского языков. Иногда переводчики сохраняют структуру исходной фразы на французском языке, иногда считают необходимым применить ряд лексико-грамматических трансформаций.

Подсекция «Язык и культура СМИ»

Журналы для девочек: традиции и современность

Д.И. Вохмякова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Общеизвестно, что большинство детских периодических изданий несут в себе воспитательную функцию, отражая представления общества (взрослых и родителей) о том, каким должен быть ребенок. При этом специфика периодических изданий заключается в том, что в отличие от, скажем, литературных произведений, они более чутко реагируют на изменения в окружающем мире и находятся в более тесном контакте с читательской аудиторией. Все это позволяет рассматривать детскую периодику, с одной стороны, как канал передачи господствующих в этот момент социальных и общественных представлений и устоев, чутко реагирующий на любые изменения в подобных представлениях, а с другой стороны – как на один из факторов, оказывающих влияние на формирование детской личности. Учитывая тот пробел, который существует в области изучения детской периодики, нам показалось интересным проследить историческую традицию развития периодики для девочек и юных женщин в России и то, как менялся общественный идеал «современной девушки» на протяжении веков.

С момента зарождения детской периодики для девочек можно выделить три основных исторических этапа, имеющих значительное расхождение в тех задачах, которые подобные издания ставили перед собой исходя из общественного идеала женщины определенного культурно-исторического периода.

I этап – первая половина XIX – начало XX века, когда периодика для девочек, делавшая свои первые шаги, откликнулась на исторические и культурные изменения в Российском обществе, затронувшие, в том числе, и вопросы отношения к женщине, понимания ее статуса, как в семье, так и в социальной жизни общества. Журналы для девочек этого периода, надо отметить, весьма немногочисленные, ставили себе просветительские цели, стараясь воспитать разносторонне образованную девушку, ориентируя ее при этом на выполнение ее роли в качестве матери, жены и хозяйки, то есть, по сути, члена небольшого и ограниченного рамками семьи социума.

II этап – советский период, когда основной задачей детской периодики предполагалась пропаганда официальной идеологии и воспитание гражданина (то есть члена большого социума – государства). Традиция периодики для девочек, заложенная в XIX веке была прервана. Отличительной чертой советского периода нашей истории являлось стремление к устранению гендерной асимметрии. С идеологической точки зрения дети обоего пола обладали одинаковыми правами на обучение и трудоустройство, их социальные роли максимально сближались. Конечно, в бытовой сфере разделение на традиционно женскую и традиционно мужскую «сферы влияния» продолжало существовать, однако набор качеств «юного пионера – будущего комсомольца и коммуниста» был одинаков как для девочки, так и для мальчика.

III этап – современное состояние российской периодики для девочек-тинэйджеров, когда из-за отсутствия собственных традиций, а также под воздействием процесса глобализации, происходит практически полное перенесение англоязычной, в частности американской системы ценностей на русскую почву. При этом роль журналов в формировании личности девочки значительно возросла, а роль художественной литературы, по сравнению с XIX и XX веком, сильно снизилась. Основной функцией подобных изданий стала развлекательно-воспитательная. Современный журнал для юных читательниц смещает акценты с общегражданских ценностей на развитие отдельной успешной личности.

Изучение истории развития и традиций российской детской периодики, в частности, изданий для девочек, имеет большое значение. Можно с уверенностью предположить, что потеря собственных традиций в этой области является одной из причин, по которой процесс заимствования не только названий современных журналов для девочек, но и их концепций, несущей в себе идеал «американской мечты», произошел столь быстро и в столь полной мере. К тому же детская периодика является незаменимым и полноправным источником, позволяющим более полно осознать представления общества в определенный культурно-исторический период.

Прагматический аспект вариативного наименования референта в СМИ

А.И. Иванова

Тверской государственный университет

В пределах одной референтной ситуации возникает необходимость повторной номинации отдельных полностью или частично идентичных понятий. Лексические средства последовательной интродукции референта рассматриваются нами в качестве контекстуальных синонимов.

В целом вариативное оформление смысла служит коммуникативной цели высказывания – передаче максимума информации при минимуме языковых затрат. Контекстуальная синонимия представляет собой одно из средств уточнения мысли, более детального описания ситуации, передачи адресату сообщения дополнительных деталей о денотате. На осно-

вании анализа материалов немецкоязычных, англоязычных и русскоязычных СМИ нами было выявлено, что использование различных средств наименования референта имеет амбивалентный характер: они создают вариативность языкового воплощения смысла и служат компрессии языковой ткани высказывания. Полученные нами результаты хорошо согласуются с идеями исследователей о том, что чередование стандартности и вариативности форм языкового выражения — существенная коммуникативно-прагматическая черта языка прессы.

Специфика функционального рассмотрения лексических способов вариативного оформления смысла может зависеть от научной позиции исследователя. В лингвистике текста вторичные наименования представляют интерес как важное средство создания связности и смысловой целостности высказывания [3], [4].

С позиции стилистики варьирование наименования референта определяет стремление отправителя сообщения избежать неоправданных повторов одних и тех же лексических единиц, устранить монотонность и однообразие речи.

В коммуникативно-прагматическом аспекте контекстуальные синонимы рассматриваются в качестве окказиональных единиц, обладающих большим прагматическим потенциалом, благодаря которому они способны оказывать максимальное воздействие на адресата, повышая коммуникативно-прагматический эффект высказывания. Данные нашего исследования свидетельствуют о том, что вторичные наименования, являясь знаком интеллектуального содержания, нередко выполняют эмоционально-экспрессивную функцию. Помимо эмотивной функции использование контекстуальных синонимов отвечает обратной ей функции смягчения экспрессии, маркирования дистантного отношения автора к денотату.

В теории референции подчеркивается роль синонимических отношений в развертывании и организации текста. Накопление синонимов позволяет поддержать и усилить информационную значимость слова в высказывании.

В психологии вариативность наименования референта рассматривается с позиции смыслообразования и смысловосприятия. Синонимическое дублирование отражает процесс обдумывания высказывания и служит средством усиления надежности передаваемой информации, ее закрепления в сознании реципиента. Ряд исследователей придерживаются концепции «психологического удовольствия», «силы обольщения» языкового акта повторения, а также идеи «борьбы с шумом» [2].

Данные нашего исследования позволяют рассматривать контекстуальную вариативность как диалогически/полифонически организованное явление, позволяющее актуализировать в рамках одного монологического единства различные «голоса» [1] и смыслы, принадлежащие различным индивидуумам.

Таким образом, теоретический и эмпирический материал нашего исследования позволяют рассматривать различные способы наименования

референта качестве не только структурных, но и смысловых компонентов текста, участвующих в построении его глубинной макроструктуры. Явление номинативного варьирования обусловлено не только законами построения связного текста и прагматико-стилистическими задачами, но и требованиями психологического плана высказывания.

Литература

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975. — 496 с.
2. Гизатулин С.Л. «Семантическая экономия и избыточность в речи» // Филологические науки, 2001, №2, С. 78-93.
3. Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981, с. 183.
4. Agricola E. Textstruktur. Textanalyse. Informationskern. Lei pzig, 1979, с. 109.

Роль средств массовой информации в современной России

О. В. Корф

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Средства массовой информации (СМИ) являются одним из важнейших институтов современного общества. Восприятие и интерпретация важнейших явлений и событий, происходящих в современной России и в мире в целом, осуществляются через и с помощью СМИ. Эти обстоятельства приобретают особую актуальность и значение на фоне все более растущего проникновения СМИ в политическую сферу, их превращения в один из важнейших инструментов реализации политического процесса. Знаменательно, что в современной политологии СМИ характеризуют такими пышными титулами, как «великий арбитр», «четвертая ветвь власти» наряду с законодательной, исполнительной и судебной и т. д. Их власть заключается в возможности влиять на умы. Именно СМИ являются сегодня основным поставщиком информации, которая служит сырьем для формирования взглядов, отношений, оценок, восприятия субъектов политики, которые, в конечном счете, трансформируются в те или иные ролевые модели поведения. Вера во всемогущество телевидения настолько велика, что иные политические деятели считают, что тот, кто контролирует телевидение, контролирует всю страну.

СМИ выполняют свою политическую, управленческую роль в политической системе общества путём обсуждения, поддержки, критики и осуждения различных политических программ, платформ, идей и предложений отдельных лиц, общественных формирований, политических партий, фракций и т. д. Например, процесс обновления, демократизация нашего общества чрезвычайно активизировал СМИ. Сотни, тысячи документов, заявлений, политических платформ, проектов программ, законов стали предметом всенародного, заинтересованного, острого обсуждения в прессе, на радио, телевидении. Печать стала аккумулятором человеческого, политического опыта постоянно политизирующегося общества.

В этих условиях коренным образом изменились взаимоотношения политики и журналистики. Взамен безоговорочному и жёсткому подчинению СМИ политике, административно-бюрократическому контролю за их деятельностью создаются новые, характерные для демократического общества условия функционирования печати, телевидения, радио, в основе которых лежат общечеловеческие ценности – честность, правдивость, уважение различных позиций, гарантия свободы слова и совести.

Сегодня в России право на издание газет и журналов получили не только государственные учреждения, различные партии и общественные организации, кооперативные, религиозные, творческие организации, но и отдельные лица.

Несмотря на отсутствие должной политической культуры, должного профессионализма, СМИ активизировали политическую жизнь, став аккумулятором новых идей и взглядов, ниспровергая мифы и догмы, устаревшие представления. Большая заслуга принадлежит печати в национальном возрождении России, в пробуждении исторической памяти народа, ликвидации «белых пятен» в истории, возвращении к духовности народа, его традициям.

В новых условиях усложняются взаимоотношения политической системы, политической жизни общества и журналистики. Если при тоталитарном режиме таковые сводились к безоговорочному подчинению журналистики политике по формуле «Журналистика – вид политической деятельности; журналисты – продолжение партийного аппарата, подручные партии» и т.п., то сегодня отношение подчинённости и субординации сочетается с деловым партнёрством, сотрудничеством постоянным взаимодействием.

Таким образом, в процессе обновления нашего общества, изменения политической системы принципиально изменяются место и роль СМИ. Из безоговорочно подчиняющихся партийно-бюрократическому аппарату они превратились в активную влиятельную составную часть нашей политической системы, общественного судью, народного стража общественного порядка и справедливости, в неотъемлемый элемент формирующегося правового государства.

«Реалити-шоу» – новый формат на Российском телевидении

Е. Н. Литвинова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Современные СМИ играют огромную роль в формировании контекста современной культуры. Глобализация приводит к появлению универсальных медиа форматов, среди которых «реалити-шоу» становятся более популярными и распространёнными, в том числе и на Российском телевидении.

Основные составляющие, гарантирующие успех для создателей и интерес у аудитории такого рода программ, это: зрелищность и непредска-

зуюемость житейской ролевой ситуации, представленной в программе, складывающейся между участниками шоу, обычными людьми «из толпы». По словам, К. Чуковского: «для человека нет ничего интереснее, чем другой человек во всех мельчайших подробностях его бытия» [1].

Интерес аудитории лежит в основной фразе, которая раскрывает смысл данного шоу, в течение которого обычные девушки и юноши могут «стать звёздами» или «построить свою любовь» в определённых пространственно-временных рамках. А также, психологизм ситуации, присущей всем «реалити-шоу», который раскрывается посредством того, что все участники находятся под непрерывным слежением камер, с установкой на сенсационность, граничащей со скандальностью, где рушатся нормы и стираются границы. «Игра» позиционируется не как соревнование, а как истребление себе подобного, провоцируется обнажение присущих каждому индивиду защитных реакций, проявляемых в агрессивной форме.

Принцип заимствования, присущий Российскому телевидению не всегда несёт пользу зрителю и гарантирует успех программы. Главным отличием Российского «реалити-шоу» от западного, является то, что за рубежом эти программы транслируются не кабельном или спутниковом телевидении, являющемся закодированным и платным. В России данный вид программ транслируется на эфирном телевидении, то есть в открытом доступе, что создаёт дополнительный прецедент для повышения требований к вещателям такого рода программ, за производство и распространение которых они несут ответственность перед обществом [2].

Другое важное отличие состоит в том, что Российские вещатели ориентируются исключительно на рейтинговую политику канала, где запуск нового «реалити-шоу» предполагает быстрорастущий интерес аудитории к программе, и следствием того привлечение больших финансовых средств от рекламодателей. Если рейтинг невысокий программа снимается с эфира.

Поскольку большая часть «реалити-шоу», представленных на Российском телевидении, является «клоном» западного образца, следует учитывать культурно-специфические факторы, такие как особенности национального мировосприятия, идеологические установки, устойчивые представления и стереотипы, а также организацию видеоряда, звукового сопровождения, оформление студии, стиль ведущего, его профессиональные качества и личное обаяние [3].

На примере программ «реалити-шоу» можно пронаблюдать за тем, какой интенсивный поиск ведёт современное телевидение в надежде определить ту модель, содержательную и экономическую, в русле которой оно будет развиваться в дальнейшем, поэтому необходимо понять, что в современных условиях на первое место должна выдвигаться его коммуникативная функция, основанная на общепринятых нормах морали и нравственности.

Литература

1. Чуковский К. Оксфордская речь. Новый мир, М., 2001. № 11. С. 200.

2. Уразова С.Л. «Show-clon телевизионной реальности» // Телерадиоэфир. История и современность. Под ред. Засурского Я.Н. Аспект пресс, М., 2005. С. 109.

3. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиа текстов. М., 2000. С. 213.

**Социально-прагматические детерминанты конвергенции
публицистического и разговорного дискурсов**

М.В. Черкашина

Ставропольский государственный университет

Структура любого типа дискурса обладает диалогичностью, которая манифестируется эксплицитно или в скрытой форме. Диалогический характер публицистического дискурса репрезентируется в виде соприкасающихся коммуникативных плоскостей: автор/журналист – читатель; автор/журналист – участник описываемых событий; участник описываемых событий I – участник описываемых событий II; участник описываемых событий – читатель.

Конвергенция публицистического и разговорного дискурсов обусловлена рудиментными явлениями при взаимодействии выделенных пластов в макрокоммуникативном акте. Разговорные элементы обеспечивают при этом реализацию коммуникативных задач участников социальной интеракции как в пределах каждой из диалогических даид, так и на комплексном макродискурсивном уровне.

Жанровая специфика как социокультурная константа, организующая пространство публицистического дискурса, влияет на распределение разговорных элементов в его структуре. Наибольшая частотность разговорных элементов выявлена в художественно-публицистических жанрах газеты.

Тип газеты: надрегиональная/местная, качественная/бульварная детерминирует степень интегрированности разговорных дискурсивных маркеров в структуру и ткань публицистики. Разговорные элементы преобладают в бульварной и местной прессе.